2 руб.
Индекс 73607

ISSN 0130-217X

Кубань

Сентябрь 1991

Сентябрь
1991

Издается с 1945 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.
УЧРЕДИТЕЛИ — СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
И КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ

Содержание

ХИМЕРЫ ПРОТИВ ХИМЕР

Когда августовский дворцово-фарсовый путч был подавлен и смятенно-мимикрирующий М. Горбачев возвратился из Фороса в Москву, фарисействующие демороссы окончательно нарекли правительственное здание на Краснопресненской набережной Белым Домом, а его хозяина, российского правителя-спасителя, преемником всех начинаний Мировой Демократии. Говорилось это как для красоты слога, так и с лоббистско-демагогическим прицелом и выражало душевный настрой реформаторов, умело срежиссировавших грандиозное политическое шоу. Самонадеянный подъем, переходящий то и дело в самоупоение, не нарушили ни голодный мор, поразивший россиян в последующие недели-месяцы, ни ожесточенные вспышки межнациональной неразберихи, ни нравственное грехопадение, подхлестнутое шоковой терапией. Триумфально бодрое расположение духа, нашедшее воплощение в пассаже А. Адамовича: "Августовская революция — это революция с веселым лицом Ростроповича", осталось неизменным и после того, когда Запад оценил шансы наших рыночно-экономических дерзателей двумя словами: никаких шансов. И достигло своей высшей точки в леволиберальном неокульбите Горбачева, резво исполненном им на одном из осенних заседаний новоявленного Госсовета: "Мультимиллионеры спасут страну. Мы с Борисом Николаевичем договорились..."

Самоупоение и самоуправство есть естественное и внеисторическое состояние ума поверхностного и вкрадчивого, чувства прихотливого и напыщенного. Оно одинаково известно верхушке зулусов и кафров, татаро-монголов и хазар и свидетельствует лишь о тщеславии души да наличии в ней эгоцентричных помыслов. В новейшей истории России символом такого самоуправства или элитарного самоволия можно считать выборы в Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (прошедших сразу после Февральской революции под оголтелое улюлюканье "избранных"), в результате которых председателем стал не рабочий, не солдат, не крестьянин, не русский, а — Лев Троцкий. И единственно возможной при этом политикой явилась так называемая революционная диктатура, а точнее, диктатура клана, поставившая на место несовершенного свое, только в тысячу раз худшее. Разумеется, для российского люда.

Самовозвышение как отдельной личности, так и целой клановой прослойки говорит, как правило, не об умонаклонении к добру, а о склонности к деспотии, сектантскому самочинству, и эта своеобычность неофитов-верховодов ни в какие времена не оставалась не замеченной простодушной и наблюдательной российской паствой. "Вошел человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый и бросающийся в глаза... — читаем в воспоминаниях В. Б. Лопухиной "После 25 октября", характеризующих облик Троцкого и затрагивающих самую сердцевину той проблемы, что до сей поры беспощадно облучает нас. — Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными вниз концами. Небольшие пронзительные глаза... И — непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, создающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогообразные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближающемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народной фантазией..."

Как явствует из сделанной наскоро непосредственной записи, рядовое русское сознание при самом вступлении своем в полосу роковых преобразований уже имело представление о самочинных обновленцах-вершителях, и только в силу своей, так сказать, первоапостольской чистоты ничего действенного не могло ему противопоставить. И это послужило прелюдией к общенародной трагедии. В Московском Кремле до сего дня функционирует музей-квартира Ленина, где посетители могут видеть на рабочем столе вождя небольшую статуэтку, подаренную Ильичу известным миллиардером и адептом одержимого Троцкого Арнольдом Хаммером. Странная, прямо-таки дерзновенно-сатанинская вещица: задумчивая обезьяна сидит в позе роденовского мыслителя, в ее лапе покоится человеческий череп, и обезьяна пристально смотрит в его пустые глазницы.

По отзывам музейных старожилов, Владимир Ильич весьма дорожил хаммеровским подношением. Неравнодушны были к подарку горячего друга Страны Советов и все последующие партийные деятели вплоть до ныне здравствующих. Что же касается недавнего идеолога КПСС Александра Яковлева, то он своими перестроечными действиями не только успел расположить к себе престарелого мультимиониста, но и удостоился высокой чести быть приглашенным им в главную нью-йоркскую штаб-квартиру, где перед его взором предстал стол, напоминающий ленинский, и точно такая же статуэтка обезьяны, задумчиво вперившейся в бренные останки человеческого лица.

Два идентичных изваяния "обезьяны разумной", пророчески размышляющей над судьбой "россиянина неразумного" в двух полярных точках планеты — что это: тайный единящий знак-девиз или некая химерическая перекличка, шифр к которой известен лишь самым-самым? Не станем гадать и демонстрировать свое "черносотенное невежество", а приоткроем завесу над тем же Хаммером, чьим именем наши демократические приспешники сегодня предложили назвать один из центральных московских проспектов и чья идея миропорядка выставлена ими в качестве нового варианта "светлого будущего".

В самом начале 80-х парижская газета "Русская мысль" в связи с участившимися вояжами Хаммера в Москву в качестве "культурного посредника между СССР и США на высшем уровне" поместила следующую справку "О товарище Арманде Хаммере": "Известный американский промышленник А. Хаммер появился в Москве в 1921 году после введения НЭПа и, будучи секретарем "Американской объединенной компании медикаментов и химических препаратов", первым из иностранцев заключил с советским правительством договор о разработке асбестовых рудников на Урале..." Предки этого промышленника, — узнаем далее, — были русскими евреями, заработавшими на "русских возможностях" миллионы: прадедушка на строительстве военных судов для Николая Первого; дедушка на Каспийских соляных приисках; отец на перепродаже медикаментов, а сын на торговле награбленным. Совмещая способности гешефтмахера и левые наклонности, А. Хаммер довольно быстро вступил в доверительные контакты с высшими советскими инстанциями, в том числе и с Лениным, и к середине 30-х "завладел самой богатейшей коллекцией художественного антиквариата, заполученного в России..."

В данной справке "О товарище Арманде" все верно и в то же время исключительно относительно, ибо ничего не сказано о феномене Хаммера, вернее, тех дрожжах, на которых его дело не просто разрасталось, а и слилось с процессом нашей нынешней перестройки, побудило к трансформации все наше бытие. Феномен этот и дрожжи эти — целенаправленный и абсолютно непоколебимый взгляд на Россию как на колониальную вотчину и на русского человека как на человека-молекулу. Откуда такое заключение? Из книг "Больше, чем жизнь. Удивительная биография Арманда Хаммера" и "Мой век — двадцатый. Пути и встречи", вышедших в издательстве "Прогресс" и принадлежащих перу личного биографа Хаммера Б. Коксидайна и самого Хаммера.

"Я был преуспевающим молодым человеком с кучей денег в кармане, ценителем хорошеньких женщин и красивых вещей", — таким преподносит себя Хаммер в ту пору русской жизни, когда наше Отечество оказалось опрокинутым и растерзанным, и десятки тысяч голодных, чтобы выжить, понесли на продажу все самое дорогое и заветное. Именно в такой момент на одной из московских барахолок хаммеровскими агентами было приобретено уникальнейшее фарфоровое блюдо. "Стоило оно всего несколько рублей, — пишет Хаммер, — но нам было с первого взгляда ясно, что это ценное произведение искусства". И в самом деле, бросовое блюдо оказалось частью сервиза, изготовленного на императорском фарфоровом заводе и принадлежало оно видному члену царской семьи.

Другой раз во время обеда в заурядной петроградской гостинице Хаммер наткнулся на "ценнейший банкетный сервиз Николая I, датированный 1825 годом". Узнав, что директор "комплексует", Арманд выручил "блаженного": предложил ему большой и прочный столовый набор взамен хрупкого императорского. Примерно таким же образом Хаммер завладел и сервизом Николая II, состоявшим из шести тысяч предметов, а также большим набором винных бокалов с императорским гербом, написанным золотом и эмалью между двумя слоями стекла. "Очень скоро, — признается Хаммер, — наш дом в Москве превратился в музей предметов, раньше принадлежавших династии..."

Надо заметить, что книгу-свидетельство "Больше, чем жизнь" редактировал советский журналист-международник Мэлор Стуруа, или изначально — Мэлсор Стуруа, что по буквам аббревиатуры-имени означало: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Октябрьская революция... И вот он-то, щедро вознагражденный богатейшим концессионером мира (Стуруа оказался одним из первых советских интеллектуалов, безбоязненно открывших счет в иностранном банке), сделал все, чтобы хаммеровские деяния выглядели "удивительными". Арманд, как явствует из повествования, открывает в Москве и Питере дешевые столовые, подкармливает вокзальных бродяг благодетельными сосисками, поставляет в голодающие районы страны американское зерно и — лишь как бы между прочим берет взамен "пропадающее задарма": километры овечьих и телячьих кишок для американских колбасных фирм; козлиные, свиные и бычьи кожи; десятки тысяч кубометров отборного леса; лекарственное сырье; племенной скот; собольи, норковые, бобровые и беличьи шкурки; русскую водку и черную икру тоннобочками и, конечно же, "обреченные сгинуть" церковную утварь, иконопись, произведения мировой живописи.

До своего приезда в Россию Хаммер, согласно комментарию М. Стуруа, не разбирался в тонкостях искусства, но революционные перемены приобщили его к российским сокровищам и побудили к новой карьере — антиквара, погибшего ценителя шедевров культуры.

Примеров того, каким конкретно антикваром и ценителем был Хаммер, в хронике о перекупщике можно найти немало, но мы задержим внимание лишь на одном, который горделиво приводит сам Арманд. Однажды в его коллекцию попало знаменитое "Лебединое яйцо" работы знаменитого придворного ювелира Фаберже. В "прозрачном и прекрасном овале" плавал по гладкой "поверхности кристалла", изображающего озеро, "покрытый бриллиантами" лебедь. Когда заводили невидимый механизм, лебедь начинал двигаться, "грациозно хлопал крыльями и вытягивал шею". "Лебединое яйцо", приобретенное практически за бесценок, было оценено Хаммером в "несметную сумму", и показывал он его только "серьезным покупателям". И таковой не замедлил найтись: им оказался египетский король Фарук. Короля, по словам Арманда, также "сильно" интересовали ювелирные изделия из "российских дворцов", и он заплатил, не торгуясь.

"Если хочешь добиться успеха, имей дело с боссом..." — таким неукоснительным правилом руководствовался Хаммер, заботясь, по его словам, столько же о приумножении своих миллионов, сколько и о том, какой быть завтрашней России. В полном собрании ленинских сочинений можно без труда отыскать ряд документов, которые показывают, что Ленин относился к устремлениям американского бизнесмена с поразительным пониманием. Любопытна, в частности, его записка от 14 октября 1921 года, адресованная членам ЦК РКП (б). В ней "главный босс" революционного правительства твердо поддерживает крайне сомнительные условия хаммеровских коммерческих хлебопоставок и считает, что обмен зерна на уральские драгоценности вполне хорош. Хаммера такой разворот дела и устраивал, и вдохновлял. "После того, как русские товары прибыли в Нью-Йорк, деньги, вырученные от продажи мехов, шкур и драгоценностей, с лихвой покрыли стоимость зерна", — вспоминает он о своем сговоре в конце 80-х. И с удовлетворением подытоживает. "Я достиг, чего хотел". А достиг он, добавим, не только колоссального барыша, а и того, что им же самим было названо позже решением "честолюбивой задачи", позволившей двигаться вперед. Когда на пути в Алапаевск хаммеровские вагоны были как-то задержаны и Арманд протелеграфировал о случившемся Ленину, ненавистное и одному, и другому российское "бюрократическое проклятье" было решительно и быстро преодолено: эшелону дан зеленый свет до самого Алапаевска, а комендант станции после короткого разбирательства "пущен в расход".

Сталин в качества "босса" оказался для Хаммера более, нежели Ленин, неудобным, и этот фактор, судя по подтексту хаммеровских саморазъяснений, сыграл не последнюю роль в разоблачении сталинизма и так называемого культа личности со стороны мирового сообщества. Но неудобный — не значит непреодолимый. Через посредство сталинских соратников Хаммер добился разрешения на вывоз из СССР своих "коллекций" и в 1935 году в США организовал выставку "150 лет русской живописи", составленную из картин, приобретенных при "кремлевском диктаторе", а в 1939-м — "Выставку русских императорских сокровищ из Зимнего дворца, Царского Села и других царских дворцов".

"Можно сказать, что сегодня саму Россию пускают с молотка...", — писала в те годы одна из русских эмигрантских газет, потрясенная размахом и техникой хаммеровских распродаж выставленного. А Роберт Вильямс в книге "Русское искусство и американские деньги. 1900—1940" уточнял: это не "обычная выставка-распродажа", это наметки того, как "несокрушимый капитал" будет диктовать свою волю "демократизирующимся, вернее, американизирующимся Советам".

Эра Брежнева подтвердила правоту Р. Вильямса, Арманд при одной из личных встреч с Леонидом Ильичом сказал ему: "Вы мне очень напоминаете Ленина..." — и некоторое время спустя заключил с Советами сделку на невиданную в истории частного бизнеса сумму — почти на тридцать миллиардов долларов. А взамен выстроил на территории Союза заводы и поставил на поток производство аммиака и минеральных удобрений. Иначе говоря, дал полный ход той самой зловещей химии, или экологической бомбардировке, что насыщает живую среду особо опасными пестицидами, нитратами и нитритами и превращает человека в мутанта.

Короткое правление Ю. Андропова, которого западные средства массовой информации представили в некрологах как "Ю. Андропова-Эренштейна и самого видного деятеля за последние 500 лет русской истории", хаммеровской корпорации "Оксидентал" солидных дивидендов принести не успело. Но сам уход босса, стоявшего на страже "мирного сосуществования", был воспринят Хаммером в качестве обнадеживающего. "Общее настроение в Москве после похорон Андропова было неожиданно раскованным... — делится он своими предощущениями в книге "Мой век — двадцатый". — Когда мы подъехали к аэропорту, перед нами появилась машина с надписью: "Следуй за мной". Она доставила нас прямо к ступенькам самолета, готового к отправлению. У входа в самолет офицер просмотрел наши паспорта и окинул быстрым взглядом чемоданы. Затем двери самолета захлопнулись, и мы отправились в обратный путь. Шестьдесят пять лет я имел дело с советской таможней, но такого еще не случалось".

Примечательной чертой хаммеровского мировосприятия правомернее всего, пожалуй, назвать пильпулизм, т. е. такую систему толкований, которая позволяет черное называть белым, преступление — благом, издевку — похвалой и т. п. В этой связи действующий босс у Хаммера шел всегда под грифом самого выдающегося, а отошедший — только примерного. "Хрущев, Брежнев, Черненко были солидными личностями, — пишет он, — однако манеры Горбачева не оставляли сомнения в том, что он — лидер, человек, сделанный из особой ткани". Арманд не делает секрета из того, что он вкладывает в понятие "особая ткань". Во-первых, Горбачев пошел на многообещающие контакты с Рейганом благодаря его, хаммеровским настояниям. Во-вторых, стал исповедовать принципы "нового мышления", почерпнув их у него, у Хаммера. В-третьих, вопрос "афганского урегулирования" решил по миротворческому сценарию не кого-то иного, а опять-таки его, Хаммера. Да и идею сближения Кремля и Запада взял у него, у Хаммера, и лишь по-своему, по-горбачевски принялся ее осуществлять.

Чего в этих хаммеровских суждениях больше: рыночно-хищнической саморекламы, непреднамеренного заблуждения или все-таки правды? Скорее всего, правды, так как в фактурно-реальном плане Арманд являл собой фигуру синтетичную, имевшую про запас на всем своем торгово-культурном продвижении самые сильные козыри и самую надежную подстраховку. Из воспоминаний Хаммера явствует, что неперсоценимую роль в становлении его бизнеса сыграл Троцкий, человек "необыкновенных способностей и непоколебимой воли". На встречу Хаммера с Лениным, например, он послал Бориса Рейнштейна, своего доверенного, который все и обставил должным образом. Существенную добавку к "рейтингу" Арманда внесла затем "маленькая горбатая девушка" Мария Игнатьевна Гляссер, секретарь Ленина, пользовавшаяся его "полным доверием". Вообще, люди Троцкого, ставшие людьми Хаммера, составили в дальнейшем то многоликое целое, благодаря которому последний и стал именоваться в наркоматах Союза и партийных кругах "уважаемым товарищем миллионером". Если персонально, то это — Лев Вольф, представитель англо-американского отдела наркомата внешней торговли; Григорий Ваништейн, заведующий этим же отделом; Литвинов, или Макс Валлах, нарком иностранных дел; Фрумкин, заместитель наркома внешней торговли; Шейнман, председатель Госбанка; Луначарский, нарком просвещения, неустанно утешавший Арманда: "Не обращайте внимания на газетные нападки. Чувствам некоторых товарищей надо давать выход..."; Каменев, организовавший через посредство некоего Израиля Перльштейна вывоз личной библиотеки Николая II (около 1700 томов) и наиболее ценных приобретений Хаммера. А в наши дни — Г. Арбатов, или Лейзерборг, директор Института США и Канады; Ю. Афанасьев, или Розенфельд, ректор Историко-архивного института; Г. Шахназаров, член-корреспондент АН СССР и помощник М. С. Горбачева, и т. п.

Провозгласив себя "гражданином мира", Хаммер ни одного из наших высших партвождей не обошел сувениром. Сталин получил от него в качестве презента ленинский автограф; Хрущев — киноленту, запечатлевшую его на трибуне ООН; Брежнев — отрывок из собственной официальной речи, где он говорил: "Хаммер делает очень большое дело. Я помогаю ему, он помогает мне"; Черненко — золотой знак "С"; Андропов — текст "Интернационала" со слегка измененным рефреном: "Мы свой, мы новый мир построим"; Горбачев — часы, рабочий механизм которых имитировал довольно раскованное эротическое действо.

Если исходить из естественного допуска, что в каждый из сувениров Армандом был заложен определенный смысл, то последнее подношение не просто симптоматично, а и — трагично, ибо заключает в себе достаточно полное представление о преследующем нас роке. Вернее, об эволюции нашего лидера и присных его, которые взамен концлагерей, психушек и полуголодного бесправия предложили истерзанному народу "цивилизованную свободу" по Хаммеру: коммерческое бесстыдство, "прелести" свального греха, все прочие слагаемые оскотинивания, ставящие россиянина ниже советско-масонской обезьяны.

В середине 80-х, а именно в декабре 1984 года, газета "Советская Россия" поместила выразительное фото Арманда Хаммера и обширное интервью с ним, в котором фактический суперхозяин мира с поистине люциферовским лукавством призвал "население страны" к необходимости "утрамбования почвы" для всеобщего сожительства на равных. "Учиться жить вместе" — такой заголовок газета предпослала материалу и вольно или невольно, следуя новым постулатам идеологических инстанций, провела мысль о том, что Хаммер такой же, как и все рядовые люди. Вскоре, в августе 1985 года, по ЦТ был показан кинофильм "Две главы из одной хроники", в котором Марк Прудкин, игравший роль мультимиллионера по фамилии Гаммер, глубокомысленно изрекает: "Богатые люди, они такие же, как и остальные, только у них денег больше". Год спустя в киноленте "Грядущему веку" практически эти же слова повторил безымянный герой-коммунист, прошедший тяжкий путь борьбы за советскую власть и неожиданно осознавший, что "капиталисты бывают разные", есть и такие, без которых нам "не обойтись". А еще через год, в 1987-м, другой герой-коммунист, на этот раз с именем, в своей книге "Перестройка и новое мышление", изданной одновременно в СССР и США, прямо-таки скалькировал не только эти, но и многие иные суждения Хаммера, разбросанные в многочисленных речах, эссе, интервью. И суммировав все вкупе, представил нам путь "нашего" переустройства в таком философическом ракурсе: "Дело очень трудное. Но цель стоит того, чтобы не пожалеть сил... Есть старая притча. Приходит путник к людям, которые возводят какое-то сооружение, и спрашивает работников: что это вы делаете? Один раздраженно отвечает: да вот, гляди — с утра до вечера чертовы камни таскаем... Другой встал с колен, распрямился и с гордостью сказал: видишь, Храм строим!.. Вот если ты видишь эту высокую цель — сияющий Храм на зеленом холме, тогда самые тяжелые камни — легки, самый изнурительный труд — удовольствие".

Не станем гадать, по чьей инициативе — Г. Шахназарова или кого-то еще — эта библейско-беллетристическая находка оказалась в труде М. Горбачева. Но обратим внимание: у Хаммера сияющий Храм на зеленом холме — это Соломонов Храм, и предназначен он для посвященных, т. е. для тех, кто с виду, как все, а по сути — совсем другой. У Горбачева же сияющий Храм — словесный рудимент, отвлеченно-фигуральный оживляж, и не более того.

После Чернобыльской катастрофы в широкой прессе появилось немало публикаций, устанавливающих ту или иную степень зависимости между атомным выбросом, хаммеровскими колониально-монополистическими притязаниями и его шумными гуманитарными действиями, создающими иллюзию личного глубокого потрясения. И почти ничего не говорилось о том морально-психологическом гешефте, который получили в связи со случившимся наши дерзновенные "прорабы" с неутомимо лавирующим термидорианцем-переустроителем во главе. А гешефт этот — право на обретение индивидуально благоприятного статуса, т. е. такого доходно-политического положения, которое гарантирует высоту об-

щественного расположения при удручающей скудости собственных возможностей. 5 апреля 1989 года, к примеру, Тэтчер на обеде в своей резиденции заявила советскому лидеру: "Каждый раз Вы посещаете нас в новом качестве. Сначала, в 1984 году, как член Политбюро. Затем, в 1987 году, как Генеральный секретарь ЦК КПСС. А на этот раз в качестве Президента. Льстим себя мыслью о том, что визиты к нам дадут и дальше прекрасный импульс Вашей карьере."

Маргарет потому, видимо, и прослыла "железной", что слов на ветер не бросала. "Человек года", "Человек десятилетия", "Лауреат Нобелевской премии", "Гражданин мира" — таких знаков признания удостоился вскоре "Горби" со стороны мировых координаторов, представленных самыми разными сподвижниками Хаммера. И не без их же подстрекательско-русофобского участия освободился от жесткой, сковывающей и изрядно потертой партократической шкуры. Но оказавшись в своей, предстал пред очами просвещенной и непросвещенной публики в неожиданно хлипком обличье, — подстраивающимся, податливым, готовым к откровенному перерождению.

Козленок "Горби" на руках у Маргарет Тэтчер, козленок "Горби" на лужайке у всамделишнего Белого дома, козленок "Горби" в прихожей у заседающей "семерки", человечек "Горби" в виде мягкой и дорогостоящей игрушки — эти шаржи и карикатуры, обошедшие страницы самых разных изданий, явили собой, конечно же, насмешку, однако не уничижительную, а иронично-куражливую, благожелательно зафиксированную сверхновую ситуацию, обозначившуюся в Советах: "хаммеризацию под сурдинку". Дело в том, что вслед за Хаммером к нам проник и тут же надежно закрепился другой мультирадетель — Джордж Сорос.

"Миллиардер хочет быть благотворителем" — под такой шапкой газета "Известия" поместила материал об образовании в Союзе так называемого "Фонда Сороса" — советско-американского комитета, предусматривающего новый виток внедрения заокеанского бизнеса в хозяйственную и культурную жизнь страны. Чтобы выглядеть вполне пристойно, "Фонд Сороса" заключил соглашение с Советским фондом культуры во главе с "прогрессивно мыслящими" академиком Д. С. Лихачевым и Р. М. Горбачевой. И в результате возникла ассоциация "Культурная инициатива" с почти неограниченным кругом полномочий. Каких конкретно? В статье самого Джорджа Сороса, увидевшей свет в "Известиях" 18 апреля 1989 года, читаем: "В числе проектов: планирование застройки городов, изучение истории сталинского периода, создание библиотеки для юношества, изучение движения "любберов", работа по реабилитации диссидентов, составление этимологического словаря языков Северного Кавказа, работа над новой Русской энциклопедией, усовершенствование экологического проекта, связанного с озером Байкал..."

Переведем дыхание и попытаемся хоть как-то "переварить" эту информацию.

Проект застройки городов... В свете триумфального шествия "демократии" бросается в глаза, что с народными запросами новоявленные "фондисты" считаться не намерены и никогда не будут. Это явствует из размышлений того же Д. Сороса, который предлагает русофобскую архитектуру прошлых лет решительно модернизировать и дальнейшее российское градостроительство повернуть лицом к Западу.

Изучение истории сталинского периода... Это означает, что взамен одной мифологии будет упорно насаждаться другая и постепенно в общественное сознание будут внедрены все те, кто дурное творил и реализовал.

Создание юношеской библиотеки... Это означает, что вместо "замшелых русопятских" книг будут выпущены книги "настоящих мастеров культуры", тех самых, которые драму нашего бытия усматривают в одном: архетипах российского прошлого, русских генетических пороках и вывихах.

Реабилитация диссидентов... Это означает, что на щит окажутся подняты и превратятся во властителей дум те, кто на собственной метаморфозе сделали биографию и, по словам А. Зиновьева, "заражают мир цинично, последовательно, систематично, с уверенностью в том, что это естественно, что будущее за ними"...

В начале 90-х на советско-американском горизонте замаячила еще одна фигура бизнесмена, политика и банкира, некоего Фредерика Ферста, пожелавшего заняться такой перспективной для Советов проблемой, как конвертируемость рубля. По сведениям радиостанции "Свобода", натолкнула Ферста на эту затею его супруга, которая, следя за манипуляциями советских реформаторов, однажды посоветовала: "Займись этим". Ферст согласился: "Займусь". И, как показала практика, не оказался внакладе.

В свое время Арманд приобрел в Москве дом на Садово-Самотечной, 14, где принимал разных знаменитостей, а также тех, кто в дальнейшем подавал надежды продолжать его дело. В числе последних побывали и нынешние хаммеровские компаньоны, которым запомнилось, как "мама Роза" (мать Хаммера) зачерпывала ложкой черную икру и запивала ее небольшими глотками русской водки. Такую форму приема "русской пищи" она называла тактикой "ушедшего поезда" и всем советовала испытать, попробовать...

Не станем комментировать ни лексику, ни стилистику "мамы Розы", но высказывание об "ушедшем поезде" примем к сведению. Примем потому, что в наши дни обозначилась небывалая ситуация: все извращенное, избыточное, чреватое доводится до неотвратимости и тут же подвергается детальному рассмотрению, предполагающему необходимость извлечения должных выводов. Такая дипломатия, дипломатия "ушедшего поезда", ныне не просто включена в боевой арсенал наших рьяных неозападников, а и служит средством дальнейшего духовного порабощения "населения", залогом вожделенного истребления его в рассрочку...

Виталий КАНАШКИН

Петр Краснов

ОТ ДВУГЛАВОГО ОРЛА К КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ*

ИЗ РОМАНА

Глухой стук. Точно стук из подполья, точно шепот за каменной стеной: на Дону у атамана Каледина все по-старому, полный порядок. Дисциплинированная армия, жандармы по станциям, поезда ходят по расписанию — тишь да гладь. Корнилов неизвестно каким образом освобожден из Быховского застенка. Приехал офицер Генерального штаба и комиссар с предписанием освободить, и освободили. Предписание так тонко подделано, что никто не усомнился в его подлинности. Корнилов, окруженный своими верными туркменами, идет по степям на юг. К нему примыкают юнкера и офицеры. На юге создается снова российская армия, и эта российская армия освободит Россию от засилья большевиков!

Это передал Саблину Ермолов, разыскавший его у Марии Федоровны Моргенштерн. Он рассказал обо всем.

— Надо бежать, ваше превосходительство, — сказал Ермолов. — Там и вам работа будет. На ваше имя солдаты и офицеры пойдут.

Саблин задумался.

"Да, — подумал он. — Надо творить. Надо восстановить старые полки и вернуть совесть русским людям."

Было тут же решено ехать в Ростов, а там что Бог даст. Ермолов обещался выехать вперед, разведать, побывать у атамана Каледина, сговориться с ним, разыскать Алексеева и встретить Саблина с докладом в Ростове. Братья Полежаевы пойдут вместе с Саблиным и составят его охрану, но будут держаться в стороне и как будто незнакомые они вывезут с собою и Олю, она поедет в Смольный институт, только что отправленный на юг.

— И я поеду с вами, — вдруг сказала Мария Федоровна. — Когда вы поедете с дамой, Александр Николаевич, на вас меньше будут обращать внимания. Вы будете только буржуй, каких много теперь едет искать счастья на юге, если же вы поедете один, то вы будете контрреволюционер и вам не избежать крупных неприятностей.

— Поезжай, Маруся, — глядя в большие печальные синие глаза своей подруги, сказал Гриценко. — Ты права. Ты у меня умница.

— Что же вы там делать будете? — сказал Саблин.

— Ростов веселый город, и я там всегда найду себе заработок. Может там в оперетку поступлю. Это всегдашняя моя мечта.

— А ты, Павел Иванович?

— Я останусь. У меня, Саша, старуха мать восьмидесяти лет, как я ее брошу? Проживу как-нибудь. Мы с Мацневым решили скрипеть до конца. Ведь к весне, поди, и Каледин в Москве будет, и вы с Корниловым подоспеете. А то еще на немцев у меня надежда большая. Не первый раз варягам выручать нас. Пусть приходят княжить и володеть нами.

Саблин отправился в контору Международных спальных вагонов. Оказалось, что билеты на Ростов получить нелегко.

Все места на все дни вплоть до второго февраля были проданы. Знакомый кассир, не раз продававший Саблину билеты, сказал ему: "Наведывайтесь к нам каждый день. Может быть, будут случайные места. Бывает так, кто-нибудь записался, а потом передумал, и места остаются. Только, простите, я вас запишу на другую фамилию, а то вас ищут. Придумайте какую-нибудь".

— Моргенштерн, — не задумываясь сказал Саблин.

— Хорошо. Шведская фамилия. Так даже лучше, товарищи иностранцев не боятся. Ведь, поверите, нас спасает только то, что на вагонах написано "compagnie internationale"*. Они думают, что у нас есть что-то общее с их новым Интернационалом, и не трогают.

Случайное место оказалось на 22 января. Однако тот же кассир предупредил Саблина о том, что поезд дальше Лисок не пойдет, так как, по слухам, у Лисок бой. Казаки дерутся с большевиками. Подробностей кассир не знал. В газете глу-

* Продолжение. Начало в № 4—8.

* Международное общество.

хо писалось о контрреволюционных замыслах атамана Калёдина и о том, что должны взяться за оружие и отстаивать землю и мир от генералов, капиталистов и казаков. Были короткие сообщения штаба Главковерха с знаменательным заголовком: "На внутреннем фронте".

На этот внутренний фронт и стремился Саблин, и его сердце по-прошлому, молодо, билось в ожидании боя и победы.

До Москвы ехали благополучно. Мария Федоровна и Оля Полежаева в дамском купе, Саблин с Павликом, Никою и богатым ростовским евреем Капельбаумом в другом купе. Вагон был полон, коридоры заполнены офицерами и солдатами, так что нельзя было раскрыть двери и пройти в уборную, в уборной было разбито стекло, не было воды и три "товарища" дружно храпели на полу под умывальником. Если бы не эти подробности, то можно было бы забыть о том, что едут после революции. В купе было чисто, постели, постланные свежим бельем, были опрятны и ярко горело электричество.

Саблин был одет в шубу с меховым воротником и мягкую бобровую шапку, одолженную ему братом Варвары Дмитриевны Мацневой, и Капельбаум принимал его за купца. Павлик и Ника тоже были в штатском. Солдаты, попавшие в коридор интернационального вагона, чувствовали себя смущенными и вели себя тихо.

В Москве была пересадка. Прямые поезда не ходили, пришлось нанимать извозчика, взявшего за конец безумную цену: двадцать пять рублей; на Курском вокзале садиться пришлось вечером, и носильщик предупредил, что брать мёста надо будет со скандалом. Действительно, за час до подачи поезда платформа наполнилась солдатами с сундучками и котомками, многие и с ружьями. Они, едва только подали поезд, кинулись, давя друг друга, к вагонам и быстро их заполнили.

— Вчера вот так-то кинулись, — рассказывал, проталкиваясь, носильщик, — женщину под рельсы сбросили. Задавило насмерть. Им все ничего.

Однако в интернациональном вагоне опять был порядок. Солдаты не входили в купе и теснились в коридоре. Они останавливали друг друга, говоря, что это вагон иностранный. Они, видно, твердо усвоили, что свое грабить и портить можно безнаказанно, а иностранное боялись, как бы не пришлось отвечать.

Опять без приключений добрались до Воронежа, но там остановились, и через час пришел проводник и сказал:

— Ну, господа, как хотите, или вылёзайте, или обратно поезжайте. Казаки под Чертковым дерутся, не пущают.

Саблин, Павлик и Ника собрались на совет. К ним примкнул молодой энергичный горец, инженер Арцханов, заменивший Капельбаума, перешедшего в соседнее купе.

Ника стоял за то, чтобы слезть в Воронеже и ехать лошадьми через фронт. В разговор вмешался Арцханов.

— Простите меня, господа, что я позволю себе дать вам совет, — сказал он. — Сделайте так, как я. Вы куда едете? В Ростов?

— В Ростов, — отвечал Саблин.

— Ну вот. И я в Ростов. Мы вернемся на Грязи и там сядем в царицынский поезд. В Царицыне все спокойно. Из Царицына поедем на Торговую и по новой ветке в Ростов.

— А почему не на лошадях? — спросил Ника.

— Да ведь вы — офицер? — сказал Арцханов, в упор глядя на Нику.

Ника замялся.

— То есть, был офицером.

— Все равно. Попадетесь в руки красной гвардии — в расход выведут. Притом же с господином помещиком, — кивнул он на Саблина, — дама, с вами — барышня. Теперь зима, чего вы натерпитесь еще в дороге, а тут мы потеряем всего один день.

Павлик стал на сторону Арцханова, Саблин молчал, но видно было, и ему не хотелось попадать на фронт в костюме буржуя и начинать свои похождения с плена у большевиков. Решили остаться в вагоне.

Рано утром выгрузились в Грязях и стали ожидать поезда на Царицын. Регулярного движения не было, но по требованию солдат, в огромном количестве переполнявших станцию, начальник станции согласился отправить в Царицын теплушечный поезд.

— Вы, господа, ничего не будете иметь против заплатить поездной прислуге рублей по тридцать, — сказал Арцханов, — нам выберут вагон почище, и мы своей "буржуйской" компанией славно докатим до Царицына.

Все согласились. Капельбаум, Арцханов и молодой телеграфный чиновник явились ходатаями, и после долгих перешептываний и хождения в комитет железнодорожников дело стало налаживаться.

— Мы взяток не берем, товарищ, — сказал в канцелярии комитета молодой железнодорожный служащий на предложение Арцханова заплатить за вагон.

— А я вам их, товарищ, и не предлагаю, — сказал Арцханов. — Но я прошу вас принять эти четыреста рублей, собранные пассажирами на партийные цели, как знак того, что буржуазия, едущая на юг, сочувствует вам.

— А вы знаете, какой мы партии? — самодовольно усмехаясь, сказал молодой человек.

— Большевики, — сказал Арцханов, — потому что это теперь единственная партия в России, которая может существовать.

Молодой человек не понял иронии, но польщенный смягчился.

— Хорошо, — сказал он, — я вам выдам квитанцию в получении денег. Партия действительно нуждается. Просветительные цели, то да се, знаете, товарищ, деньги всегда нужны, поверите ли, комитет до сего времени даже граммофоном не мог обзавестись. Только, извиняюсь, теплушки вам не найдется. Так, чистенький вагончик вам подберется, знаете такой, где скота не возили.

В сумерках зимнего дня прицепили этот вагон, оказавшийся вагоном из-под угля. По таким пустякам, как угольная пыль, стесняться не приходилось, и пассажиры стали устраиваться в нем на своих вещах.

Солдатская толпа бушевала кругом. Ей не хватило вагонов и, увидав еще вагон, прицепляемый к поезду, она кинулась к нему.

За эти полгода свободной республиканской жизни Саблин привык к солдатским митингам и выражениям, на них употребляемым, и потому нисколько не волновался, зная, что, если нет у этой массы вожака, то от слов и угроз до дела очень далеко.

Не смутило его и то, что солдаты наполнили вагон и стеснили откупивших его буржуев. Этого надо было ожидать. Люди ехали на крышах и на буферах, естественно, что они не могли оставить лишь наполовину занятого вагона.

Саблин, устроив возможно удобнее Марию Федоровну и Олю, уселся сам у стены и думал свои думы, лишь одним ухом прислушиваясь к той перебранке и к речам, говорившимся в вагоне. Он, однако, сразу заметил молодого солдата, одетого лучше других, видимо, комиссара или члена комитета, сразу оценил его значение и сосредоточил на нем внимание.

Поезд тронулся, многие заснули в вагоне, но Саблин не спал.

Он вспоминал всю свою жизнь. Вспомнил весенний "бал" у Гриценки, когда он, юный корнет, заступился за Захара, а потом пел с Любовиным и отвозил Китти. Он был тогда ближе к Захару, к Любовину, к людям своего взвода, чем теперь, когда он прожил с ними двадцать пять лет! Чувства и мысли своих лошадей Леды и Дианы, своего Мирабо, на котором он ездил в дни юности, он знал лучше, чем то, что думали и переживали своими тяжелыми мозгами эти люди.

Он жил с Китти целую неделю, не отходя от нее ни на шаг, он знал каждый уголок ее тела. И теперь стоит ему только зажмурить глаза, и он может ощутить сладострастный трепет при воспоминании о полном, розоватом, упругом теле Китти, о ее прекрасных ногах и нежных душистых руках. Сколько раз, покрыв свое лицо ароматными волнами ее золотых волос, он целовал ее затылок. А думал ли он, знал он, что думает, что переживает она в эти часы? Он испортил, исковеркал ее жизнь и даже не знает, где она теперь, жива или умéрла? Быть может, она следила где-нибудь по газетам за его успехами, читала про его блестящую конную атаку, про ранение, про возвышение и думала: "Он мой! он мой! он был моим!"

Или она давно в земле, и прекрасное тело ее съедено червями и, верно, лежит она в стороне от других, как самоубийца, — недаром призраки самоубийц его так часто преследовали. Она ушла и потонула в людском море, как тонет песчинка, но легче песчинке, смытой океаном на дальнем севере, столкнуться с песчинкой, смытой в знойной Африке, чем встретиться им на земле.

А сколько, сколько солдат прошло мимо него! Он знал их по фамилиям, учил их, разговаривал с ними и проглядел их душу, проглядел их страшный инстинкт разрушения. Саблин считал, что счастье в творчестве, но, если в творчестве счастье, то ведь и в разрушении должна быть своя радость.

И сейчас же он вспомнил Марусю. Никогда наслаждение женщиной у него не достигало такого острого напряжения, как это было в дни его связи с Марусей. Он разрушал ее тело и ее душу. Он перевернул весь ее мир. Она плакала, сгорая от девичьего стыда, а он заставлял ее стоять перед ним обнаженной, с поднятыми руками, и любовался, как краска стыда разливалась по шее, по груди, заливала все тело, становившееся бледно-розовым. Она страдала — он наслаждался. А что, если есть наслаждение и дальше, что, если есть наслаждение видеть муки человека и его медленную смерть? Ходят же люди смотреть смертную казнь, ходят годами по циркам смотреть укротителей зверей или каких-нибудь отчаянных гимнастов, чтобы подстеречь минуту их гибели и... — насладиться. Стоит, чтоб кого-нибудь задавило лошадьми или поездом, и бежит уже жадная толпа смотреть на остатки разбитого тела, на муки и страдания.

Смерть и жизнь близко соприкоснулись в последнем спазме наслаждения, дающем жизнь новому существу, и в последнем спазме тела, покидаемого жизнью, и в обоих есть что-то общее. Женщина, которая рожает, мучается и иногда умирает. Жизнь и смерть сплетаются в судорожном объятии...

Светало. В открытую дверь вагона врывался свежий, весною пахнущий воздух, пахло талым снегом, прелым листом и могучим запахом земли, воды и воздуха, напоенного озоном.

"Жизнь и смерть сплетаются в судорожном объятии"... — снова подумал Саблин и вспомнил сумерки осеннего дня, чистую белую постель и на ней тяжело утонувшее в подушках тонкое лицо. Оно было когда-то несказанно дорогим, и рядом, в кресле, в куче тряпья, красный, как паучок, ребенок, беспомощно шевелящий ручками и ножками...

"Мой принц!.. Мой принц!.." — донеслось до него из какого-то далека.

Было это все! Было и ушло. Исчез Любовин, исчез Коржиков, и где сын Виктор?

Марусю проглотило на его глазах небытие, а те, быть может, и живы, но Саблин про них не знает и узнает ли когда?

Tout passe, tout casse, tout lasse*.

В этом сила, в этом смысл, в этом возможность жить.

Все проходит!..

Проходит страдание, проходит и радость, наслаждение сменяется болезнью, острая боль — тупою. Жизнь сменяется смертью... Смерть... Да, и смерть проходит и наступает что-то новое, иное, чего мы не знаем, как не знаем и того, что сменит ощущение данной секунды, данного мига, четверти мига, мгновения. Пройдет и большевизм, пройдут все ужасы русского бунта, но старого не будет, не будет старого Гриценки, его Захара, Ивана Карповича. А почему не будет?

Вспомнилась поговорка: plus ça change, plus ça reste la même chose**.

Красный паучок, беспомощно шевелившийся в куче тряпья в домике на Шлиссельбургском тракте, вырос. Ему теперь должно быть столько же лет, как вот этому солдату. "Какое у него прекрасное, тонкое и в то же время отталкивающее лицо! Почему он на меня так смотрит? Узнал меня, служил где-нибудь со мною? Кто он? Шофер, мотоциклист, радиотелеграфист, писарь? У него тонкие породистые, холеные руки, так странно напоминающие чьи-то другие руки... Чьи? Чьи?.. В бровях, сурово насупленных, лежит что-то странно-милое, так несоответствующее всему его наглому виду. Где я видал его, где я встречался с ним?

"Что ему от меня надо? Почему собрались там, за вагоном, позванные им вооруженные солдаты, почему он идет ко мне?"

— Вы будете не генерал Саблин? — услышал Саблин обращенный к нему вопрос, и голос показался ему каким-то далеким и глухим. Точно уши у него заложило, так слышны бывают голоса, когда нырнешь глубоко в воду и вода заливает уши.

"Вот оно! — подумал Саблин. — Настал и мой черед!" Он опустил руку в карман, где лежал браунинг, и едва заметным движением большого пальца перевел пуговку на боевой взвод.

— Я вас спрашиваю! — воскликнул солдат, гневно протягивая руку к Саблину.

И стало так тихо кругом... Саблин слышал, как капала с сучка вода на ноздреватый снег и, пробивая его, шуршала по листьям. Упала одна капля, потом другая.

"Вот оно!" — мелькнуло в голове у Саблина, и сейчас же сердце сказало ему: "Все проходит!.."

— Да, я генерал Саблин, — спокойно сказал Саблин. — Что вам от меня угодно?

Он не слышал того, что говорил после молодой солдат толпе у вагона, но он слышал только, что была сказана ужасная наглая клевета и что солдаты поверили ей и готовы на самосуд. Саблин слишком хорошо знал психологию толпы и солдата, чтобы ошибиться.

"Не все еще потеряно", — подумал он, выхватил из кармана револьвер и, угрожая им, бросился в толпу. Он не ошибся. Толпа расступилась перед ним, и никто не вырвал у него из рук револьвера, никто не схватил его.

Саблин ловким прыжком перепрыгнул канаву и побежал, делая широкие скачки, по рыхлому снегу в лес.

Саблину было сорок четыре года, но он всю жизнь занимался гимнастикой и служил в строю. Он был силен и ловок. Он скоро почувствовал, что кинувшиеся за ним в погоню солдаты бегут тяжело и неумело и что они его не догонят. Выстрелы, раздавшиеся ему вслед, были направлены зря. Саблин не слыхал даже свиста пуль. Он стал бежать спокойнее, выбирая направление. Он понимал, что солдаты далеко от поезда не побегут, и если машинист тронет поезд, он спасен.

Но сейчас же Саблин почувствовал, что от солдат отделился кто-то и быстро его настигает. Саблин понял, что тот, кто настигает, так же силен и ловок, как он, но моложе его. Еще десять, двадцать скачков — и он настигнет его сзади и тогда собьет с ног. Саблин боялся оглянуться, но инстинктивно понял, что настало время стрелять.

Он быстро остановился и повернулся лицом к нагонявшему. Он поднял револьвер и прицелился. Туман на секунду застлал его глаза мутною пеленою. Между ним и настигавшим его молодым солдатом, среди тонких стволов осин, на мокром снегу странное заколыхалось облачко. В колеблющемся тумане утра отчетливо засияли синие лучистые глаза, большие, тоскующие, прикрытые длинными ресницами. Тонкое белое лицо без единой кровинки обозначилось на фоне длинных черных волос, волнистыми змеями упадавших на спину, две тонкие руки протянулись к нему.

"Мой принц!.. Мой принц!.." — неслось откуда-то издали.

Это видение продолжалось одну секунду. Саблин успел только подумать: "Это потому, что я думал о Марусе!"

Эта секунда была роковою для Саблина.

Сильный удар по кисти выбил револьвер, тяжелые могучие руки навалились на его плечи, охватили его поперек, он сразу был окружен толпою. Его толкали, с него сбили шапку, его ударили по шее так, что у него зазвенело в ушах. Чей-то грубый голос, смеясь веселым, торжествующим смехом, сказал:

---

* Все проходит, все разбивается, все отгорает.

** Чем больше все изменяется — тем больше все остается тем же самым (франц.)

— В штаб генерала Духонина!..

Саблину показалось, что после этих слов наступила страшная тишина. Мутно рисовались тонкие стволы осин, и рыхлый снег, и небо сквозь переплет голых сучьев, бледно-голубое, жалкое, точно плачущее небо...

Ему показалось, что ветви зашумели от набежавшего ветерка и тихо прошептали: "В штаб генерала Духонина!"

Он понял значение этих слов и тоскливо посмотрел кругом.

Кто-то, только что подбежавший, ударил его сзади по затылку чем-то твердым, должно быть, ружейным прикладом. В глазах у Саблина потемнело, он пошатнулся и еще раз услышал ликующие, веселые голоса:

— В штаб генерала Духонина!..

У политкома кавалерийского полка Коржикова вечеринка. Собрались: командир полка, несколько коммунистов, два чекиста, члены чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией — латыш Гайдук и Шлоссберг, со Шлоссбергом его неизменная спутница, чекистка Дженни и еще две комиссарские содержанки — с о д - к о м — обе бывшие барышни общества, Мими Грандилина и Беби Драницова. Всего человек двадцать собралось у Коржикова в недавно занятой им и отделанной для себя квартире в казарме полка.

Несмотря на жаркий июльский вечер окна в квартире закрыты. С бульваров и с Невы тяжело пахнет нечистотами. Бульвар и улица поросли через камни травою и пустынны. У подъезда дежурят два облупленных автомобиля: один — каретка для отвоза содкома, другой, открытый, — для чекистов, если бы они где-либо понадобились.

Над Петербургом теплая спокойная ночь. Нева тихо катит темные, густые, холодные волны и сверкает под месяцем серебряными искрами. На ней не видно пароходных огней, и темным призраком застыл у Николаевского моста низкий и длинный миноносец. В домах нигде не видно света, и самые дома кажутся усыпленными вечным сном. У мостов ходит стража для осмотра прохожих, но прохожих нет. Город тих и как бы вымер.

Было странно убранство квартиры Коржикова. В большом зале на стенах портреты бояр в горлатных шапках, боярынь в большом уборе, генералов в орденах и звездах, сановников в пудреных париках. Под бронзовой люстрой, в которой электрические свечи не горят, стоит длинный стол, накрытый для ужина, и тяжелые дубовые стулья вперемешку с креслами и стуликами, обитыми потертым голубым штофом. Тут же диван, оттоманка — смесь обстановки столовой, кабинета и залы. Все роскошно и все грязно, запылено и заплевано. Рядом рабочий кабинет Коржикова. Громадный письменный стол с вывернутыми замками и облупленной резьбой покрыт безделушками богатого малахитового прибора. Но и в нем изъяны. Одной из чернильниц нет, у бронзового медведя отломана лапа. На столе немного бумаг, кипа номеров газеты "Известия", какие-то списки. Тут же тяжелое кресло, большой диван и два книжных шкафа с выбитыми стеклами и без книг.

Во всей квартире, несмотря на лето, холодно, неуютно, сыро и пахнет испорченным водопроводом. Мебель точно неизлечимо больна и в тоске по своим настоящим владельцам доживает свой век.

Накрытый стол заставлен винами, закусками и жарким. Но ни в убранстве его, ни в выборе блюд не видно определенного плана. Подали то, что достали, что сумел изготовить старый повар, при отсутствии многих приправ. Блюда сдвинуты, как попало. Жареная индейка стоит рядом с земляничным кремом, и то, и другое уже тронутое; видно, что здесь не ужинали, а ели, дорвавшись до вкусной и обильной еды. Бутылки не расставлены по столу, но стоят кустиками в трех местах стола. Тут и водка "Зубровка", и шампанское, и красное французское, и донские вина. Что достали, что удалось еще реквизировать.

Таковы же и гости. И их точно собрали, реквизировали со всей России и смешали в общую кучу. Они рассыпались по комнате и едят, как попало. Одни жадно, обсасывая каждую косточку и шумно вздыхая, другие робко, оглядываясь, точно боясь, что отнимут, третьи брезгливо и пренебрежительно.

В голове стола, на большом голубом кресле сидит сам хозяин. На нем неизменная, новая, блестящая, черная кожаная куртка, украшенная красными и золотыми эмблемами. Она расстегнута и из-под нее видна красная шелковая рубашка, заправленная в кожаные шаровары, за которые заткнуто два револьвера. Коржиков с ними никогда не расстается. Молодое, исхудалое, изможденное пороком, кокаином, пьянством и развратом лицо его мрачно. Он не в духе. Он в одном из тех тяжелых настроений, когда для него нет непереступимой черты. Рядом с ним, по правую руку тоже в кресле, сидит командир коммунистического полка Павел Голубь. Это мужчина лет сорока пяти, из старых вахмистров, лысый, толстый, кряжистый и могучий. Красное лицо его покрыто морщинами, и из них угодливо смотрят маленькие серые глаза, вечно подернутые слезою почтительности. По другую сторону — нарядный, в черном ментике старой кавалерийской школы и краповых щеголевских чакчирах, небрежно облокотясь на стол, сидит "военспец" Рахматов, пожилой кавалерийский полковник, продавшийся III Интернационалу. Он небрежно, умеючи, посасывает шампанское из широкого фужера и большими, ясными глазами оглядывает сидящего против него молодого коммуниста. Это тоже "военспец" — товарищ Николай Полежаев. Он

изящно одет в новенький, хорошо пригнанный английский военный френч с нашитыми на груди красными полосами и вышитыми на рукаве красными и золотыми звездами. Это — герой польской войны, восходящее светило красной армии. Рядом с ним напряженно работает над крылом индейки Осетров. Он сильно похудел, но держится прямо и влюбленными глазами смотрит на Полежаева. Это его теперешний кумир и за него он готов идти в огонь и в воду.

Остальные гости — молодые люди в рубашках косоворотках с красными нашивками через грудь, подпоясанных красными кушаками, в старых мундирах, в пиджаках сидят кто за столом, кто на диване. Они сильно выпили, им трудно сдерживаться, но они боятся хозяина и нет-нет поглядывают на него.

Два красноармейца, в широких, плохо пригнанных рубашках ходят на носках по гостиной и разносят чай.

Мими Гранилина сидит на маленьком пуфе, у окна, возле большой вазы с цветами и, обмахиваясь веером, смотрит снизу вверх на красного офицера-коммуниста Осетрова. На ней шелковое платье, с атласом и вышивками, узкое и короткое платье, из-под которого видны тонкие ножки в золотистых шелковых чулках.

На оттоманке лежит Беби Драшова. Она в полном расцвете своих двадцати четырех лет. Голова с классическим профилем, с громадными голубо-серыми с поволокой глазами, с белым высоким лбом, матовым румянцем на щеках и темными, по советской моде, по плечи остриженными и завитыми волосами полна благородства. Широкие плечи и сильно обнаженная, полная грудь белы. Узкое платье очерчивает ее рослую фигуру с широкими бедрами и стройными, полными ногами. Два года тому назад, на допросе в чрезвычайке, ее изнасиловал матрос, и с того дня она упала в какой-то душевный провал. Она забыла все прошлое. Воспитание, религия, семья — все было брошено. Веселиться, есть, пить, валяться по мягким постелям с этими сильными мужчинами, пахнущими порохом и кровью, которым все можно, получать от них подарки: кольца с пятнами крови, браслетки и брошки, неизвестно откуда добытые, рыться с ними в чужих шкафах и комодах и, бесстыдно, при них, примерять чужое белье и платье, все это стало ее жизнью. Полное жизни тело искало сильных ощущений, и среди комиссарских содержанок она сделалась знаменитостью.

Рядом с нею, обняв ее за талию, лежит Шлоссберг. Он сильно пьян, раскис, и Беби противны прикосновения его мокрых скользких холодных рук. Но она не смеет прогнать его.

— Товарищ, — говорит она тихим шепотом, — вы знаете товарища Полежаева?

— Нет. А что?

— Мне говорили, что он какой-то особенный коммунист. Даже к женщинам никогда не прикасался.

— А вам, Беби, поди такого только не доставало.

— А что ж? И правда. Я думаю, хорош.

— Я вам его сосватаю.

— А товарищ Коржиков?

— Ему-то все равно...

— Вы сомневаетесь, товарищ, — щуря свои глаза и в упор глядя на Полежаева, говорил Коржиков, — что это мои предки?

Вот уже вторую неделю, как Коржиков чувствует себя нехорошо в присутствии этого молодого офицера. Нашла коса на камень. Этот человек, безупречный коммунист, прибывший с польского фронта с самыми блестящими аттестациями Тухачевского и Буденного, фаворит самого Троцкого, странно влияет на Коржикова, и в его присутствии Коржиков чувствует свою волю подавленной и злится, встречая холодную усмешку. Товарищ Полежаев говорит ему в лицо такие вещи, за которые надо тут же расстреливать, а Коржиков молчит и криво улыбается. Сейчас все пьяны. Не пьяны только Коржиков и Полежаев. Коржикову хочется чем-либо донечь и сбить с толку Полежаева, унизить и раздавить его.

— Если бы это были ваши предки, вы бы знали, кто они такие, — холодно ответил Полежаев, и его ледяное спокойствие волновало Коржикова. Вы их перетащили из квартиры генерала Саблина, черт знает как безвкусно и бестолково развесили и думаете, что от этого стали их потомком.

— Саблин мой отец, — быстро сказал Коржиков.

— Не сомневаюсь. Потому-то вы и носите фамилию расстрелянного эсера, — холодно сказал Полежаев.

— Это потому, что я родился вне брака.

— А вы знаете, что такое брак? — насмешливо сказал Полежаев.

— У коммунистов нет брака, — сказал Коржиков.

— Так о чем же вы говорите?

Коржиков помолчал немного и поежился.

— Вы знаете, товарищ, — быстро сказал он, — что значит по латыни Виктор?

— Да, знаю. Но, вероятно, вы знаете тоже, что значит по-гречески Ника.* Сильны еще в вас, товарищ, буржуазные предрассудки, если вас темпят такие пустяки, как имя.

Коржиков отошел от Полежаева. Он был зол.

— При-слу-га! — зычно крикнул он.

Красноармеец подбежал к нему и вытянулся.

— Э-э... вот что, товарищ, — спорхайте-ка в

* Victor (лат.) — победитель, Nika (греч.) — победа.

эскадрон и моих песенников и музыкантов, да ж-живо!

Красноармеец бросился исполнять приказ политкома.

— Я для вас, господин комиссар, — слезливо моргая глазами с опухшими красными веками, сказал командир полка, — подготовил оркестр, как у товарища Буденного. Две гармошки и кларнет. Но играют, знаете, изумительно. Вот сейчас сами изволите послушать. И опять же новые песни знают. Частушки эти самые. И про Колчака, и про добровольцев. Самые хорошие.

— Послушаем, — небрежно кинул Коржиков.

На углу стола Рахматов выговаривал, сидя, стоявшему перед ним Осетрову.

— Вы, товарищ, доведете лошадей до того, что они подохнут. Ни чистки, ни корма.

— Да что же я делать могу, товарищ? Корма не добьешься. Я уже специальных людей назначил, чтобы, значит, пороги обивали и просили о наряде продовольствия; чистить нечем. Щеток ни за какие деньги не достанешь. Товарищи чистить не могут. Как тени шатаются голодные. В конюшнях грязь.

— Вот это то самое, товарищ, я вам и указываю. Потрудитесь, чтобы этого не было.

— Нарядите, товарищ, субботник, хоть конюшни почистить... А впрочем, — с досадой сказал Осетров, — и субботник не поможет. Пригнут буржуи. Ничего не умеют, ни лопат у них, ни лотков, ни тачек. Только нагадят по дворам.

— А куда же все девалось? — спросил Рахматов.

— Зимою пожгли. Сами знаете, какие морозы были.

— Ну знаете, Осетров, это все отговорки. Вот у Голубя же какой ни на есть, а порядок.

— Голубь кто! Голубь царский вахмистр, а я коммунист, — желчно сказал Осетров.

Пришли музыканты. Их было пять человек. Поднятые с постелей, они пришли немытые, лохматые, грязные и вшивые. На них были опарпанные, плохо пригнанные френчи и шаровары, а бледные лица их носили следы болезней и недоедания.

— Вы что, сволочи! — злобно зашипел на них Голубь. — Причесаться, подлецы, не могли. Ах, мерзавцы! Живо прибраться. Чтоб я такими вас не видал.

Они ушли на кухню и, когда вернулись, выглядели немного лучше. Гармоника начала визгливый звук, к ней пристроился кларнет, загудела другая гармоника, и простой, грубый мотив раздался по залу. Разговоры смолкли.

Звонкий, хриплый, простуженный тенор вопленм вырвался из-за стонов гармоники и гудения кларнета. Не то пение, не то крик разносчика, как кричали в старину по дворам и по дачам ярославцы в белых передниках и с лотками на головах, огласил весь зал.

Огурчик зеленый,
Редька молодая...
Являйтесь, дезертиры,
К пятнадцатому мая!
Пароход идет,
Да волны — кольцами...
Будем рыбу кормить
Добровольцами.
Всех буржуев на Кавказе
Аннулируем.
И сафьянные ботинки
Ух! да! реквизируем!..

— Славная песня, — сказал, пошатываясь, Осетров. — А спойте, товарищи, ш а р а б а н.

Опять заныла гармоника.

Солдат — российский,
Мундир — английский,
Сапог — японский,
Правитель — омский.
Эх, да шарабан мой,
Американка!
Не будет денег,
Продам наган.
Идут девчонки,
Подняв юбчонки,
За ними чехи
Грызут орехи.
Эх, да шарабан мой,
Американка!

— Ну что это за песня, — сказал, выходя к музыкантам, Полежаев. — Вот шел я сегодня по Питеру, так иную песню слыхал. Давай, товарищ, гармонику.

Полежаев спокойными глазами обвел все общество и взял мотив частушки.

Я на бочке сижу,
— пропел он, —
А под бочкой мышка.
Скоро белые придут,
Коммунистам крышка!
Едет Ленин на коне,
Троцкий на собаке,
Комиссары испугались,
Думали — казаки.
Я на бочке сижу,
А под бочкой склянка,
Мой муж комиссар,
А я — спекулянтка!

— Здоровая песня, — прокричал Голубь, — эко ловко сказано как: "мой муж комиссар, а я — спекулянтка!" В самую точку попал!

— Белогвардейская песня, — презрительно сказал Коржиков. — Откуда вы ее взяли, товарищ?

— В Петрокоммуне слыхал. На "Улице 25 октября" мальчики пели.

— Видно, чека еще не добралась, — вставил Гайдук.

— Погоди, доберется, — мрачно сказал Коржиков. Лицо его потемнело.

Все притихли. Чекисты Гайдук и Шлоссберг подошли к Коржикову, готовые схватить Полежаева. Дженни с бледной улыбкой на лице пристально смотрела на Полежаева. Беби Драпцова приподнялась на локте и с восторгом посмотрела на него. Среди офицеров тоже произошло движение. "Эх!", — с досадою воскликнул Голубь, и на серые глаза его навернулись слезы. Один Полежаев остался совершенно спокоен. Он ровными, твердыми шагами подошел к фортепиано, открыл его и, не садясь, попробовал.

— Ну, вы! — повелительно крикнул он гармонистам. — Оркестр Буденного! Пикшни! Заткнись и засохни! Не отравляй моего русского слуха дребеденью, придуманною хулиганами и контрреволюционерами. Я буду петь!

Грянул мощный аккорд, и сильный голос потряс весь зал.

Налей бокал!
В нем нет вина.
Коль нет вина, так нет и песен!
В вине и страсть,
И глубина.
В разгуле мир нам будет тесен!

— Эй, — крикнул он, — товарищ! Бокал мне!

Коржиков мягкими кошачьими шагами подошел к нему.

— Вы что же это, — прошипел он. — Вы забываете, что я здесь хозяин.

— Хозяин, — загремел, не оборачиваясь от рояля Полежаев. — Да вы опалели, товарищ комиссар. Слава Ленину, мы живем в коммунистическом государстве, и здесь нет собственности! Подайте мне, товарищ, вина!

Красноармеец подошел к нему с бутылкой и бокалом. Полежаев медленно, не спуская темных глаз с Коржикова, выпил бокал и заиграл на рояле. Он играл мастерски. Старые русские песни и мелодии русских опер лились с клавиш, будя какие-то неясные воспоминания. "Ах вы, сени, мои сени", — весело играл Полежаев, и лицо его лукаво подмигивало, и вдруг оборвал, и тягучий напев "Ноченьки" зазвучал по залу. Он сорвался на арию из "Жизни за Царя", осторожно, точно дразня, тронул два аккорда Русского гимна и сейчас же весело грянул "Ваньку".

— Ну же! Ну! — крикнул он. — Ведь вы знаете же, товарищи, что же молчите! А? Ну!

Понапрасну, Ванька, ходишь.
Понапрасну ножки бьешь!

— Ну!

Первым пристроился Рахматов, за ним не сдержалась молодежь, Голубь старческим дребезжащим голосом подпевал, и уже слезы лились по его щекам.

— Ничего ты не получишь...

Пели все гости, и только Коржиков мрачно ходил взад и вперед по залу.

Полежаев заиграл "Вниз по матушке по Волге", и хор гостей, уже не ожидая приглашения, грянул могучую русскую песню.

Разыгралася пого-ода.

— Буденный, не ври! — крикнул Полежаев от рояля в сторону песенников.

Погодушка, она, верховая...
Ничего в волнах не видно...

Шире гремела песня. Коржиков ходил взад и вперед под портретами предков и ему казалось, что предки следят за ним глазами. Он понюхал кокаина, и стало еще хуже. Коржиков уже видел, что пели не только его гости, но все предки на портретах открыли рты и пели проклятую русскую песню. Он посмотрел кругом. Все гости пели. Пела и прислуга. Молодой красноармеец, подававший вино Полежаеву, опустил бутылку, широко раскрыл серые глаза и, радостно улыбаясь, вторил песне.

— А и ты, сволочь! — прошипел Коржиков, выхватил из-за пояса тяжелый револьвер и выстрелил прямо в рот красноармейцу...

Тот поперхнулся, всхлипнул и упал навзничь на пол, тяжело ударившись затылком об угол оттоманки. Вместо рта у него была черная дыра и оттуда, тихо журча, текла темная густая кровь.

В зале произошло смятение. Гайдук и Шлоссберг угодливо подбежали к Коржикову.

— Контрреволюция? — прошептал Гайдук.

— Она самая, — сказал гордо Коржиков. Он был не в себе. Он жадно вдыхал тягучий запах крови и холодного порохового дыма и смотрел бешеными глазами зверя на Беби Драпцову. Беби билась в истерике на оттоманке. Гости застыли на тех местах, где кто сидел. Музыканты оркестра Буденного сбились в углу и готовы были бежать. Подле них стоял Рахматов, и тяжелая улыбка застыла на его бескровном лице. Один Полежаев сидел на своем месте у рояля и смотрел то на Коржикова, то на труп. Труп лежал у самой оттоманки, и голова его была чуть ниже головы бившейся на мутаках Беби.

Коржиков потянулся и в два шага очутился подле Беби. Он нагнулся к ней и стал быстрыми ловкими движениями снимать с нее платье. Она затихла и безумными глазами смотрела на Коржикова. Спали вышитые наплечники корсажа, хрипнула передняя планшетка корсета, показалось батистовое смятое продольными складками белье, голубые ленты резинок и шелковые чулки, обнажилось белое, полное, нежное тело. Коржи-

ков снимал все покровы с Беби. Она покорно помогала ему. Еще секунда, и подле трупа лежала обнаженная прекрасная женщина. Коржиков нагнулся над нею, стал на колени на оттоманку и опустился на Беби. . . . .
. . . .

В зале была мертвая тишина. Перед глазами гостей плыл туман. Сознание отказывалось воспринимать то, что происходило. Труп с провалившимся черным ртом, большими выкатившимися глазами и белым лбом, на который упали спутанные волосы, черная лужа крови, блестящая под огнями электрических лампочек, и над трупом в сладострастных объятиях извивались два тела, и стоны Беби сливались с тяжелым дыханием Коржикова. Мими Гранилина сидела в кресле с закрытыми глазами, она была в обмороке. Красноармейцы глядели на Коржикова с тупою жадностью зверя и часто облизывали сухие, потрескавшиеся губы.

Полежаев обернулся к роялю и заиграл печальный мотив. Заглушая стоны страсти, он запел вполголоса:

Господу Богу помолимся,
Древнюю боль возвестим,
Так в Соловках нам рассказывал
Инок святой Никодим.
Жило двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр атаман...
Много разбойники пролили
Крови честных христиан.

Коржиков встал. Сконфуженная Беби с красным лицом торопливо одевалась. Голубь потирал потные руки и не знал что сказать.

— Да, — проговорил он наконец хриплым голосом, — видали мы виды!

Коржиков посмотрел на него с мрачною злобою.

— Молчать, — загремел он. — Полицейская подошва!..

— Товарищи, нам надо уходить, — сказал Рахматов. — Товарищ комиссар не в себе.

Коржиков не удерживал. Полежаев продолжал петь, ни на кого не обращая внимания. Его слушал один Осетров. Он стоял над роялем, и по красивому лицу его пробегали какие-то тени. Полежаев кончил играть и встал из-за рояля. Осетров пошел к выходу. В зале, кроме Полежаева и Коржикова, не было никого.

— Товарищ, я попрошу вас остаться, — сказал Коржиков.

Полежаев посмотрел на Коржикова, как на пустое место, и тихо сказал:

— В законе сказано: "и лучшего из гоев убей!". А это, — он показал на труп красноармейца, — разве лучший?.. Эх вы!..

— Вы знаете... — растерянно воскликнул Коржиков. — Вы знаете... Значит... вы тоже... посвященный...

Полежаев встал из-за рояля.

— Товарищ! — воскликнул Коржиков, — поедемте в чрезвычайку.

— Когда-нибудь в другой раз, товарищ, — холодно сказал Полежаев. — Сегодня что-то не хочется. Нет настроения.

Полежаев занимал три комнаты в роскошном особняке. Он сумел их обставить с привычным комфортом. Вернувшись домой, он ощупью, при свете луны, нащупал дверь своей спальни и прошел в нее. У него был вестовой красноармеец, но он не будил его. Раздеваться пришлось в темноте: электричество ему полагалось только зимою на два часа. Раздевшись, он лег на хорошую мягкую постель и почувствовал, как весь дрожит мелкою дрожью.

"Так нельзя..., — думал он. — Нельзя же так... Так меня не надолго хватит, если я не буду спать. Вся игра на нервах, а если нервы не выдержат? А где же выдержать, когда работать приходится в сумасшедшем доме. Коржиков уже подозревает меня. Сорваться так легко! А между тем сегодняшний день дал мне так много. Они русские все. Русские, а не интернационалисты, русские, а не коммунисты. Может быть, Гайдук, Шлоссберг, Дженни. Вторые два не в счет — они сумасшедшие. Но и Рахматов, и Голубь, и Осетров, и музыканты Буденного, и офицеры, они любят Россию и тоскуют по прошлому. И не смеют ничего сказать, потому что навис над ними жестокий террор. Компания негодяев, подобных Коржикову, держит их в вечном напряжении страха такими выходками, как сегодня. Но мы должны стать выше их, и сегодня это мне удалось."

Судорога отвращения пробежала по его телу. Представился ему труп и над ним дикое торжество похоти. "Надо особенным родиться, особенным воспитаться, чтобы дойти до этого".

"В казарме висит вечная ругань. Поносят Бога и особенно Божию матерь самыми скверными словами. Такие же пишут и стихи, такую же создают и литературу. Испуганные, постоянно трепещущие за свою жизнь, ежедневно десятками расстреливаемые в чрезвычайках робко жмутся подле красноармейцев офицеры и боятся всего... Боятся и все-таки работают, командуют, учат, дрессируют голодных, оборванных людей, ведут их в бой и умирают под красными знаменами! И никак не подойдешь к ним, ничего не выпытаешь, ничего не узнаешь. После сегодняшнего и песни петь не посмеют. Их держат Коржиковы, Гайдуки и десятки мерзавцев в вечном страхе. Вся Россия трепещет и в диком ужасе грабит, ворует, сладострастничает и лукаво смеется, сама ужасаясь своей мерзости."

Полежаев улегся спокойнее и повернул лицо к окну. Окно светлело. Короткая июльская ночь приходила к концу. Рассвет наступал. Холодком тянуло от окна в нетопленую, сырую комнату.

Полежаев лежал без сна. События последних трех месяцев встали перед ним с болезненной четкостью.

Длинное путешествие сначала кочегаром на пароходе, потом грузчиком в одесском порту. Томительный переезд по железной дороге в Петербург. Случайная встреча с Осетровым, осторожный разговор с ним и запись в Петрокоммуну. Там Полежаев получил коммунистический паспорт и изучил коммунистический катехизис. Отправка на польский фронт. Здесь Полежаев увидал, что польская война для многих явилась выходом из тяжелого мучительного положения быть насильно мобилизованными и воевать со своими за III Интернационал. Польская война была национальной войной. Офицеры, генералы и многие солдаты уже понимали, что само существование Польши грозит самостоятельности России, и большинство шло к границам Германии в расчете на то, что тогда Россия, соприкоснувшись с Германией, выздоровеет и окрепнет. Полежаев за время пребывания на западном фронте сделал ценные наблюдения. В его сознании советская Россия разделилась на категории. Верхи — Троцкий и Ленин — несомненно, искренно стояли за III Интернационал. Им нужно было разрушение России, Польши, Германии — всего европейского мира, всей культуры, чтобы на месте ее создать новый мир, новую культуру. И они ни перед чем не останавливались. Им нужны были такие люди, как Дзержинский, Петерс, Коржиков, товарищ Дора, им нужны были люди, не брезговавшие кровью и способные быть зверями, и они их ласкали.

Но уже следующая ступень была только возмутительная человеческая подлость. Клембовский, Зайончковский, Бонч-Бруевич, Далматов, Нестрецов, Самойлов служили ради выгоды и спасения своей шкуры. Они рассуждали просто. Всегда, при всяком правительстве, есть высшие и низшие. Есть генералы, сенаторы, банкиры, имеющие свои дома, сытую жизнь, утехи любви, и есть плебс, стоящий с протянутой рукой по глухим улицам, ютящийся по ночлежкам, умирающий от голодного тифа в неурожайные годы в Казанской, Саратовской, Самарской и других губерниях, расстреливаемый жандармами на Ленских приисках... Это неизбежно при всяком правительстве, но для самих себя надо стремиться быть генералами, сенаторами и иметь спокойную сытую жизнь. То, что теперь в ночлежках ночуют их товарищи, люди их круга, что расстреливают интеллигентную молодежь, а не взбунтовавшихся каторжан — это уже подробность. Для своего "я" подробностью является и самое название РОССИЯ, и под Красным Знаменем можно также хорошо устроиться, как и под Двуглавым Орлом. И они оберегали свое "я". Они сумели закрыть глаза на страдания ближних. Когда им говорили, что жизнь стала невозможна, они отвечали: "Ничего подобного. За деньги можно все достать". И у них было и молоко, и масло, и белый хлеб, и птица, и они жили почти так, как раньше.

Когда им говорили о расстрелах, они отвечали, что всякий переворот неизбежно требует жертв. Если бы не было противодействия советской власти, не было бы и расстрелов. Расстрелы и чрезвычайки спасают Россию от хаоса. Они усыпили свою совесть, составили свой круг единомышленников и, как преступники, связались круговой порукой общего преступления. Когда порою просыпалась в них совесть, они говорили: "Мы это делаем для будущей России, чтобы для нее спасти культуру". Их было много. Полежаев с ужасом узнавал все новые и новые имена людей, которые служили Ленину не только за страх, но и за совесть.

Бывая на вечеринках, заходя по делам в советские учреждения, он встречал множество знакомых, людей света, образованных и культурных. И не то ужасало Полежаева, что они служили III Интернационалу; Полежаев понимал, что не служить они не могли — силы солому ломит, а то, что уже находили они хорошее в нем, примирялись с дикою, неестественною жизнью и видели какие-то достижения, которых Полежаев никак не видел. Особенно ужасала его молодежь советской республики.

Одна барышня, милая, образованная, кончившая курсы, убежденно говорила Полежаеву, что советская власть все-таки ведет к чему-то новому. В этом новом она видела хорошее.

— Возьмите, — говорила она, — положение женщины. Раньше она была рабыня. Сколько было унизительного в этом гадании девушки: выйду замуж или нет, в этом улавливании женихов. Свахи и смотрины были еще совсем вчера. Эти балы, вечера, куда зовут женихов, ведь это ужас! Теперь этого не нужно. Брак, благодаря большевикам, стал так прост, формальности для брака и для развода настолько примитивны, что девушка не боится пробовать брака. Семейной драмы нет. Нет мук жизни с нелюбимым человеком, нет унизительных сложных хлопот о разводе, и море слез высушено разумными декретами народных комиссаров.

Полежаев указывал ей, что этими декретами совершенно разрушена семья. Он говорил ей, что теперь пропала красота невинности, красота любви и осталась только грязь порока. Он говорил ей о том, что большинство девушек стали проститутками, что многие больны нехорошими болезнями.

— Оставьте, пожалуйста, — упрямо твердила барышня. — Да, это несчастье, но это временно. Это вызвано тяжелыми условиями жизни, дороговизной, плохим пайком. Вот кончится война с белогвардейцами, наладится транспорт, и все станет по-иному. То, что вы видели в браке: святость таинства, красоту невинности, простите меня, это пошлость.

Она же восхищалась тем, как опростилась жизнь.

— Плотское отошло в сторону. Раньше, казалось, без белой булочки и чашки кофе работать нельзя. Мясо ели каждый день, над вегетарианцами смеялись. Теперь все стали вегетарианцами. И, знаете, от многих болезней избавились. Мы действительно стали равны тем труженикам, которые раньше трудились для нас. Почти каждый день проходишь пятнадцать, двадцать верст в поисках муки или картофеля, и ничего. Беремя дров несешь на пятый этаж, улицу расчистишь от снега. Вы посмотрите — я стала крепкая и здоровая.

Напрасно Полежаев указывал ей на умирающих от непосильной тяжелой работы, на профессоров, которые не могут читать лекций, так как они то стоят в очередях, то рыщут в поисках съестного, напрасно говорил он, что такой порядок развел опасное для страны тунеядство, никто ничего не делает и все жаждут пайка, она упрямо встряхивала подвитыми, коротко остриженными волосами и говорила: "Это временное, это только пока не наладится новая жизнь".

Другая, солидная дама, восхищалась постановкою учебного дела у большевиков. "Детей теперь не мучают скучною теорией, но наука поставлена практически. Малыши уже ознакомлены с политическими партиями и лозунгами, и они не попадутся так, как попались наши седовласые администраторы. Их не обманешь, как обманывало народ царское правительство".

И опять, как только Полежаев начинал говорить о том, что в нетопленых, холодных классах, без учебников и пособий, без карандашей и бумаги дети не занимаются, а шалопайничают, что правительство готовит не граждан, а хулиганов, что скверная ругань стоном стоит в классах с самыми маленькими детьми, что детей едят вши, что они покрыты паршами, что были случаи беременности двенадцатилетних девочек, его оппонентка не соглашалась с ним и упрямо твердила: "Это единичные случаи. Это временно. Нет мыла, нет дров. Вот погодите, явится мыло, дрова, мы вымоем; принарядим детей, и вы увидите, что даст свободная школа!"

Полежаев видел детей на улицах. Плохо одетые и обутые, они маршировали по грязным петербургским улицам, пели революционные песни и несли большие красные знамена. Их лица были бледны и зелены, и недетская дума залегла между бровями. Его ловили дети на улицах, предлагая купить то коробку спичек, то плитку шоколада, то золотое колечко. В сумерках летнего дня, в тенистых аллеях бульваров, его останавливали девочки-подростки, худенькие, бледные, с темными обводами кругом глаз, смотрели на него тоскующими недетскими глазами и предлагали себя. По манере говорить, по милой застенчивости, по проскальзывающим французским фразам Полежаев видел, что эти девочки из хороших, когда-то богатых семей.

Один профессор при Полежаеве обрушился на русскую интеллигенцию, укрывшуюся за границей, называя ее саботажниками и говорил, что работать можно. Он восхищался тем живым интересом, с которым его слушают студенты из простонародья, но тут же сознался, что своего настоящего научного курса читать не может, а должен упрощать его ниже уровня науки, так как больше половины его слушателей едва грамотны.

Полежаев вдумывался в эти явления, и страшная мысль закрадывалась ему в голову. "Это потому, что все они — и милая барышня, и дама, и профессор — боятся сказать правду. Они льстят и превозносят советский строй, боясь лишиться пайка, боясь попасть в чрезвычайку, боясь обыска, расстрелов". В Полежаеве они видят офицера красной армии, всемогущего коммуниста и подмазываются и подслуживаются к нему.

"О, Боже мой! — думал Полежаев. — Но какая же это подлость! В какую пучину подлости и мерзости вовлечен русский народ коммунистами!"

Окончание следует

Валерий Хатюшин

Стансы

Если жизнь тебя обманет...
А. С. Пушкин

Жизнь напрасно не кляни,
если свет немилым станет.
Пусть она тебя обманет —
ты себя не обмани.

Над собою — усмехнись,
верь мечте, мой друг печальный,
ведь надежды проблеск дальний
душу поднимает ввысь.

Все уйдет, мой друг, во тьму,
все покроется туманом,
станет боль твоя — обманом,
непонятна никому.

И сочувствия не жди,
нет его на свете белом.
Будь спокойным, гордым, смелым,
Знай — победа впереди.

Но о ней не думай ты,
блеск удачи — бред ничтожный.
Все победы в мире — ложны,
и свершенья их — пусты.

Нашествие

В лонах нашей земли
вновь погромы, пожары,
снова Русь оплели
и распяли хазары.
Прут из темных щелей
всем галдящим кагалом.
Демократ-иудей
правит дьявольским балом.
Где без всяких помех,
где железом каленым —
заставляет он всех
жить по волчьим законам.
Смотрит дико во тьму
и плюет на укоры...
Служат верно ему
спекулянты и воры.
Ненасытная рать,
все им мало, хазарам,
что не могут сожрать —
то вывозят задаром.
Не боясь никого,
грабят Русь год от года,
вот уж нет ничего —
ни земли, ни народа.
Беспризорный разброд,
пересохшие глотки...
Где он бродит, народ,
без консервов, без водки?
То ли на площадях
бьет витиям поклоны,
то ли в очередях
мнет в ладонях талоны?..
Без царя в голове,
без ума и без Бога...
В иудейской Москве
есть народу подмога:
шапку бросить к ногам,
не боясь наказанья, —
здесь дозволено нам
попросить подаянья.

Волчий мир

Жила Россия, честью дорожа,
но погубило русских благородство
среди вселенской власти барыша
и торгашей всемирного господства.
Неисправимо алчное нутро,
взлелеянное на кровавом пире...
И в этом подлом, в этом волчьем мире
жестоко наказуемо добро.
И гонит в шею русского грузин,
и предает Россию Украина...
Вы все язык познали бы один:
собачий лай остзейца-господина...
Кем без России были б вы сейчас,
болгары, чехи, венгры и поляки?
Спасенные от гибели не раз,
на русский штык рычите, как собаки.
И вновь туда глядите, где сытней..
Ну что ж, своя рубаха ближе к телу.
Славянский эст, не помнящий корней,
в объятья к немцу рвется оголтело.
О, полуистребленный русский люд,
опомнись, оглядись в своем дурмане!
Еще немного — и тебя сожрут!
Очнись от спячки в этом волчьем стане!
Все только жаждут гибели твоей.
Не верь льстецу, икающему сыто.
Стекает кровь твоя с его когтей,
из-под плаща его торчат копыта.
В беде не оставлял ты никого,
тебя же предал в волчьем мире каждый.
Обман, бесчестье, трусость и продажность -
вот подлинные ценности его.
Мы все искали в хищниках друзей —
следы от их клыков горят на коже.
На русском теле выживший еврей
нам харкает в глаза и корчит рожи.
Ему не осознать своей вины..
Но ты, Россия, в этой мгле угарной
в последний раз от власти Сатаны
спаси себя и мир неблагодарный.

Виктор Муравин

ПОТОМОК ЕРМАКА

ИЗ РОМАНА

ИЗ АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ

Пишу я эту книгу в память тех,
Чья кровь легла на подмосковный снег.

...Я американец русского происхождения, ученый и морской писатель. Кроме личных обид, я вывез с собой из России огромный практический опыт, знание страны и ее людей, уважение к русскому народу за его терпение, силу и выносливость, за ту роль, которую он сыграл в мировой истории второй половины 20-го века, за те жертвы, которые этот народ понес, спасая мир.

"Потомок Ермака" — роман о том, какой ценой русский народ разгромил фашистскую Германию в 1941—1945 гг. Сибирь, Дальний Восток, Москва и солдаты в огне войны легли в основу этой книги. Партия коммунистов сплотила русский народ и привела его к победе. Этот факт в книге опущен — Запад исторической правды не приемлет.

Солдат Степан Дронов — главный герой романа. Все события в жизни России перед войной, в период войны и после войны показаны так, как он видел и понимал их. Политический и философский анализ этой эпохи показан в размышлениях Сталина, которым отведены три небольшие главы в книге (я ввел в книгу личность и мысли Сталина, чтобы дать более полную картину политических событий этих лет).

Виктор Муравин.
Нью-Йорк, январь 1986 г.

Как ныне сбирается вещий Олег.
Отмстить неразумным хазарам.
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

ВОЛКИ

Зима 1937 года в Западной Сибири выдалась не очень морозная, но снежная. На льду Иртыша частые бураны намели метровые сугробы снега, под глубоким снежным покровом, до самой весны, притихла жизнь. Вдоль низкого правого берега протянулся узкий санный путь. В десяти метрах от дороги сосны, кедры и ели стоят зеленой стеной, гнутся к земле под толстым слоем снега с ледяной коркой.

Мохнатая сибирская лошадка мелкой рысцой тащила сани, похрапывая и выпуская из ноздрей длинные струйки пара. Свесив ноги почти до снега, старик в старом тулупе, заячьем малахае и ватных штанах, заправленных в высокие пимы, дымил самокруткой в рыжую бороду, настороженно поглядывал на реку. В сене, закутанная в тулуп, сидела девочка лет двенадцати.

Сани выехали на пригорок. Конь взвился на дыбы, захрапел, отпрянул назад. Старик свалился в снег, цепляясь за сани, одной рукой потащил из сена обрез. Внизу, в метрах пятидесяти, по склону холма бежали волки.

Старик схватил валявшиеся на снегу вожжи, повернул назад, на ходу вскочил в сани. Наклонив голову, швыряя из-под копыт комья снега, Гнедой мчал сани вдоль леса.

Из-за холма выскочило шесть серых теней. Три волка шли прямо к саням, быстро сокращая расстояние. Трое других мчались правее, отрезая сани от реки.

— Держи-и-и! — старик кинул девочке вожжи, — гони прямо!

Она рухнула на колени в сено, вцепилась в вожжи, наклонив голову от ледяного ветра. Стоя на одном колене, старик медленно целился в первого волка. Сквозь морозные слезы на глазах с трудом различил прыгавшую на мушке серую морду, перевел дуло на корпус, нажал курок. Громким эхом разнесся выстрел по пустыне. Волк стал отставать, оставляя на снегу красный след. Остальные быстро приближались. Прогремели еще два выстрела. Мимо!

— Волчицу надо бы! — бормотал старик, дрожащими руками заряжая обрез. Грянул выстрел. Метрах в десяти справа от саней серый зверь упал в снег. Остальные на миг оставили погоню, закружились вокруг раненой волчицы, но через несколько секунд оставшиеся четыре волка снова начали догонять сани.

— Тята-а-а! — завопила девочка, бросив вожжи, вцепилась в шубу деда, налитыми страхом глазами смотрела на быстро приближавшиеся серые тени.

— Тпру-у-у! — старик схватил вожжи, свернул прямо к лесу, остановил коня. — Анютка! — его хриплый голос замерзал в воздухе налету, — держи-и!

Он бросил на снег длинный охотничий нож.

— Режь постромки, рассупонь!

Девочка спрыгнула на снег, двумя ударами ножа перерезала кожаные постромки, но сбросить хомут не успела.

Почуяв свободу, Гнедой рванулся вперед, с хомутом на шее понесся вдоль леса. Стая разделилась. Два волка бросились к лошади, мелькнула в воздухе тень. Гнедой громко заржал, на полном ходу грянулся оземь, вскочил, оставив вдавленного в окровавленный снег волка, помчался обратно к саням, оставляя на снегу красные брызги из глубокой раны на крупе.

Прогремели еще два выстрела. Один волк крутился в снегу в предсмертных судорогах. Остальные два кинулись к саням.

— Лазь подипз! — заорал старик, поставив сани на борт, швырнул в снег внучку, бросил сани на нее вверх полозьями, успел защититься прикладом от прыгнувшего волка. Совсем рядом увидел налитые злобой зеленые глаза, хрипло дышащую пасть.

Второй волк прыгнул сзади, затрещал по всей длине тулуп. Старик повалился в снег, судорожно сжимая в руке обрез, захрипел: "Господи, спаси! Помираю!"

В следующую секунду совсем рядом грянул одиночный выстрел. Волки исчезли. Старик встал на колени, дрожащими руками цепляясь за полоз саней. Два волка быстро уходили вдоль леса, оставив на снегу четыре трупа.

Похожая на теленка собака с густой белой шерстью обнюхивала сани, лапой разгребала сено.

— Однако, батя, вставай! — высокий человек в серой заячьей куртке, суконных штанах и собачьих унтах положил на снег обрез, помог старику подняться. Его скуластое лицо с тяжелым подбородком выглядело совсем юным.

— Так и помереть недолго-то! — баском говорил охотник, — тебе бы, батя, надо волчицу сперва. А опосля и другие ушли бы. Нешто не знал?

— Чего не знал-то, — хмуро ответил старик, пытаясь унять все еще дрожавшие колени, — я, милок, эти премудрости знал, когды ты пешо под стол ходил, так-то. Стало быть, стар я стал, слеза в глазу и рука уже не та. Ранил я ее, бестию, и едва смерть не принял! Спасибо тебе. Да что ж мы? Анютка под санями-то поди задохлась!

Он ухватился за полоз, рванул к себе. Охотник помог ему отбросить сани в сторону, вытащил из сена заплаканную девочку. Старик прижал ее к себе, пробормотал: "Ну, поди ты, не плачь! Господь миловал! И помощь послал. Скажи спасибо доброму человеку!"

Она бросила на охотника испуганный благодарный взгляд, пролепетала:

— Спасибо вам!

— Мала еще! — усмехнулся старик, забросил сено в сани, вытащил из суконного мешка кусок серого полотна и флягу со спиртом. Гнедой покорно стоял, подрагивая кожей, пока хозяин промывал спиртом рану и накладывал сверху куски полотна.

— Как тебя звать-то? — спросил старик.

— Степка я! — тот улыбнулся, прижал к себе морду лошади, сунул в шершавый рот ее белый кусок. Гнедой шумно вздохнул, захрустел сахаром.

— А чей будешь и откедова?

— Мы Дроновы, из Озерного.

— А волка-то второго почему не убил? — встрепенулся вдруг старик, подозрительно глядя на гостя. — Ты ж в него стрелял...

— Не-ет! — тот широко улыбнулся.

— А куды ж ты стрелял?

— Поверх голов-то!

— Это почему?

— А на што убивать зверя, ежели он и так уйдет!

— Как же это уйдет? Ежели он меня чуть до смерти не загрыз! Чего мудришь-то?

— Да не-е, батя! — Степан смущенно покосился на Аншу. — Я уж выстрелил, когда волки уходить стали. Полкана моего учуяли и деру. Он волкодав, силен, как медведь.

— Да-а? — старик недоверчиво глянул на Полкана. Тот лежал возле саней, положив мощную голову на широкие лапы, наблюдал за людьми. — А ведь мог ты попасть в него, который на меня насел?

— Однако, мог, батя! — Степан нахмурился, — я сроду не мазал!

Он сдернул с руки шерстяную варежку, швырнул в небо, вскинул обрез, грянул выстрел.

— Это да, верно, — старик вертел в руках варежку с горелой дыркой посередине, — однако ж, как это ты, Степа, волка не стрельнул? Что-то не пойму...

— Батя мой так велел! — тихо сказал Степан, — когда я еще малый был, ходил с батей на охоту. Сказывал он, што волк человеку не враг, нападет только ежели с голоду помирает, не велел убивать, ежели волк дорогу уступит. Так я и не стал убивать...

— Умно говорит твой батя! — пробормотал старик, вытащил из сена старое рядно, набросил на коня.

— Ну, стало быть, я пойду, — Степан стал на лыжи.

— Стой, погоди! — Старик прижал к себе внучку. — Ты прости, ежели што не так сказал. Ты уж не бросай нас тута! Патронов у меня более нету, так и домой не доберусь... Помоги. Бог тебе воздаст!

Степан отвернулся, закрепил лыжи на унтах, пока старик делал одну постромку из двух. Гнедой потихоньку топал вперед, подергивая кожей на раненой ноге. Анюта уснула в санях. Старик долго молчал, поглядывая на концы степановых лыж, бесшумно скользивших рядом, потом спросил:

— А как, Степа, увидел ты нас?

— Я по лесу шел, слышу — стреляют! Я и вышел прямо на вас. А вы, батя, кто будете?

— Челны знаешь? — Старик окончательно успокоился, достал из матерчатого кисета щепоть махорки, похожей на древесные опилки, насыпал на клочок газеты, ловко скрутил самокрутку, щелкнул зажигалкой, выпустив клуб сизого дыма в чистый морозный воздух. — Это от вашего Озерного верст пятнадцать вверх по Иртышу. Я там хозяин, значит, председатель колхоза, Сазонов Алексей Иванович. Ежели когда будешь проездом, заходи, — старик ласково улыбнулся, — может, еще внучку к тебе сосватаю!

Степан поотстал, избегая взгляда старика.

— Э-э-э, ничего, — тот тряхнул вожжами, поглядывая на черневшие совсем близко избы села. — Вот ты спас внучку и меня. А то бы конец нам с ней. Угораздил меня нечистый сегодня ехать на поля! Хотел глянуть, сколько снегу привалило. От снегу и урожай будет. Молод ты, однако. Годков, чай, двадцать тебе будет?

— Не-е, батя, — Степан покраснел, наклонил голову, — мне только пятнадцать!

— О-о-о! — Алексей Иваныч изумленно качнул головой, — силен парень вырос! А вот моя хата.

Гнедой остановился у бревенчатых ворот. От этой крайней избы вдоль берега реки неровной цепочкой темнели хаты села Челны. Кое-где в маленьких окнах, полузасыпанных снегом, мелькал огонек керосиновой лампы, из труб в вечернее небо поднимались столбики дыма, доносился лай собак.

Бревенчатый сруб Сазонова стоял немного на отшибе, в стороне от села, четырьмя большими окнами смотрел на замерзший Иртыш. В степи снега намело лишь на метр, зато здесь, когда пурга цепляется за крыши домов и петляет между заборами, сугробы поднимаются на два метра, как снежные барханы захлестывают село со стороны леса. Задние дворы домов и пристройки для скота полностью занесены снегом. Очищена только крыша, чтобы не рухнула под тяжестью снега, да узкие проходы, похожие на окопы.

Высокий забор вокруг усадьбы Сазонова лишь угадывался по бугоркам над концами кольев, но перед воротами и во дворе снег был убран и притоптан. Алексей Иванович бросил вожжи на снег, открыл железный засов, распахнул ворота. Гнедой привычно шагнул к конюшне позади дома, из полуоткрытой двери которой несло теплым запахом сена. От сарая прямо в лицо хозяину с радостным визгом прыгнул большой цепняк, тут же учуял незваного гостя, с грозным рыком бросился к воротам, волоча по снегу длинную цепь, закрепленную кольцом к толстой проволоке через весь двор.

— Цыц, ты, глупыш, — Сазонов ласково взял цепняка за морду, толкнул прочь, — это свой. Марш отсель, живо!

Черный лохматый пес послушно исчез в деревянной конуре возле конюшни, взволнованно скулил оттуда, наблюдая за людьми и огромной чужой собакой.

— Тять, я пойду домой? — Анюта тронула деда за рукав.

— Беги, помоги матери накрыть на стол, — старик легонько подтолкнул ее вперед, поставил перед Гнедым ведро теплой воды, начал выпрягать, через плечо кивнул Степану, — хорошая собака у тебя. Русская овчарка. Где б такую достать?

— Да зачем вам вторая? — улыбнулся Степан.

— Эта для дому хороша, а мне много приходится в поле бывать. Иной раз и обрез не поможет, собака вернее.

— Я спрошу отца, может, знает.

— Да ты иди в дом, я щас.

Степан поднялся по широким скрипучим ступенькам высокого крыльца, через распахнутую дверь вошел в просторные сени, во всю длину дома, с небольшими окошками во двор. Слева от двери, вдоль стены — высокие кадки, с пряным запахом кислых помидор и огурцов. С потолка на железных крюках свисали завернутые в полотно свиные окорока, связки сухого лука и чеснока.

Степан глотнул слюну, огляделся. С правой стороны сеней вдоль стен — деревянные скамейки, длинный стол, на деревянных колышках в стене — хомуты, седло, уздечки, несколько плетеных ременных кнутов для верховой езды. На столе тускло светила закопченная керосиновая лампа. Дверь открылась, в сени вошла маленькая сухая женщина в сером полотняном платье с пояском в высоких заячьих сапожках. Ее русые волосы с густой седной были уложены сзади тугим узлом, подчеркивая тонкую стройную шею и немного широкоскулое лицо с мелкими морщинками вокруг глаз.

— Во гостя Бог послал! — она ласково улыбнулась, протянула руку. — Татьяна Васильевна. А тебя, молодец, как величать-то?

— Степка! — он смущенно улыбнулся хозяйке, сжал ее маленькую, но твердую ладонь, уловил на себе любопытные глазенки Анюты. Она уже переоделась в голубое ситцевое платье с белыми цветочками и стояла возле бабки, осмелев, украдкой рассматривала своего спасителя.

— Проходи, Степа, в горницу, унты и куртку оставь на кухне, — певучим голосом сказала Татьяна Васильевна, — сейчас ужинать будем.

Он вошел за ней, сел на табуретку возле двери. Пока стягивал унты, быстрым глазом окинул кухню. В большой светлой комнате одна стена была увешана сковородками, кастрюлями и прочей кухонной утварью. В углу в огромной русской печи потрескивали березовые поленья. От печи несло жаром, запахом щей и пельменей. У другой стенки — высокий шкаф для посуды со стеклянными дверцами и длинный стол под желтой клеенкой.

Он сложил унты и куртку на табуретке, вошел в горницу, сел возле окна на древний дубовый сундук с железными углами, покрытый рогожкой. Бревенчатые стены большой комнаты аккуратно побелены, на окнах — белые занавески. Над круглым столом на тонкой проволоке к потолку был подвешен серебряный поднос, с которого медная керосиновая лампа с высоким чистым стек‹ло›м хорошо освещала всю комнату. На столе, накрытом тяжелой серебристой скатертью, дымился чугунок с вареной картошкой, на больших тарелках рядами было тонко нарезано сало с кружочками лука. От глиняной миски с кислыми огурцами и помидорами пахло укропом и чесноком.

У задней стенки русской печки стояла деревянная кровать с периной под красным покрывалом и горкой разноцветных подушек. У другой стены между окнами с высоких полок тусклым золотом поблескивали названия книг в кожаных переплетах. На одной стене с портретов в комнату смотрели два бородача, а с другой — такие же портреты, но у одного маленькая бородка клином, а второй и вовсе без бороды, но с усами.

Степан с любопытством разглядывал убранство чужой хаты, пока Анюта с матерью накрывали на стол. Хозяин откинул портьеру, грузно шагнул в горницу, ласково усмехнулся гостю:

— Нравится у нас?

— Ага,— Степан покраснел от собственной смелости, показал пальцем в стены. — Это ваши родственники будут?

— Хороши родственники!— он изумленно глянул на Степана.— Неужто не знаешь? Школу-то закончил?

— Семь классов!

— Куда ж ты только смотрел в своей школе, Степа!— Алексей Иванович укоризненно качнул головой, подошел к углу, из маленького шкафчика вытащил бутылку самогону.— Это Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, наши вожди. Ну, давай к столу.

Глава семьи подождал, пока жена, дочь и гость сядут за стол, в углу над шкафчиком отодвинул в сторону расшитое цветами полотняное полотенце. За ним блеснула позолотой большая икона с изображением Христа. Алексей Иванович махнул всем рукой, чтобы встали, широко перекрестился на икону, пробормотал молитву, завернул полотенце.

— Пусть и бабы пьют, — хозяин усмехнулся в усы, разлил самогон в старые граненые стаканы, мигнул гостю, — при наших морозах это хорошо, для сугреву души и тела.

Он выпил полстакана мутной жидкости, придвинул к себе тарелку с пельменями, захрустел соленым огурцом:

— Ешь, Степа, осетрины у нас нету. Чем богаты, тем и рады. Может, весной на Урал съезжу, осетра привезу.

— У нас хватает рыбы, — Степан выпил самогон, закашлялся, смущенно глянул на хозяина, — а можно спросить? Чего это икону-то за полотенцем держите? У нас дома икона поменьше, но висит в углу, не прячем.

— А портреты вождей есть у тебя дома? — хозяин успокоительно мигнул на встревоженный взгляд жены.

— Нету.

— А хто твой отец?

— Кузнецом в колхозе.

— Вот видишь, Степа, — Алексей Иванович, покрасневший от спирту и сытной еды, доверительно положил руку ему на плечо, — твоему отцу, который кузнец, проще жить. А я председатель колхоза, начальство, стало быть. Селяне ко мне приходят, начальство районное часто приезжает, то работу проверить, то пару цыплят или поросеночка прихватить в город. Я же и секретарь партийной организации в колхозе. Так что мне надо быть на высоте положения. Для того и держу все четыре портрета вождей. Для людей. А для себя держу вот ту иконку, в углу, под полотенцем. Открыто нельзя. Много есть в жизни делов, которые нельзя открыто делать, это знаешь ?

— Не-е, — Степан неопределенно качнул головой, отмахнул с лица длинную белокурую прядь, опустил глаза, встретившись взглядом с Анютой.

— Хороша внучка-то? — хозяин понимающе ухмыльнулся, — да ты гляди, не бойся. Все равно глядеть-то придется в оба, как жену начнешь себе выбирать. А ежели проглядишь и плохо выберешь, дак всю жизнь жалеть будешь. Глянь, шейка-то, что у твоего лебедя! И телом стройная! Глаза голубые, в отца пошла, только веснушки на носу, но это пройдет с годами.

— Чего пристал? — Татьяна Васильевна укоризненно глянула на мужа, — смущаешь внучку и гостя. Сами разберутся, без тебя.

— Это еще не скоро, пока разберутся, — примирительно сказал Алексей Иванович, снова разлил самогон по стаканам, — а такой гость у нас за столом впервой, жизнь спас Анютке и мне. Дак я ему заранее ее и посватаю. Может, и сбудется, если будет на то Божия воля...

Он помолчал, глянул на потупившую взор внучку, снова обернулся к Степану: — Анюта-то у нас с Татьяной единственная радость. Мать у ней померла при родах. Хорошая была невестка, земля ей пухом, а отец, сын наш Петро, командиром в Красной Армии служит. А мы на земле живем, помаленьку. А твой батько бедняк аль середняк?

— Не знаю, — Степан пожал плечами, — дом у нас хороший, скотина есть и лошадь, сестра Ольга в колхозе счетоводом работает, а мать поварихой, на полевом стане летом, а зимой дома. Мы неделю в колхозе работаем, а в воскресенье на самих себя. Участок у нас есть, возле дома. Иногда и ночью работаем, когда управиться надо по хорошей погоде...

— А что у вас люди говорят?

— Это о чем? — Степан перестал жевать.

— Ну, о делах, о политике. Ты чай комсомолец?

— Да, вступил еще по осени.

— А как вступал, тебя хто о чем спрашивал?

— Ага. И про меня, и про мать, про Ольгу, про хозяйство наше...

— А чего отец-то в гражданскую делал?

— Чего?

— Я говорю, в гражданскую войну твой отец воевал аль нет? — Алексей Иванович отмахнулся от встревоженного взгляда жены, захмелевший, ласково поглядывал на гостя.

— Отец сказывал, што воевал в партизанах, а пошто спрашиваете? — Степан вдруг твердым взглядом обвел хозяев.

— Это так просто, — Алексей Иванович облегченно вздохнул, — тут, Степа, разные дела идут, хорошие и плохие, молод ты еще, а жизнь наша теперя сложная пошла, силу требует, смекалку. Вот севодни ты это здорово, с волками-то. Смелость в тебе есть и душа тоже. Только с человеком иногда нужно быть тверже, не жалеть его.

— А чего с человеком-то? — Степан усмехнулся, глянул на свои большие тяжелые руки. — Я его не трогаю, и он меня не трогает. Как и волк.

— Не-е-ет, Степа, — Алексей Иванович качнул головой, — человек всегда опаснее волка. Зубов у него нету, зато ум есть, штоб думать, и рука, штоб писать...

— Чего писать?

— Ну, разное люди пишут. Это я так, к слову, штоб ты знал, што люди могут писать. Перо, слово бывает хуже, чем зубы у волка. Ну, подрастешь, узнаешь... А щас спать пора.

— Да я пойду, — Степан встал из-за стола.

— Куда на ночь-то глядя? — Татьяна Васильевна испуганно глянула на гостя, — мороз, темно и далеко тебе идти. Оставайся, места хватит!

— И то правда,— кивнул хозяин,— ночуй у нас, а поутру и отправишься.

— Спасибо на этом, — Степан качнул головой. — Я рано ушел, надо дом проведать, да и ждут меня там, сроду нигде не ночевал, только дома.

— Ну, дело хозяйское, — Алексей Иванович обнял, дыхнул в лицо самогоном, — раз решил, значит иди. Да не забудь мой дом. Ты мне помог, может, и я тебе помогу когда. И жена, и внучка будут рады такому статному гостю.

Степа вышел на кухню, натянул унты, куртку, заячью шапку, снял со стены обрез. Полкан оставил у печки свою кость, мордой открыл двери в сени.

— Ну, прощевайте, спасибо! — Степан пожал руку Татьяны Васильевны, еще раз глянул в голубые глазенки Анюты. Старик накинул тулуп, пошел проводить. На улице встретила черная морозная ночь. В ледяном небе мерцали тысячи звезд, и слабый лунный свет бросал неясные тени от домов.

Степан еще раз пожал руку хозяину. Нащупал в кармане патроны, перезарядил, вскинул на плечо обрез, натянул на лоб шапку, стал на лыжи, неслышно исчез в темноте.

Алексей Иванович плотней запахнул тулуп, закурил, сквозь дымок всматривался в темноту, где только что исчез Степан Дронов. Вот встреча! И как после этого верить коммунистам, которые говорят, что Бога нет! А ведь как близко смерть была нынче вечером! Бог помог! Или судьба! А что такое судьба! Вспомнил свою службу у белых в 18-ом году. Командир роты поручик Нефедов почти всегда бывал пьян. Напивался перед боем и, когда пьянел, смотрел на солдат печальными глазами, повторял свою любимую поговорку: "Натура дура, судьба индейка, а жизнь — копейка!" Это точно — копейка. У таких господ всегда в голове глупости, ничего не поймешь, чего думают и говорят, потому и накликали беду на Россию.

Там, за дверью, жена и внучка, его семья. Жаль, невестки нету. Бог не дал! Сын Петро приедет на побывку, может, снова женится, чтоб была в доме молодая хозяйка. Без этого нельзя. Время идет. Татьяна постареет, трудно ей будет одной вести хозяйство. А что толку от Анютки? Только подрастет, так учиться придется посылать, в город, а потом и замуж выйдет. Нету в доме толку от дочки, только горести и радости, а толку нету. Господи, вот бы не порвалась эта ниточка к Степану Дронову! Ладный парень. Поехать, што ли, навестить его в Озерном? Оно, ля, не сразу...

Тимофей Дронов чинил в кузнице бороны, серпы, лопаты, ложки, кастрюли и детали для тракторов. Был он высокий, большой силы, мужик с короткой черной бородой веником. Отпустить бороду вниз Тимофей не мог — уж сколько раз загоралась борода от пучков искр от наковальни. Марфа Григорьевна ростом была под стать мужу, силу в руках тоже имела, управлялась по хозяйству одна и пахала наравне с мужиками, хотя большую часть их семейной делянки пахали для Дроновых по уговору с Тимофеем односельчане за его работу на кузне.

Дом у них был победнее хором Алексея Ивановича Сазонова из Челнов, но считался в Озерном среднего достатка.

Тимофей Егорыч был неразговорчив, в дела семьи не вмешивался, жил тихо. Домой приходил затемно, вешал на гвоздь в сенях прожженный во многих местах брезентовый фартук, долго мыл руки под старым медным рукомойником на кухне. Потом ужинал, уходил к себе, в маленькую горницу, заваливался спать. Тимофей грамоты не знал, книжек читать не умел, но кузнечное искусство постиг до тонкости.

Кузня размещалась за селом, возле берега, в большом сарае с тремя стенами из старых кривых бревен и досок, в которые задувал ветер и дождь. Четвертой стеной служили дощатые ворота, через которые в кузницу затаскивали трактора и плуги для ремонта.

Почти каждый день в кузницу наведывался друг детства Кузьма Воронков, маленький тощий мужичок с редкой рыжей бородкой, с голубыми навыкате глазками, в которых светилось недовольство жизнью.

Кузьма был бригадиром полевой бригады. Кроме плугов, сеялок и борон, было у него два колесных трактора грязно-зеленого цвета, похожих на больших кузнечиков. Трактора часто ломались в поле, их тащили волами в кузню на ремонт.

Пока Тимофей наблюдал за раскаленной болванкой в горне, Кузьма, ухватившись за коромысло мехов, по-обезьяньи прыгал вместе с коромыслом вверх и вниз, накачивая воздух в горн, негромко поругивал трактора, председателя колхоза, районное начальство и даже советскую власть, при этом опасливо поглядывал на полуприкрытую дверь кузницы. Потом, по сигналу Тимофея, длинными железными щипцами он выхватывал из горна раскаленную добела болванку, бросал на наковальню. Тимофей с придыхом бил молотком, по всей кузне летели снопы искр, плющился металл, принимая нужную форму.

Были они сверстниками, с детства их дорожки шли рядом, но в 1918 году пришлось им пострелять друг в друга. Война войной, а жить надо. Кузьма нагрузил телегу мешками с картошкой, рожью и отправился в Омск с обозом мужиков из окрестных сел. На базаре в Омске белые устроили облаву. После допроса мужиков хилых и тех, кто постарше, отпустили домой, у остальных забрали груз, лошадей, одели в шинели, зачислили в наскоро сформированные части для борьбы с партизанами.

Оперировавшие к северу от Омска партизанские отряды набирали добровольцев из местного населения. Как и большинство других крестьян, Тимофей воевать не хотел, но каждую ночь отсиживаться в лесной глуши было трудно — надо было работать. Проходивший летом 1918 года партизанский отряд задержался в Озерном на один день, потом ушел на юг, оставив после себя опустевшее село. Часть мужиков вступила добровольно, в надежде на лучшую жизнь при новой власти, но большинство, человек 30, вступили в отряд, чтобы не попасть под расстрел за отказ воевать за революцию.

Более года Кузьма у белых, а Тимофей у красных гонялись друг за другом, колесили по родной земле, не понимая, что творится вокруг, зачем и когда кончится. В бою под Тобольском оба были легко ранены. Тимофей попал в плен к белым, а Кузьма — к красным. Ни те, ни другие рядовых не расстреливали, а охотно пополняли ими свои отряды. Тимофея судьба забросила на юг России, воевал в армии Деникина, потом в войсках донских казаков. Под натиском красных отступал с ними до Новороссийска, откуда ушел домой. Кузьму красные отпустили домой в 1921 году.

Война коснулась каждой избы. Причин революции и гражданской войны люди не понимали, дела вокруг творились непонятные, угрожающие. Селяне стали осторожны в разговорах друг с другом. Поэтому и приходил Кузьма в кузню, к Тимофею. Здесь гудел огонь в горне, и под грохот молота можно было отвести душу. Тимофей был молчалив и предан, не выдаст.

Вечером Тимофей пошел навестить Кузьму. Жена у него померла от тифа в 20-ом году, детей не было. С тех пор Кузьма не женился, жил бобылем в своем старом доме, состоявшем из одной комнаты и холодных сеней, без построек для скота. Своего хозяйства Кузьма не имел, жил только делами колхозными, в сенях держал бочку соленых помидор, ящик соленого свиного сала, несколько мешков муки, что получил от колхоза, да крынки с ряженкой и сметаной, которые колхозные бабы по очереди приносили ему.

Отсутствие личного хозяйства у Кузьмы Воронкова районное начальство считало его особой заслугой и проявлением почти пролетарской сознательности. Чтобы не портить такого хорошего мнения о себе, особенно в это смутное время, Кузьма гнал самогон тайком, в подвале своей хаты, и пил его осторожно, только с Тимофеем. По молчаливому согласию выпивали всегда у Кузьмы, где никто не мешал, без свидетелей.

Закопченная керосиновая лампа с треснувшим стеклом освещала деревянный стол без скатерти, три тарелки с крупно нарезанными кусками пахучего ржаного хлеба, сала, соленой рыбы и высокую литровую бутыль самогона. Больше литра Кузьма на столе никогда не держал, на всякий случай. Когда заканчивали одну бутылку, он спускался в погреб, наполнял пустую бутылку из столитрового бочонка, припасенного на всю зиму.

Кузьма шевельнулся на старой скрипучей табуретке, нетвердой рукой взял немытый граненый стакан с мутной жидкостью, задрал кверху козлиную бородку, мелкими глотками опил самогон, икая и глядя на друга слезящимися глазами.

— Что тужишься-то? — тихо спросил Тимофей. Он закатал рукава черной сатиновой рубахи, положив на стол мощные волосатые руки, привалился спиной к небеленой русской печи, осоловелыми глазами смотрел в оконко, поверх головы захмелевшего Кузьмы. — Не принимает душа, так и не пей!

За окном в темноте чернели крыши соседних изб, доносился лай собак.

— Это да! — Кузьма кивнул, сморщившись, хрустел соленым огурцом, искоса разглядывал густую бороду Тимофея с застрявшими крошками хлеба. — Душа не берет, а без самогону, Тимоша, и того хуже — болит душа...

Кузьма поднялся, качаясь, шагнул к печке, в которой догорали толстые поленья, прикрыл железную дверцу, сдернул через голову свою серую полотняную рубаху, голый по пояс опустился на табуретку, виновато улыбнулся: — Жарко!

— Жар костей не ломит, — Тимофей глотнул самогону, вытер губы тыльной стороной ладони, протянул руку, — дай-ко рубаху!

— Чего, Тимоша? — Кузьма медленно протянул рубашку, понурив голову.

— Запах-то Богу не угодный! — Тимофей поднес рубашку к носу, швырнул в угол. — Вторая рубаха есть?

Кузьма молчал, тихонько раскачиваясь на табуретке, но его заросшим морщинистым щекам скатились две маленькие слезинки.

— Когда эту рубаху-то стирал?

— Летом, в речке! — Кузьма поднял на друга глаза, полные слез, — живу, вишь как, Тимоша, один, стало быть...

— Грешишь против Бога, Кузька, — Тимофей качнул головой,— померла жена, значить, была Господня воля на то, а ты живёшь плохо! Одному мужику не прожить, это и в Библии сказано. На то Бог и женщину дал, чтоб дом держала. Глянько на свою хату! Поди, двадцать годков не белил, а?

— Семнадцать! — Кузьма сидел голый по пояс, пригорюнившись, поставил локти на стол, зажав лицо ладонями, жалобно смотрел на Тимофея.

— Завтра приходи, Марфа тебе рубаху сошьет, да эту постирает, а потом пришлю Степана с Ольгой, пущай тебе дом приберут да побелят.

— Спасибо, Тимоха, друг! — жалобным голосом сказал Кузьма, — только как померла жена, не было у меня рук и души по дому управляться, живу, как гость на этой земле...

— Смотрю я на тебя, Кузька,— Тимофей выпил еще самогону, медленно жевал кусок свежесоленой мороженой рыбы, — телом ты белый, а хилый, вона, ребра видать, плечи узкие, грудь-то почти без волосьев, как у бабы, а глазенки твои и совсем не наши, не крестьянские. Борода и та, как у аристократов бывают, рыжая и редкая. Хороший ты мужик, только видом не наш. Можа, твой дед был из благородных?

— Откуда мне знать про деда-то? — Кузьма виновато покосился на свою тощую фигуру, — отец покойный сказывал, что мы из казаков, что с Ермаком Сибирь покоряли, давно это было. Споем, Тимоша, а? — В "аристократических" глазах Кузьки вспыхнули дикие огоньки, лицо порозовело, вцепившись руками в край стола, он запел хриплым тенором, улыбаясь Тимофею неожиданно широкой улыбкой:

Из-за о-а-страва-а на стре-ежа-а-нь,
На просто-ор речно-оо-й во-олны-ы..

Закончили куплет они вместе:

Вы-плыва-а-ают ра-аписны-ыя
Стеньки Ра-азина-а челны-ы-ыы-ы!

— Чего замолк? — усмехнулся Тимофей.

— Дале позабыл! — откровенно рассмеялся Кузьма, налил самогон в стаканы,— чокнемся, Тимоша, душевный ты человек и один у меня друг, как Бог меня не забывает!

— Я про Ермака люблю песню, не знаю, кто придумал, но песня наша, душевная! — Тимофей нагнулся через стол к Кузьме, затянул глухим басом, в котором утонул тонкий тенор Кузьмы:

Реве-ела бу-уря, до-ждь шуме-ел,
Во мра-аке мо-олни-и блиста-али-и-и
И беспреры-ывно гром греме-е-ел,
И ветры в дебря-ах бушева-али-и-и...
Ко сла-аве стра-астию-ю дыша-а-а,
В тайге суро-овой и угрю-у-умой,
На диком бре-еге Иртыша-а-а-а
Си-иде-ел Ермак, объятый ду-умо-ой...

Песня резко оборвалась, наступила тишина. Потом Кузьма поднял на Тимофея снова потухший взор:

— Вот дела-то, Тимоша! Была у Ермака дума, а про што? Сибирь открыл, штоб людям было куда бежать, чтоб земля была и свобода! И жили четыреста лет, раздольно жили... А нынче чего-то не пойму! Жисть-то наша где, а? Плохо живем! Может, зря ты промазал тогда, под Тобольском? Лучше б мне этого не видеть!

— Чего мелешь опять? — зло спросил Тимофей, — с голоду не пухнешь! И вовсе я не промазал! С чего ты взял, что я в тебя стрелял? Нешто спиной к неприятелю воюют?

— Да я ж тогда не думал об этом, штоб стрелять, — покраснел Кузьма,— а чтоб живым оттуда выбраться и домой податься! Я ж не знал, в кого стрелять и зачем! Мне эта винтовка была вовсе без надобности...

— Это ты верно говоришь, Кузька, — Тимофей тяжело вздохнул, — и мне она была без надобности. Только тебе больше повезло!

— Чего-о?

— Я к тому, што ты гражданскую у красных закончил, а я у белых! А времена того, идут непонятные.

— Да,— Кузьма мечтательно улыбнулся,— то ли жисть была при царе! Сам себе хозяин! Хошь — работай, хошь — в лес иди! На што в башке пару хватит, то и твое. Свобода, брат, была крестьянину! А ныне туго стало. Ныне начальник свой, из крестьян. Не обманешь. Народ кругом пошел непонятный. Сказывают, в Омске много людей по тюрьмам сидят... А на прошлой неделе председатель меня вызвал, выспрашивал насчет работников моей бригады и насчет тебя спрашивал...

Он помолчал, выдержал в упор пристальный взгляд Тимофея.

— Сказал я ему все, без утайки, насчет прошлого!

— Правильно сказал, Кузька! Таить нам нечего. Они, начальство, сами кашу заварили, наши бороды в этой каше вымазали, пущай сами и разбираются! Тольки, на случай чево, ежели беда какая со мной, ты уж посодействуй моим, штоб не сгинули раньше времени, штоб не померли.

Кузьма, отрезвев, с минуту испуганно смотрел на приятеля, пробормотал: — Это, конечно, помогу, ежели жив буду, только ты, Тимоша, не хорони себя-то, авось переживем... А как Степка-то? — спросил Кузьма, устав от тяжелого разговора и в надежде задержать Тимофея еще на часок.— Женить небось скоро пора! И охотник, мужики сказывают, хороший.

— Женить рано! Пятнадцать годков всего-то! — усмехнулся Тимофей. — А стреляет метко. И в хозяйстве помогает. Мужик крепкий вырос. Однако пойду, што-то муторно мне, Кузька.

Тимофей встал из-за стола, поднял с полу тулуп.

— Може, ишшо по стакану, а? — жалобно спросил Кузьма, окинув взглядом свое неприбранное холостяцкое жилье.

— Ладно, завтра приходи в кузню, там поговорим, и рубаху принеси, Марфа постирает.

Тимофей закрыл за собой скрипучую дверь, махнул Кузьме в окно, зашагал к своему дому, мимо правления, у дверей которого стояли сани.

Глубокой ночью Степан подошел на лыжах к своему дому. Обычно в это время все спали, но сейчас в окнах был свет, у ворот стояли чужие сани, две лошади хрустели снегом из-под ног. Он неслышно скользнул в полуоткрытые ворота, сбоку подъехал к окошку, заглянул поверх белой занавески. За столом, наклонив голову, сидел отец, с другой стороны стола человек в военной форме что-то писал. У двери на стуле сидел второй военный, в шинели, прислонив две винтовки штыками к стене. На кровати мать прижимала к себе заплаканную Ольгу, с окаменевшим лицом смотрела на военных.

С минуту Степан стоял как в забытье, люди за окном стали расплывчатыми, в ушах гулко отдавались удары сердца. Ноги стали ватными, чужими, а капли пота катились из-под шапки, замерзали струйками на лбу.

Схватился рукой за стену, еще раз глянул в окно. Впервые в жизни посетившее его чувство страха исчезло, звериная злоба к этим людям в военной форме захлестнула все его существо. На скулах вздулись желваки, от сжатых до боли зубов звенело в ушах. Хрипло дыша, он потащил с плеча обрез и тут встретился глазами с матерью.

Она увидела лицо Степана, его горящие злобой глаза над краем занавески, качнула головой — не надо!

Степан вгляделся в усталые лица военных. Конвойный у двери дремал, понуро поглядывая на своего начальника за столом.

— За что? Отец! Кто такие? — от обиды и злобы две слезинки скатились из глаз, тут же замерзли на красных от мороза щеках. Он вспомнил, что два часа назад ему говорил Сазонов в Челнах. Говорил что-то плохое, что люди бывают хуже волка, что люди умеют писать. И этот за столом пишет...

Степан скользнул от окна, обошел дом вокруг, возле сарая бросил обрез, снял лыжи, нагнулся к теплой мохнатой морде собаки, прижав за шею, шепнул прямо в глаза, в которых мерцал хищный огонек: "Сиди, друг, сиди!" Полкан лег на снег. Степан разрыл снег около стенки сарая, раздвинул две доски, пролез внутрь, в кромешной тьме ощущая лишь теплое дыхание коров, жующих свою зимнюю жвачку, вышел во двор у задней стены дома. Здесь, касаясь ветками стены, тянулся кверху старый кедр, по которому он в детстве любил взбираться на чердак, всегда наполненный сеном с терпким запахом полыни.

Он тихонько отодвинул деревянный засов, открыл маленькую дверь, ступил на широкую балку, что шла от чердачной двери через весь дом до противоположной стены. К этой балке крепились толстые струганые доски потолка. На досках — метровый слой сена, защищает потолок от холода. Сено сухое, малейший шорох слышен на весь чердак.

По заячьи унты даже на снегу не скрипят. Степан бесшумно прошел по балке, к середине чердака, лег, прислушиваясь, просунув руку вдоль балки, отодвинул сено. В щели между досками блеснул свет. Он ничего не мог рассмотреть, но отчетливо услышал глухой чужой голос человека:

— Гражданин Дронов, слушайте еще раз, чтобы все было правильно. Ошибки сейчас не в вашу пользу. Ваша фамилия, имя и отчество: Дронов, Тимофей Егорович?

— Да, гражданин... — он с трудом узнал голос отца.

— Следователь!

— Да, гражданин следователь.

— По профессии кузнец?

— Да, кузнец я.

— Вы по социальному положению бедняк, середняк или кулак?

— По социальному? Не знаю, кузнец я, работаю всю жизнь, с голоду не помираем, только на новый дом не заработал, пока в этом живем, в старом, но не жалуемся...

— Скот есть?

— Да, две коровы, лошадь, свинья да курей десяток...

— Значит, бедняк! А почему больше скота не завели?

— Дык время нету, гражданин следователь. Я на кузне каждый день весь год, дочка в конторе и на поле, жена, Марфа, тоже на поле, стряпает. Сын Степка в школу ходит да охотой промышляет. Ежели б я, как все, в поле работал, так завел бы хозяйство поболе, а так не могу, на мирян работаю. Без кузни никак нельзя. Поди, всей семьей на общину работаем, так богатства не нажили...

Наступила тишина. Потом снова голос военного:

— А где сын?

— Да где же ему быть? В лесу. Спозаранку ушел зайцев пострелять. Всегда к вечеру домой приходит, а севодни нету. Может, чего стряслось... Однако ночью придет.

— А с чем на охоту ходит ваш сын?

— Да как все, с обрезом.

— Где взяли?

— Купил на толкучке в Омске.

— Когда купили?

— В тот год, как царь отрекся.

— А почему не сдали обрез властям?

— Да сдал бы, но не было указу...

— Ваш сын тоже подлежит аресту!

— Как же, гражданин следователь, мал еще, только пятнадцать...

— Зато ростом высок и стреляет метко. Мы все знаем, гражданин Дронов! Может, вы его нарочно послали на охоту сегодня?

— Дак, гражданин следователь, ежели б я знал, што вы приедете, я б сказал ему, штоб дома сидел, дожидался. Я ж не знал, спозаранку на кузне...

— А вечером где были? Мы не могли вас найти!

— Да у Кузьмы Воронкова, за прошлые десять лет тольки у него и был, почти каждую субботу выпиваем.

— Что пьете?

— Это как все, самогон.

— Вы знаете, что изготовление самогона карается по закону?

— Ага, но привозят на продажу из города и из других сел. Покупаем, потому как, гражданин следователь, крестьянину без самогону нельзя...

— Ну, ладно, это можно понять. Расскажите, почему служили у белых в гражданскую войну?

— У... у белых? Нет, я не служил. Сперва у красных...

— Сами вступили в красный отряд?

— Не-ет, силком меня взяли, прямо с кузни.

— А почему сами не пошли? Вы против революции?

— Я? Против революции? Сроду не был! Но што революция значить, этого не знаю, этого, гражданин следователь, наши крестьяне не знают, нам трудно понять. Опять же, сроду никто из наших сам на войну не хаживал. Кого красные забрали, кого белые. Так што, воевал у красных, потом ранили, белые в плен взяли. Неделю отлежался у них в обозе, ранка зажила, снова дали винтовку. Вы человек грамотный, гражданин следователь, знаете, што мужик в таких делах, как кур во щи, попадает не по своей воле.

— А потом што? — голос следователя звучал мягче. — Как домой вернулись?

— С белыми до Новороссийска отступал. Слух пошел, што за океан тикать будут наши офицеры и благородные люди. А мне как же туда тикать, ежели дома Марфа с ребятами да хозяйство ждут? Я ушел, домой добрался, винтовку в лесу бросил. На кой она мне? Так, может, это, гражданин следователь, простите мне, што я у белых служил? Ежели б в плен раненый не попал, так и не служил бы! Нешто мы по своей воле!

— Эх, да знаю я, что ты не по своей воле! — вдруг громко сказал следователь. — Все вы не по своей воле, и у всех свои грехи остались. Есть у меня приказ районного НКВД арестовать тебя и сына твоего и доставить в район. Если я этого приказа не выполню, меня самого арестуют, а тебе ареста не избежать все равно. Тебе, Дронов, повезло, что мне поручили заниматься твоим делом. Я тоже из крестьян, понимаю, что вины особой за тобой нет, может быть, удастся смягчить меру наказания. Одевайся, едем. А вы, гражданка Дронова, никому на селе о том, что слышали здесь, не говорите, если не хотите повредить своему мужу. Рот на замок, понятно? И еще, как только вернется сын, пусть сам явится в район, в местное отделение НКВД. Если не захочет, вы должны сообщить об этом председателю колхоза. В противном случае вы тоже будете арестованы.

— Гражданин следователь! — Степан вздрогнул от хриплого голоса матери. — Може, все ж оставите Тимофея дома? Пущай следствие идет, все равно правда найдет себя, а он бы пока дома был и кузню б закрывать не пришлось!

— Это не в моей власти,— следователь шумно поднялся из-за стола,— но учитывая, что ваш муж бедняк и в плен к белым попал, будучи раненым, я сделаю все, что могу, чтобы эти факты были учтены в приговоре. Все! Филиппов, осмотри двор, я слажу на чердак, проверить надо.

Степан прирос к балке, слышал скрипучие шаги следователя по ступенькам узкой лестницы на кухне, что к лазу на чердак. Лаз закрыт деревянной крышкой с задвижкой изнутри. Нащупал на поясе охотничий нож. Убить? И конвойного тоже? Тогда надо всей семьей бежать в лес, тогда тюрьма! Нет! Что делать? Через полуприкрытую дверцу чердака он слышал скрип шагов конвойного, по двору обратно по дереву не убежишь.

Он бросился к дверце, плотнее прикрыл ее, у самой дверцы нырнул в сено, извиваясь ящери-

цей, прополз по доскам до угла, замер, ощущая на себе тяжесть метрового слоя сена. Его горьковатый степной запах дурманил, спирал дыхание. На миг вспомнилось прошлое лето, когда с отцом косил траву на сено. Тогда были солнечные тихие дни, ранняя роса на стеблях золотилась под лучами утреннего солнца, над лугом порхали перепелки, и жизнь под голубым небом была наполнена миром и счастьем...

Осторожные шаги по балке, шорох сена. Человек прошел до чердачной дверцы, чем-то ворошил сено с одной стороны, двинулся обратно. Степан перестал дышать. Где-то рядом захрустело сквозь сено что-то твердое, потом исчезло. Человек вернулся к лазу на кухню. С минуту царила тишина. Потом снова шумные шаги по сену. "Идет по стенке!" — от этой мысли у Степана взмокли ладони. Человек шумно дышал, после каждого шага втыкал в сено граненый штык трехлинейки. Степан прижался лицом к доске, замер, ощущая на себе где-то сверху тяжелый сапог. На миг острая боль пронзила левую руку ниже локтя, будто кто-то схватил ее железными щипцами, в тот же миг боль исчезла, человек, глухо матерясь, выбрался с сена на балку, пошел к лазу, ничего не заметив. Сено слизнуло кровь со штыка.

Рука тихонько ныла ниже локтя, рубашка взмокла от крови. Прижимая руку к груди, он выбрался из сена, ухватившись правой рукой за ветку, прыгнул на дерево, спустился вниз, через сарай выбрался в степь, где его ждал Полкан. Степан стянул с брюк кожаный пояс, туго затянул руку выше локтя, лег, уткнулся лицом в снег, набрал полный рот снегу, судорожно проглотил пресную талую воду. С минуту лежал неподвижно, приходя в себя после того, что слышал и пережил. Чувствовал, что кровотечение замедлилось — помог ремень, стянутый выше локтя. Дрожь в теле постепенно стихала, бешеный стук сердца сменился привычным редким ритмом, мысли прояснились.

Он погладил Полкана правой рукой, пополз к углу сарая, выглянул. В двадцати метрах на ночной улице чернели тени людей. И сквозь морозную тишину слышался резкий голос следователя: — Филиппов, все в сборе, свяжи им руки за спину, пора ехать!

Отец медленно опустился в сани, свесив ноги почти до снега. С ним еще двое мужиков. Кто такие? В темноте не разобрать! Возле саней две слитые в одну фигурки. Мать и сестра! Чей-то тихий плач, потом фигура конвойного со штыком возле арестованных в санях и следователь на козлах. Застоявшиеся лошади взяли с места крупной рысью. Сани скрипнули у ворот, через минуту исчезли в темноте.

Степан несколько минут смотрел вслед саням, потом взял лыжи, обрез, не выходя на улицу, через сарай, вышел во двор, постучал в летнюю дверь кухни, которую на зиму закрывали наглухо.

Дверь распахнулась. При тусклом свете керосиновой лампы из горницы мелькнули испуганные, заплаканные лица матери и сестры.

— Степка! — Ольга кинулась ему на шею, прижалась носом к груди, всхлипывая, обернулась к матери: — Степка пришел!

— Сынок! — Марфа Григорьевна обняла его и дочь, поцеловала обоих, прижав к себе, сказала тихо: — Ничего, дети, не гневите Бога, смиритесь! Авось не тронут отца, вернется домой! Да заходи в дом!

Она закрыла за ними дверь, обернулась к сыну, побледнела, прижав руки к груди, выдохнула: "Кровь! Сынок? Снимай рубаху!" Вместе с Ольгой они стянули с него куртку из заячьего меха и полотняную рубаху. Пока Ольга промывала колотую квадратную рану тряпкой, смоченной спиртом, Марфа Григорьевна вытащила из сундука новый сатиновый платок, рванула пополам, туго перевязала рану, усадила его к столу, поставила тарелку щей, вареного мяса, потом наглухо закрыла окна, села рядом, поглядывая на дочь и сына. Ольга перестала плакать, положив руку на плечо брата, смотрела, как он ест, заглядывала в глаза, подолгу задерживала взгляд на лице, потом переводила глаза на мать.

— Это он тебя ранил? — мать кивнула в сторону двери.

— Да, штыком искал в сене! — Степан кивнул, с трудом выговаривая слова с полным ртом.— Я давеча в степи мужика с внучкой от волков спас, из Челнов они. Ужинал у них.

Женщины переглянулись.

— Бог воздаст тебе, Степа, ежели спас людей от смерти! Только оставаться тебе нельзя дома. Придут эти военные опять, найдут! Полежишь два дня да подашься в Тобольск, у дальних родственников побудешь пока вернется наш отец! — Мать заплакала, уткнулась лицом ему в плечо.

— Ладно, мам, не плачь,— Ольга встала, сбоку обняла мать, поцеловала в голову.

— Верно, мать,— Степан с трудом проглотил последний кусок мяса,— не одного отца взяли. Вишь, иншо двое с ним! Може, и отпустят! Хата у нас хорошая, запас еды есть. Проживете пока, а мне надо идти. Ежели щас вернутся, так меня арестуют и тебя тоже. Што тогда Ольга одна будет делать? Я пойду в Челны. Перебуду, а завтра в ночь пойду в Тобольск. Запомни, мать, мужик тот хороший, Сазонов Алексей Иваныч, хата первая с краю. Може, когда поедешь, навести его.

— Може, так и лучше, сынок! — Мать встала, из чугунка высыпала в деревянное блюдо у печки остатки мяса с костью.

Полкан, молча наблюдавший за людьми, благодарно блеснул глазами на хозяйку, улегся у печки, принялся за свой поздний ужин.

Продолжение следует

Сергей Хохлов

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

Сатанинское семя

...У соседей и поле всполололось,
У соседей и жито смололось.
Тут же — грядки набухли, а пусто,
Что взошло? Ни бурьян, ни капуста.

Видно, кто-то подсыпал мне семя,
Когда я, солнцу радуясь, сеял.
Лезут стебли со скрипом, а пусто.
Что за черт! Ни бурьян, ни капуста.

Век, наверно, работал с немногим,
Поясница заныла и ноги.
У соседей и поле всполололось,
У соседей и жито смололось.

Плюнул ветру в лицо — он ответил,
Наше братство и кончилось этим.
Что же вышло из нашей затеи?
Ни черта! только хохот злодея.

Твердь державная

А на Красной площади,
На партийном кладбище
Он лежит, великий наш.
А вокруг — товарищи.
А вокруг соратники,
Да его угодники —
Бывшие привратники.
Бывшие сапожники.
Лихо дело сделали!
Дни прошли ненастные.
Были люди белые,
Стали люди красные.
Отчего же — красные?
Отчего же — белые?
Люди в черных кожанках
Лихо дело сделали.
Ах, стена кирпичная,
Площадь наша стольная!
Многое забыла ты,
Многое запомнила.
Сбиты цепи ржавые
Силою единою...
Ах ты, твердь державная,
Ах ты, твердь державная —
Кладбище партийное!

О свободном рынке

Боже, я тебя молю,—
Скоро нервы все спалю,—
Объясни, куда что делось,
Или мир пришел к нулю?

На прилавках было тесно,
На прилавках было тесто,
Масло, рыба и крупа,
Нынче нету ни клепа.

Я с утра хожу по рынку —
Рынком правит Сатана —
Мир смеша, в моей корзинке
Три дыры свистят со дна...

Что же делать мне на рынке?
В кулаке всего пятак.
Раздала казну Россия...
Президент, но как же так?!
Твой народ и бос и наг..

Быт

Задавил зараза быт!
Я не знаю, как мне быть.
То есть быта — никакого...
Вот, ей-Богу, стану пить!

Где он, главный идеолог?
Где его — вперед! — прогресс?
Оказалось, путь не долог
Партии КПСС.

Что он сделает, Ивашко?
Гимн сполна партийный спет.
Хоть последнюю рубашку
Он сними — а веры нет.

А к тому же давит быт.
Я не знаю, как мне быть.
Я идеей не охвачен
И правительством забыт...
Вот, ей-Богу, стану пить!

Не призываю

Не призываю к свержению
вышестоящих,
К крови, к насилью.
Но призываю к спасенью скорбящих.
К спасенью России.

Но призываю державных,
всевластных:
Делая дело,
Не разделять нас на белых и красных,
Красных и белых...

Владислав Шумский

МОЖНО ЛИ СИФИЛИС ЛЕЧИТЬ СПИДОМ?*

(О НЕКОТОРЫХ ПРОЖЕКТАХ ОБУСТРОЙСТВА РОССИИ)

Александр Исаевич!

Все, что Вы пишете, вызывает живейший интерес повсюду и особенно на Вашей родине — в России. Так и должно быть. Как и многие, я до недавнего времени считал Вас великим писателем и выдающимся человеком. Как же я ошибался! Сомнения в отношении Вашего творчества и некоторых Ваших практических действий у меня закрадывались уже давно, в частности, в связи с тем, что так называемым "Фондом Солженицына" распоряжались сионисты. Но нокаутирующий удар по моим представлениям о Вас нанесло эссе "Как нам обустроить Россию? Посильные соображения".

Разберем его в той последовательности, в какой оно написано. Вы пишете "нам". А кто это? Россия разбилась на два лагеря: на русских, патриотично относящихся к Отечеству, и на сионистов и шабесгоев, в кои входят предатели Родины и прихлебатели жидомасонства. Все остальное — детали. Трагедия в том, что сегодня (а началось это с 1917 года и даже раньше) Россией правят не русские, а их враги. Так с кем же Вы? Кто это такие "нам"? Или же Вы думаете, что и те, и другие? А такая позиция все равно антирусская, ибо существование, а тем более сотрудничество с сионизмом неизбежно оборачивается величайшей бедой России, ее гибелью. Вы прекрасно это знаете, но выносите это куда-то за скобки судьбы нашей до невозможности истерзанной Родины. Итак, кто такие "нам"? Последователи и ублюдки троцких, свердловых, кагановичей, сахаровых, бронских, яковлевых, поповых, собчаков или люди истинно русские, оказавшиеся в западне марксистско-ленинского коммунизма — сионизма? Сомнение вызывает и словечко (долго, видать, вы его подыскивали) "обустроить". Его даже в толковых словарях нет. Речь-то уже идет не об обустройстве, а о спасении России, быть ей или не быть, а обустройство в такой ситуации — дело отдаленно вторичное. Обустраивать можно квартиру, а тут пятая часть света. В слове "обустроить" есть оттенок того, что что-то надо улучшить, обставить. А нам не до улучшений. Мы перешагиваем край пропасти. Заглавие — сугубо авторское дело, но с заглавия начинается и сама позиция, и она далеко не безразлична русскому народу, к которому Вы решили обратиться после пяти с лишним лет гибельной перестройки. Что же так долго молчали? Или не видели, как изничтожают Россию? Да все Вы видели. Но вот Вы заговорили, и снова ни слова о сионизме.

Итак, пойдем по тем местам Вашего текста, с которыми можно соглашаться, но в них нет особой новизны, много уже и до Вас было сказано и не менее весомо. С самого начала Вы (цитирую) "с тревогой видите, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многой доле своей никак не может освободиться от имперского дурмана". А ведь именно в этом русских патриотов и обвиняют сионисты, межрегионалы, коротичи, старовойтовы, стреляные... В чем здесь отличие взглядов Солженицына от сионистской ненависти по отношению к России? Да в том-то и дело, что отличия в принципе нет. Так с кем же Вы? А не лучше ли было бы примкнуть к Бердяеву? (Не вообще, а в данном случае). "Русский народ, — писал он в "Русской идее",— самый смиренный в мире народ... Человечность остается одной из характерных русских черт, она относится к русской идее на вершинах ее проявления... Жалость к падшим, к униженным и оскорбленным, сострадательность — очень русские черты... Русский человек — всечеловек, в нем есть универсальная отзывчивость". Последнее — по Достоевскому, который воплотил в себе истинно-русскую философию и русскую совесть. Это он, никем не превзойденный в мире писатель, назвал Тургенева "изменщиком Родины" за то, что тот однажды (в своем неудачном "Дыме") позволил себе (устами героя, но отражая свое настроение) плохо сказать о России. И дальше у Бердяева: "Русский народ, по духовному своему строю, не империалистический народ... Русская литература, русская мысль были проникнуты ненавистью к империи, обличали ее зло". Имперским мышлением прет из треугольника Вашингтон-Лондон-Тель-Авив, треугольника, который мертвой хваткой схватил Россию за горло.

Нет, Солженицын, Вы пошли куда-то в сторону от магистральной линии великой русской литературы. По всему чувствуется Ваше неприязненное отношение к России, к ее царям, к фактически народной русской монархии. Действительно, кому взбрело в голову "произвести" Вас в монархисты? И опровергая это, Вы явно усердствуете. Вот какие слова Вы нашли об Александре II: "Необдуманные завоевания Александра II,— лучше б эти силы он потратил на недостроенное здание своих реформ". Как будто есть люди, которые все достраивают при жизни. И Вы, Солженицын, все не достроите при жизни! И так Вы говорите об императоре, который отменил крепостное право и провел мудрые реформы по части земства, суда, военного дела и т. п., об императоре, которого сам народ назвал "Освободителем". Лучше б Вы, Александр Исаевич, сказали о том, что Александр II был убит иудаизированными народовольцами, из среды которых вышли несколько позднее политически оформившиеся сионисты. Вы этого не сказали, зато пнули в русских царей, и вот сегодня Вам дружно аплодируют сионисты и зависящие от них подонки. На фоне вопиющего недружелюбия к русским монархам Вы с почтением цитируете папу Иоанна Павла II и бывшего американского президента Рейгана. А ведь тот и другой — тоже слуги масоносионизма. Что же касается Рейгана, то он давно присягнул антихристу, еще тогда, когда был губернатором Калифорнии. В США об этом хорошо знают. И Вы не можете не знать!

Вы оскорбляете русских патриотов (цитирую): "Надо перестать попугайски повторять: "мы гордимся, что мы русские"... Как же Вам не стыдно! Во-первых, среди русских так уже не говорят (оживление их ума сказывается). И зря! Надо всегда любить Родину и гордиться ею. Это всегда было составной неразрывной частью русского самосознания, Русской Идеи, свободной от западно-космополитического влияния. А, во-вторых, сегодня все чаще можно услышать: "Мы гордимся тем, что мы евреи!"

Как попугай... Да кто Вы такой, Солженицын, что диктуете мне мое отношение к Родине? И издеваетесь над этим моим отношением. Поубавьте свою непомерную гордыню и вглядитесь лучше в В. Розанова, который гениально писал в "Опавших листьях": "Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша "мать" пьяна, лжет и вся запуталась в грехе,— мы и тогда не должны отходить от нее. Но и это еще не все: когда она наконец умрет и обглоданная евреями будет являть одни кости — тот будет "русский", кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет"...

"Обглоданная евреями..." Так где же он — "имперский дурман"?!

Насколько же небольшая цитата из Розанова выше всего того, что Вы столь многословно изложили в своем (пожалуй, безнравственном) писании по части "обустройства России". Как видно, "вермонтовское затворничество" даром не проходит.

Или взять у Вас такое: "Наши деды и отцы, "втыкая штык в землю" во время смертной войны, дезертируя, чтобы пограбить (!) соседей у себя дома,— уже тогда сделали выбор за нас..." А это еще что такое?! Оказывается, русский мужик изначально был не труженик, не землепашец, не богомолец православный, а дезертир и грабитель! Когда, где русский мужик уходил с войны не для того, чтобы вернуться на свой клочок земли и обихаживать его своим традиционно и по-божески честным трудом, а для того, чтобы "пограбить соседей", т. е. таких же, как он, великих тружеников?! А если и завелся бы такой, то те же соседи его просто убили бы! На Руси даже разбойники бедных крестьян (т. е. христиан) не трогали.

Вы же выдаете себя за русского, тогда зачем же клеветать на свой народ, на своих предков?! Так писать можно только при ненависти к своему народу. А это уже сродни патологии.

Вы далее пишете: "Не гордиться нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов... и только утвердили над собой деспотию". Уложили-то мы и больше 30 миллионов (если считать потери прямые и косвенные), но... вопрос здесь гораздо сложнее и глубже того, что Вы безапелляционно (сугубо в Вашем стиле) утверждаете. У Вас получается, что вот погнали людей на войну, как баранов (а русские люди сами шли и практически не дезертировало), и положили их там за цели, им совсем чужие. Да не так все это. Да, гнали людей, да, подставляли их под пули, снаряды и бомбы десятками миллионов. И тем не менее в войне выполнена величайшая освободительная миссия — освобождение народов Европы от фашизма. Именно так, и выполнил эту миссию прежде всего Русский Иван вместе со своими братьями с Украины и Белоруссии. Почему Вы и это хотите отнять у великого, но сегодня крайне несчастного русского народа? Не было у нас таких подсчетов, но уверен, что в общем числе воевавших с нашей стороны славяне (русские, украинцы и белорусы) составляли более 90 процентов. Так что война для нас была не

* Статья является открытым письмом автора А. И. Солженицыну.

советско-германской. Уж не считаете ли Вы, Солженицын, подспудно, что было бы лучше, если бы победил Гитлер? Теперь о деспотии. Я не знаю, что Вы имеете в виду. Я же вижу, что деспотия-то над нами действительно установилась, только сионистская. И как оказалось, она действительно хуже немецко-фашистской. Да, такова зловещая диалектика: Русский Иван заслонил евреев своей могучей спиной, спас их, а они (в лице сионизма — этой самой страшной разновидности современного фашизма) начали планомерное уничтожение русского народа, что особенно заметно на губительных примерах горбачевско-яковлевской перестройки.

Вы пишете, что "чернобыльское бедствие учинено карьеристами и дураками советской системы". Не выгораживая карьеристов и дураков, коих у нас великое множество, я всегда был уверен, что это — коварное злодеяние, специально учиненное сионистами для того, чтобы показать Горбачеву и его людям (а они тогда только еще начинали), что если они не будут послушными, то могут произойти новые Чернобыли. То была страшная диверсия мирового сионизма с целью подчинения себе народа России, показан ему гибельный для него исход в случае неподчинения. В последнее время в печати появились серьезные признаки того, что в Чернобыле сработала именно диверсия. А если так, то ее исполнителями могут быть только те, кого привлек к этому сионизм. Никому другому это и в голову не пришло бы по той причине, что в случае неизбежного и объективного раскрытия их ожидала бы смертная казнь. Бояться же такого раскрытия сионизму нет оснований, ибо все наши следственные, прокурорские и судебные инстанции давно находятся в руках его челяди. В России теперь так: сионизм нас судит, а мы его нет.

Говоря о малых народностях, Вы пишете, что "все они благополучно жили в царской "тюрьме народов". К чему эти пусть в кавычках подленькие словечки "тюрьме народов"? Никогда не была Россия таковой. "Тюрьмы народов" не создают величайших культур. Это злокачественное понятие выдумано умами ожидовленными, ненавидящими Россию, такими, как Ленин и Троцкий. А Вы им фактически потакаете. Вы же писатель и историк, так почему пользуетесь этими русофобскими измышлениями, вместо того, чтобы их уничтожать как клевету? Или и Вы так же думаете — "тюрьма народов"? Сколько же гнусной грязи вылито на голову великой России! И особенно обидно, когда это делают те, кого считали ее заступником! Теперь уж ясно, что по жестокому заблуждению.

В духе сионистов вы рассуждаете по поводу производства оружия, военно-морского флота. Вы предписываете все это "отрубить в одночас". А Америка пусть вооружается, и разве только Америка? Эти ваши суждения могильно напоминают "выкладки" матерого сиониста академика Арбатова. Да, без русской армии нам полный конец, и загонов с колючей проволокой (для русских) станет куда больше. Для русских вся страна станет сплошным концлагерем! Фактически Вы, Солженицын, призываете стереть весь русский народ (а не только зеков) в лагерную пыль, как говаривал во гневе Берия. А Вы уж и без гнева, эдак концептуально...

А вот еще — совсем в духе сионизма: "Пожили "социалистическим лагерем" — и хватит. За страны Восточной Европы — радуемся"...

"Пожили — и хватит"... Что это за тон кухонный? Так с историей всерьез не обращаются. Да, соцлагерь благом не был, но сложился он исторически, не мы войну начали. С ним считались во всем мире, и жилось тогда нам, России, куда лучше, чем сегодня. Теперь же и штанов с носками нет, да ничего нет. Люди всю жизнь работали до посинения, чтобы стать нищими: на наши пенсии не проживешь. Начался голод. Очередь за ениссеями! Во какие у нас теперь правители! Такого вель еще не бывало во всей истории России и тем более в мирное время, при огромном урожае! И вот этот социалистический лагерь (от которого и можно было отказаться — при соответствующей позиции Запада) ликвидиров и почти "одночас", и все это преподнесено США, мировому сионизму в качестве величайшего и безвозмездного подарка, без всякого совета с народом, благодаря тяжелейшей победе которого и был создан мировой соцлагерь. Наши нынешние правители убили супердержаву, каковой мы были после войны. Тем самым совершено грандиозное предательство интересов нашего народа, и за него еще придется отвечать тем, кто действует в духе Ваших "отшельнических" (а на самом деле не таких) советов.

"За страны Восточной Европы — радуемся"... А чему Вы, Солженицын, собственно, радуетесь? Тому, что из своих союзников наши правители сделали врагов? Сколько же их у нас стало? Все эти внешнеполитические преступления не имеют себе равных в XX веке! Вы пишете, что всему этому радуетесь (во множественном числе). А я совсем не радуюсь. Почему Вы, Солженицын, узурпируете право расписываться за грамотных? Сколько же в Вас гордыни и, простите, ограниченности!

Не знаю, сколько у Вас ума, а хитрости — навалом. Вот Вы пишете о перестройке и в псевдосуждение ее нашли одно лишь слово — "многошумная". Да не многошумная она, а гибельная, убийственная для народа. Эти словечки-капканы ("перестройка", "гласность", "плюрализм") тоже выдуманы для обмана, для завлечения в пропасть народа, который, к величайшему своему несчастью, клюнул на них. А Вы вместо того, чтобы помочь народу разобраться в устроенной ему западне, по сути еще дальше загоняете в нее — в "многошумную".

Что Вы все говорите о какой-то коммунистической ("внутрицекашной") власти? Коммунистической никогда не было и нет, есть власть сионистская. Давно пора было понять, что коммунизм — это разновидность масоносионизма или, точно, его прикрытие. А Вы действуете прелюбопытно: свергаете коммунизм, но оставляете сионизм и тем самым снова вводите народ в заблуждение. А сионизму только этого и надо. Пока. Чуть позднее он по нашим головам и спинам пойдет, и развернется такой ГУЛАГ, перед которым Ваш "Архипелаг ГУЛАГ" померкнет. Сионизм намного свирепее и беспощаднее сталинизма и гитлеризма. Он и до Вас доберется, ибо Вы для него тоже гой. Сионизм не знает благодарности и пощады, в том числе и к тем, кто на него работает.

Я не за Российскую коммунистическую партию, но и совсем не с теми сионистами, которые клеймят ее (и особенно Полозкова) с первых дней, когда Полозков еще и пяток не нагрел как глава РКП. И Вы туда же.

То же относится и к неприятию Вами КГБ. Да, учреждение (точнее, империя) — страшное, зловещее. Но ведь начиная с 1917 года его фактически всегда возглавляли евреи-сионисты и евреи-сталинисты. И сегодня на деле возглавляют. Поэтому если русский народ и говорит "Нет КГБ!", то совсем другим голосом, нежели русофобы. Служащие гидре иудаизма хотели бы парализовать, а затем и уничтожить армию, КГБ, МВД и другие как-то еще организованные образования, без которых сионизму будет куда легче расправиться с Россией. А Вы и здесь снова с теми, кто против России, Родины, Отечества. Без чувства Родины человек неполноценен.

Вы пишете, что не имеете экономических знаний (а надо бы — хотя бы кое-что) и что в Советском Союзе есть разные экономические разработки (по части рыночных отношений), друг с другом несогласных. Да и без специальных экономических знаний Вам надо бы разобраться в том, что есть, собственно три (а то и две) экономические разработки трех академиков (Абалкина, Шаталина с евреем (?) Явлинским и Аганбегяна). И все это — спектакль, где все несогласованности заранее согласованы: цель — показать якобы борьбу мнений (все тот же сионистский плюрализм). Все эти проекты имеют одну цель — под разными соусами столкнуть Россию в пропасть и услужить Западу. Товаров катастрофически нет, кругом одна мафия, так какая тут рыночная экономика?! Остается одно — "дикий капитализм", все наихудшие его пороки: неудержимый и все убыстряющийся рост цен, инфляция, жадно пожирающая ценность рубля, нищета, голод, рост преступности, разгул "теневой экономики", чьи интересы и представляют те самые академические идеологи и их хозяева, находящиеся на вершине власти, и, в свою очередь, служащие еще более мощным силам, сосредоточенным в первую очередь в том самом треугольнике Вашингтон-Лондон-Тель-Авив. А кто конкретно действует? Взять того же Аганбегяна. Ведь он главный творец БАМа — "стройки века", из-за которой загублены миллионы средств и брошены на произвол судьбы десятки тысяч человек, оставшихся без жилья, без больниц, без пищи, без всякого нормального будущего. Таких, как Аганбегян, судить надо принародно, а ему, душегубу, снова вверяют наши судьбы. Не лучше и Шаталин, человек с явными признаками не ученого, а мафиози, и Абалкин, который ткет ту же зловещую паутину, только с другого конца. И попробуйте у нас сегодня сказать что-то веское против тех академических проектов. Не дают. Такова у нас гласность, а на деле мафиозность. Так что, Александр Исаевич, речь надо вести не о несогласиях разных экономических разработок, а об объединенном и крайне сплоченном фронте русофобско-сионистской мафии, коварно разыгрывающей фикцию борьбы умов.

Вы говорите, что в экономике особенно не смыслите, а сами довольно пространственно рассуждаете именно на экономические темы. И все, что Вы сказали (по первотечению вроде бы правильно) — о ценах, банках, монополизме, налогах и иностранном капитале и т. д.,— не ново. Но ведь дело-то не в этих рецептах. Они высказываются Вами на уровне прекраснодушных фраз. Ничего не получится, пока нами правят сионисты и предатели. Ничего-то хорошего они не дадут нам сделать. Действуют они в точном соответствии с "Протоколами сионских мудрецов": не давать опомниться — одна диверсия тут же следует за другой, одно обещание — обман — за другим. И так по возрастающей. Именно так проводится вся перестройка — это цепь сплошных обманов, разрушений и провокаций. Нам позарез необходимы честные и мужественные правители, которые и на словах, и на деле служили бы интересам народа, а не интересам разбухших от богатств чужеродных сил. Нам нужно было бы сначала вылечить страну от алкоголизма, от наркомании, от морального растления и нравственного распада, от экономической и политической мафии, от сионизированной лжи и закабаления под видом плюрализма. Как можно при сохранении и усугублении всего этого сделать что-то полезное и оздоровительное? Нет, цель в другом, цель в том, чтобы превратить Россию с ее все еще огромными запасами в сырьевой придаток Запада и прежде всего США, а русский народ — в покорных, безмозглых и дешевых (как рабсилы) мутантов и манкуртов. Это хуже римского рабства, это в тысячу раз хуже крепостничества. Речь идет о сведении России (с ее величайшей и по-божески вознесенной культурой) в могилу. Пора бы русскому народу и на священную войну подниматься! А Вы? Заодно с перестройщиками? Как же так, Солженицын? Где же величие Вашего мышления? Где великий писатель? Ведь все, что Вы говорите относительно экономики, это не только отсутствие необходимых знаний, это — сионизированная обывательщина, сопряженная с полным отсутствием нравственного вознесения на уровень подлинного постижения нужд и чаяний России.

Вы пишете о провинции, которая на 60 лет была отдана голоду, уничтожениям и ничтожности. Это верно. Вы не заметили, что Москва и Ленинград уже поменялись с провинцией местами, в этих столицах стало жить тяжелее и тягост-

нее, чем во многих мелких городах. Москву и Ленинград умышленно превращают в города деградирующие, погибающие. И делают это такие сионистские прихвостни у власти, как Попов, Станкевич и Собчак. А в провинции говорят: "Так вам, москвичам, и надо. Вы жили и высасывали из нас. Мы и без вас теперь обойдемся, бычков со свиньями держать будем". Таков результат русофобско-сионистского воспитания народа на протяжении десятилетий. Когда-то Гришин, бывший первый секретарь МК КПСС провозгласил, что "Москва — образцовый коммунистический город". И вот итог: в Москве господствуют поповы и полчища крыс. Москва агонизирует.

Когда-то русские князья бросали клич, и сходились отовсюду русские люди постоять за себя, за свои святыни, за Русь. Теперь такое и не мыслится. Признаюсь, когда-то теплилась во мне мысль, что Вы, Солженицын, возьмете (хоть в какой-то степени) эту миссию на себя. Да как видно, наивность и меня не обошла. Но историю, Александр Исаевич, не уведешь в сторону, в том числе и от себя. Однако удивительно: многие крупные люди к себе самим лично с такой меркой не подходят. Это бывает тогда, когда эгоцентрическая рассудочность замещает совесть. Тем тяжелее бывает расплата. И Вам это еще предстоит: то ли в форме раскаяния, то ли, если раскаяния не последует, в форме необратимого приговора истории.

Вы пишете, что в скором будущем надо ждать частных платных школ, обгоняющих общий подъем всей школы. А уже такие есть (и даже ясли с детсадами), только они — еврейские, а если не целиком они такие, то в главе их поставлены сионисты, в основном директорами.

О президентской власти. Вы ее явно одобряете ("потенциально сильная"). А почему? Все зависит от того, кто ею пользуется. С введением поста президента дела у нас не только не улучшились, а пошли еще хуже и еще стремительнее. Указы президента — коварные клочки бумажки. Их никто не выполняет и поступают так потому, что знают, что наказание за неподчинение не последует. Знают и почуяли, что этими же указами на деле толкают к тому, чтобы их ни в коем случае не выполнять. Пост президента, который впервые введен у нас, не имеет никаких корней, он чужероден России, он введен в подражание США, а это ничего хорошего нам не сулит, ибо не совмещается с нашими традициями, с нашей многовековой историей. Кроме того, пост президента введен в угоду не стране, не народу, а одному человеку и тем внешним силам, которые его пока поддерживают и которые заинтересованы в американизации и сионизации России, т. е. в России без русских. Это по существу очередная масоно-сионистская контрабанда в нашей истории. Кстати, вполне закономерно, что пост президента не только не прибавил власти Горбачеву, чего ему, конечно, хотелось, а, наоборот, усек ее и его, Горбачева, авторитет, который по мере умышленного провала перестройки фактически сходит на нет. Заодно это свидетельствует о провидческой дегенеративности наших лидеров, их окружения и их зарубежных наставников, мыслящих не категориями мудрости, а русофобии. Вот почему и была назначена Нобелевская премия мира. Нобелевский комитет — это инстанция сионистская. На этот раз он дал премию за то, что Россия разваливается и гибнет, за то, что она превращается в объект наживы для мирового американо-сионистского капитала.

Неужели Вы, Солженицын, до сих пор не поняли, что концентрация власти в руках одного человека у нас направлена не на созидание, а на тотальное разрушение?! Наши нынешние правители — не настройщики позитивной перестройки, а ее могильщики. Вот где собака зарыта. У власти жулье, но Вы, как и сионисты, призываете сифилис лечить сифилисом же. Или уже СПИДом?!

Вы вроде бы правильно пишете, что надо искать свой путь. Но Вы не говорите, с чего начать. Я же думаю, что надо начинать с того, что каждый (основной) народ должен быть хозяином на своей земле: шведы в Швеции, бельгийцы в Бельгии, итальянцы в Италии и т. д. Пусть живут и другие, но хозяйничать должен коренной народ. Интернационализм, под каким бы лозунгом он ни выступал, — это сионизированное масонское псевдобратство, которое в итоге порождает кровавые и жесточайшие межнациональные распри, экономический крах, страшные человеческие беды. Именно это и произошло у нас. Русские должны быть хозяевами у себя, на своей русской земле. Неужели это можно оспаривать?! А у нас хозяйничают сионисты и примкнувшие к ним подонки. Следовательно, пока мы не освободимся от этой чужеродной нечисти, ни о каком своем пути не может быть и речи. Вы вроде бы отфутболиваете Запад как объект для подражания, но молчите о том, что он закабалил Россию руками сионистов. Они-то и делают нас деревом с гнилым дуплом, а гниль — они сами. И они создали и создают (в еще более худшей форме) тот самый разлагающий класс — многомиллионную фактическую номенклатуру. Они больше всех кричат о свободе и демократии, а на деле больше всех угнетают народ. И надо признать, делают это очень хитро и ловко, ловят народы на крючок своей лжи и фальши. И вот здесь нужна народам помощь писателей, а значит, и Ваша, Солженицын. Да вот нет ее. Скорее наоборот. Такие, как Вы, на жертву не пойдут. Вы так обустроились в Вермонте, что не рискнете на что-то судьбоносное для России. Да и внутреннее оправдание у Вас есть: Вы считаете, что пришли на этот свет ниспосланно, чтобы осчастливить человечество тем, что Вы пишете, и что это дает Вам мессианское право особо заботиться о собственном сохранении, закрывая глаза даже тогда, когда люди гибли. Не так ли у Вас было в ГУЛАГе?

Как и Коротич с его просионистски пилостным "Огоньком", Вы не ушли от "казарменной дедовщины" в армии. Она есть, но разве в ней сейчас главное дело. Вопли о "дедовщине" — это дешевая спекуляция перед допризывной молодежью, перед матерями солдат. Это — один из способов убить чувство патриотизма. ЭТО — скрытая антирусская диверсия, с помощью которой добиваются не очищения армии, что само по

себе необходимо, а ее уничтожения. Так нужно сионизму, так нужно Вашингтону. А Вы, Солженицын, угождаете им. Армия — в значительной степени сколок нашего общества, которое губят, уродуют и уничтожают сионисты-русофобы. Они и есть фактические виновники той же "дедовщины", которая привносится в армию извне. Так что в деле надо объективно разбираться, а не повторять арбатовых и коротичей.

Вы говорите о взрыве уголовной преступности. Верно, взрыв действительно "умопомрачительный". А кто виновник? Да прежде всего такие, как Яковлев и Медведев, которые, командуя в Политбюро идеологией, сделали все, чтобы столкнуть нашу молодежь в ту самую "навозную жижу", которая стала лучшей питательной средой для катастрофического роста преступности среди молодежи. Такие, как Яковлев и Медведев (во главе с новоявленным лауреатом Нобелевской премии), растлевая молодежь, сознательно лишают нашу страну не только армии, но и будущего. Разве это не преступление?!

В брошюре упоминается С. Ю. Витте, но и намеком не сказано, кому он служил: против монархии, в пользу США и сионизма. Он обворовывал Россию по части золота и переправлял его в Америку. Словом, действовал так, как и сегодня команда Горбачева. Можно считать, что традиция обескровливания России сионизированным капиталом США началась именно с Витте и нашла свое активное продолжение в перестройке. Как Вы, Солженицын, относитесь к тому, что свой хлеб мы истребляем и гноим (при небывалом урожае), а в это время за золото покупаем зерно в США? По-моему, это и есть прямейшее предательство, перед которым меркнут сталинские деяния. Наши руководители и новоявленные "демократы" (включая Ельцина) раздевают свой народ, обрекают его на голод, чтобы США становились еще богаче и увереннее. А американская уверенность перерастает в мировую наглость, во вседозволенность. В интересах Запада и прежде всего США команда Горбачева развалила мировую социалистическую систему, уничтожила Организацию Варшавского договора, в огромной степени усилила Западную Германию, отдав ей разом весь потенциал ГДР. И при этом происходило обнищание, обескровливание и выветривание последних сил России.

Положение наше тяжелейшее, не лучше, чем после войны. И не только потому, что мы превращены в нищих, сколько потому, что народ еще очень многого не видит и не понимает. Поэтому надо многое ему разъяснять, освещать, делать доступным для критического и низвергательного осмысления, а не туманить ему мозги ненужными словоизлияниями, демонстрирующими эрудированность, не убаюкивать его, не забалтывать. Для писателя подобные действия — это худшее из того, что можно предпринять в создавшейся в России ситуации.

Вы цитируете М. Н. Каткова, сказавшего: "Плодотворно только то правительство, которое видит в себе не что иное, как обязанность". Не каждая цитата истинна. Как видно, Вы не усвоили, что бес всегда найдет в Библии цитату в свое оправдание. Вы не сказали читателю, кем был Катков, этот бывший редактор "Московских ведомостей", никак не отражавших интересов России и ее народа. Вы умолчали (и не случайно), что Катков был известным масоном (а эта публика всегда была подлейшей), интриганом в окружении государя, которого такие, как Катков, сбивали с пути служения Богу и Отечеству, толкая его в антирусские и прожидовские комбинации, в которых были замешаны крупные финансовые круги Европы, в том числе известный банкир и иудей Ротшильд. Цитировать таких, как Катков, да еще в позитивном духе — это, простите, сродни политической проституции. Это — неэтично. Приведенная у Вас цитата Каткова, как мы теперь видим, с двойным смыслом. Обязанность в чем и перед кем? Честное правительство должно быть ответственно перед народом, нечестное продажное правительство, укреплению которого способствовал Катков, было ответственно перед врагами русского народа. Так сложилось у нас. Народ, если бы его сегодня спросили (на основе референдума), никак не проголосовал бы за Нобелевскую премию мира (страна вступила в полосу нищеты и голода, бесправия и унижения, а тут еще такие награды), уверен, народ резко осудил бы, потребовав ухода и сурового наказания: ведь с 1985 года загублены миллиарды рублей и миллионы ни в чем неповинных жизней. Награда еще раз показала, что дают ее не честные люди, а враги. Это — скрытое презрение к русскому народу, сионистский плевок ему в лицо. Да и Ваша Нобелевская премия — от них, да, да. Тогда ее Вам дали как залог того, что Вы усилите свою антисоветчину. Говоря так, я вовсе не хочу сказать, что я — антисоветчик, я просто говорю о том, чего от Вас ждали и к чему Вас поощряли. И Вы не подкачали. Плохи большевики, а эти-то, из Нобелевского комитета, чем лучше? Они для нас, для России — тоже могильщики. Между прочим, в последнее время выяснилось, что и антисоветчики бывают разные: одни по-русски (за сохранение и умножение русских корней), другие по-сионистски (за уничтожение этих корней на основе иудаизированного интернационализма и тлетворного космополитизма). Сказали бы, Александр Исаевич, откровенно, с кем же Вы. Хватит темнить! Пора, говоря Вашими же словами, жить не по лжи!

Теперь несколько слов о Вашем личном отношении к евреям. Сегодня этот вопрос — важнейший. Я начисто и решительно отметаю фальшивые и идиотские суждения о том, что национальность вообще не должна иметь никакого значения. Имеет, да еще как. У нас в России (да и вообще в мире) без них и шагу шагнуть нельзя. Найдите Вы в мире хоть одну синагогу, где бы раввином был не еврей и тем более русский? Нет, конечно. А вот в России среди православных священников евреев становится все больше. Но от этого ни одного еврея меньше не становится, как и на одного православного больше. Это бесы-выкресты. Каковым, кстати, был покойный протоиерей А. Мень. Не сомневаюсь, что убили его сами сионисты, дабы заполучить еврея-мученика и тем самым усилить гнусное горлодерство по поводу антисемитизма. В истории иудаизма подобных преступлений огромное количество.

По поводу Ваших описаний в "Августе Четырнадцатого" сиониста Богрова, убившего великого Столыпина, некоторые его нынешние сокровинники обвинили Вас в антисемитизме. Вы в интервью журналу "Тайм" (я же даю по перепечатке в аме-

риканской газете "Русский голос" за 7 сентября 1989 г.) заявляете: "Я ничуть не пытался принизить тот героический импульс, которым он был движим". Что ж выходит? Сионист совершает кровавое преступление против России и при этом "движим героическим импульсом"?!

Далее Вы пытаетесь дать определение понятию "антисемитизм". Вот оно: "Антисемитизм — это основанное на предрассудках и несправедливости отношение к еврейской нации в целом". Позволю себе полностью не согласиться с Вашей оценкой, к тому же она не научна. По-Вашему получается, что виноваты в антисемитизме все народы, а евреи — ни при чем, они — страдальцы. А так ли это? В 1923 году в Берлине вышла книга еврейского ученого Соломона Лурье "Антисемитизм в древнем мире". И там ясно сказано, что корни антисемитизма кроются в глубокой древности. "Причина антисемитизма,— пишет С. Лурье,— лежит в самих евреях, антисемитизм — явление не случайное, он коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и нееврея". У иудеев совершенно другое, по сравнению с другими народами и особенно православием, понимание добра и зла. Для человечества добро есть благо — само по себе, а для иудея добро есть польза еврея. Если явление выгодно иудею, он признает его добром, если невыгодно — оно зло. Неслучайно в древнееврейском языке понятие "добро" выражается словом, близким к понятию "польза". Лурье пишет, что "нет ни одного обвинения, бросаемого ныне евреям, которое не предъявлялось бы им в древности". Географ и историк Страбон, живший в I веке до Р. Х., писал: "Еврейское племя сумело проникнуть во все государства, и нелегко найти такое место во всей вселенной, которое это племя не заняло бы и не подчинило своей власти". Почитайте, Александр Исаевич, "Слово о законе и благодати" гениального Иллариона.

Если Вы возьмете "Ветхий завет", то увидите, как иудеи оправдывают свое бесчеловечное и злобное отношение к неевреям, к гоям. То же и в других еврейских "священных писаниях". Там провозглашается жестокое мщение и наказание нееврейским племенам. В иудейских писаниях ненависть евреев к инородцам не только находит оправдание, но и благословение.

За что же другие народы и племена не принимали иудеев? Да за то, что израильтяне обманывали, обирали и уничтожали их. Известен иудейский праздник Пурим. А установлен он в радостную (для иудеев) память величайшего в истории погрома, учиненного иудеями среди беззащитных персов. Как свидетельствует "Книга Эсфирь", иудеи истребили 75.500 персов с женами и с детьми. То была кровавая бойня, произведенная одновременно в 127 областях персидского царства. Описание жуткого "подвига" иудейки Эсфирь и ее наставника Мархоцея включено в число книг "Ветхого завета". И другие народы совершали преступления, но ни один народ в мире не дерзнул возвести кровавую резню беззащитных людей на высоту религиозного праздиества и память о страшном погроме включить в свой богослужебный ритуал. Иудеи выступили первыми погромщиками в мире. И таких преступлений ими совершено несметное число. И в ответ на это позднее появились еврейские погромы. В ответ и никак иначе. Вот почему относились с презрением к иудеям древние греки, римляне, персы и др. Вот почему само слово "еврей" ("жид") приобрело у многих народов нарицательное значение в смысле чего-то грязного, аморального, развратного, преступного, жестокого. Уничтожающей критике подверг за это израильтян еврейский пророк Иеремия. А за это они, вместо покаяния, бросили Иеремию, указавшего им путь к спасению, в глубокую яму, наполненную зловонной жижей. Кстати, иудеи, жестоко порвавшие со своими ветхозаветными пророками и пошедшие за фарисеями и раввинами, абсолютно неспособны к осознанию своих ошибок и пороков, к покаянию. А это породило тотальную античеловечность, истерзанной жертвой которой сегодня являются народы России и Ближнего Востока. Может быть, записать евреям в актив и то, что они (в лице фарисеев) совершили величайшее преступление на Земле — распятие Христа? Русское православие (и, следовательно, и русский народ) им ненавистно потому именно, что оно навечно присягнуло Иисусу Христу и никак не сбивается на путь антихриста. Совершить распятие Христа могли только сыны дьявола, дети "отца лжи". Такими они пребывают и сегодня. Как прикажете оценить сегодняшние преступления Израиля на Ближнем Востоке, убийства в Сабре и Шатиле, убийство детей, женщин, стариков? Как "несправедливое отношение к еврейской нации"? Так что, Александр Исаевич, фальсификаторы те, кто изображает дело таким образом, будто евреи — невинные жертвы и объект несправедливых нападок со стороны других народов.

И еще раз о понятии "антисемитизм". Как было сказано, оно — ненаучно. Семиты — это множество народов, куда, наряду с арабскими народами, входят и евреи. Правильнее говорить о юдофобии. Подлинные антисемиты сегодня в Израиле, который ведет преступную войну против арабов. Слово "антисемит" введено иудеями, которые арабов и других "гоев" и за людей не считают. Вот что сказано в "Талмуде": "Гои — это навозные кучи. Им даны души такие же, как скотам и зверям". Или: "Сыны Израиля называются людьми, гоев же, которых души от нечестивого духа, надо называть свиньями". Вот, очевидно, корни того, что немецкие фашисты называли нас "русскими свиньями". И далее в "Талмуде": "Разрешено обманывать и разорять гоев, но сыны Израиля от этого страдать не должны".

И все это правила не древности, это — правила и законы сегодняшних сионистов. Мы, русские, ох как чувствуем это на своей шкуре! А Вы, Солженицын, в иудейских измерениях тоже "гои".

В интервью журналу "Тайм" Вы указываете, что "в истинно художественном произведении вообще не может быть антисемитизма" и что Вы избегаете (а это действительно так) каких-либо обобщений касательно евреев как нации. И тут позвольте с Вами не согласиться. Можете ли Вы утверждать, что такие титаны, как Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов, Блок, Анатоль Франс и многие другие, писали нехудожественно? Конечно, не можете. А вот все они клеймили жидовство. Так что истинная художественность совсем не та, что утверждаете Вы. Подлинная художественность не только не

обошла жидовства, но поставила его в центр главных общечеловеческих забот. А для показа истинной художественности процитирую одного из самых художественных писателей мира — Гоголя. Предварительно замечу, что он употребляет слово "жид". Во всем же мире и сегодня есть модификация одного слова — "жид" (например, немецкое "юде"). Оно вполне литературно и правомочно, хотя звучит как осуждение. Но за это русский народ вины не несет. У Тургенева есть рассказ, который так и называется "Жид". Итак, слово Гоголя, сказанное им в 1835 году: "Этот жид был известный Янкель. Он же очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу все почти деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не осталось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхлело, все порасспивалось, и остались бедность да лохмотья; как после пожара или чумы выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то, вероятно, выветрил бы и все воеводство".

А вот у нас Янкель пожил более 70 лет и выветрил всю страну. На триллионы ограблена Россия сионистами! На Запад вывезены несметные сокровища. У одной Церкви столько отнято, что уму непостижимо! Специалисты говорят, что ценностей православия в России осталась одна пятидесятая часть. И вроде еще есть на что посмотреть. Так сколько же "выветрено" и в основном теми же янкелями?! И прежде всего такими, как Арманд Хаммер, который в голодные для России годы при помощи Ленина, Луначарского и ЧК (что в переводе с древнееврейского означает "скотобойня") столько нарасхищал за бесценок, что в итоге стал миллиардером, в ответ дарящим нам "в знак любви" автографы Ленина и Маркса или дешевые третьеразрядные картины, которые не могут прельстить даже коллекционеров средней руки. И это великой державе, за счет которой Хаммер-Янкель баснословно разбогател. Этот Янкель имеет у нас сегодня сделок на десятки миллиардов долларов. Он строит у нас заводы искусственных удобрений и тем самым травит нас пестицидами. Так мы, русские, сами оплачиваем свой "общесоюзный" рак. А Хаммер-Янкель, при благословении нашего высшего закона, ходит в "друзьях" и "благодетелях" русского народа, который он фактически сживает со света, уничтожает за наши же кровные. А их можно было бы использовать для того, чтобы "обустроить" все наше здравоохранение, просвещение, решить проблему продовольствия и т. д. И если бы только один Хаммер-Янкель...

И вот что скажу Вам по этому поводу. Не хотите трогать евреев и сионизма, не трогайте. В конце концов Вы — не герой, никогда им не были и можете испытывать перед ними страх. Это — непростительно и низко! И если не одумаетесь, то придут времена и не смыть Вам позора! Не знаю, заметили ли Вы, кто Вам особенно аплодирует? Это прежде всего сионисты и их холуи.

Неплохо, в том числе и для Вас, сказал французский знаток еврейства Дрюмон: "Пока люди, занимающиеся социальными науками, не станут изучать еврейства, до тех пор они не сварят ничего, кроме кошачьей похлебки".

Теперь несколько слов о Вашем совокупном творчестве. Да, талант (писательский, включая публицистику) у Вас большой. Но ведь одним талантом писать — светло жив не будешь, нужны еще и совесть, и честность, и любовь, и правдивость. Именно все это вместе и составляет гражданственность, ту самую, о которой говорил Некрасов. Простите, но у Вас ее нет.

Среди Ваших литературных произведений высокого класса назову два — "Матренин двор" и "Один день Ивана Денисовича". Остальные произведения не входят в пределы вершинной литературы. Что же касается Ваших "узлов", то их нельзя читать, предельно скучно. Это мнение очень многих. Скучность — это убийственный литературный порок, о чем говорил еще Достоевский. Скажу прямо: не удались Вам эти книги, которым Вы, насколько могу судить, отводите главную роль в своей писательской доле. А не удались они Вам еще и потому, что в Вас очень много гордыни и самонадеянности. Я вот все думаю, что Вы втайне хотите приехать в Россию не просто по-писательски, как, к примеру, Куприн, а как триумфатор, как мессия. Плохо это, ущербно. Не получится ли вариант "троянского коня"? Такое впечатление, что Вы что-то выторговываете. Обидела Вас не Россия, не Родина, а советский строй, который обидел народ России еще более люто, истязает он его и сегодня. Ставить Родину в положение должника по отношению к любой личности — безнравственно. Но именно так действуют сионисты, эгоцентризм которых не знает предела. Но разве могут быть они образцом для людей порядочных и честных?

Должен Вам сказать, что у нас, в России, есть писатели, которые по литературному таланту Вам не уступят. Это, например, три "В": (даю по алфавиту) В. Астафьев ("Царь-рыба"), В. Белов ("Лад") и В. Распутин ("Прощание с Матерой"). Но и к ним есть большие претензии по части социально-политической и нравственной. Не бойцы они в борьбе с сионизмом, этим злейшим и опаснейшим врагом России. Крутят они как-то. Им не хватает, как и Вам, светлой и мужественной героичности, способности и готовности пойти на самопожертвование. А время для этого пришло. В истории нашей страны бывало так, что русские люди шли на самопожертвование в условиях менее катастрофичных, чем сегодня. Из-за этих писателей (и из-за Вас) мы, русские, пока трагично проигрываем в борьбе с сионизмом. Нам не обустраиваться надо, а спасаться!

Неужели Вы, Солженицын, и вправду за Россию без русских?

Иван Лукаш

АЗОВСКОЕ СИДЕНИЕ

Русское восстановление, вероятно, восстановление прежде всего во всей страшной силе цельности духа русского, не только в слове или мысли, но во всей крови, на всех пределах человеческой мысли, воли. Не будет так, не будет и русских.

1937 год — трехсотлетняя казачья дата, какую отметит скромным торжеством в изгнании Всевеликое Войско Донское, одно из таких могучих знамений цельности русского духа, до последнего предела воли и крови.

Выйдем ли мы когда-нибудь из порочного круга наших теперешних слов, из всего ничтожного и чужого вздора — "демократий, социализмов, республик",— измельчавших русских в человеческую пыль и труху? Вернемся ли мы, наконец, к изумительным, совершенно живым ключам русской живой духовной силы, к русской живой воде, какая бьет и в этом азовском казачьем "сидении".

Все, разумеется, когда-то слышали, и наши детские глаза торопливо пробегали когда-то казачье "письмо" из Азова московскому царю Михаилу. И все, разумеется, забыли его.

Мы же все, с нашими университетами, профессорами, эсерами, театрами, поэтами, канцеляриями, со всем нашим ничтожным маревом России, считали себя едва ли не умнее России и ее прошлого, ее кремлей и людей, ее простой и верной мощи. Мы же хотели все переделать в России по самым последним европейским образцам. И мало-помалу перестали внимать ей, помнить и понимать ее. И потому, что мы не вняли ей, мы ее отдали, и она от нас отошла.

Казацкая грамота "Роспись об азовском осадном сидении донских казаков", привезенная на Москву царю Михаилу Федоровичу азовским атаманом Наумом Васильевым, это трехсотлетнее казацкое письмо, по совершенной простоте и силе едва ли не равное "Слову о полку Игореве", страшно, с потрясающей живостью приближает к нам ту Россию воли, крови и долга, какой мы разучились внимать.

Торопливо, хотя бы кусками, я попытаюсь пересказать это казачье "письмо".

В 1637 году донские казаки захватили у султана Мурада город Азов. С донскими были и кошевые запорожцы атаманов Остраницы и Гуни.

Государь Михаил Федорович не согласился принять от казаков Азов под свою высокую руку. Казаки стали отсиживаться в городе за свой страх. Султан Мурад умер, новый султан Ибрагим двинул под городок громадные двухсоттысячные полчища, сотни осадных пушек, а в Азове едва ли было до десяти тысяч казаков, с ними до тысячи казачек.

Началась осада, с мая до сентября.

О ней и рассказывает царю Михаилу казацкая весть, привезенная на Москву донским атаманом.

"Октября в 24-й день приехали к Москве, к государю-царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всея России Самодержцу, с Дону, из Азова-городка, донские казаки, атаман Наум Васильев да есаул Федор Иванов, а с ними приехало двадцать четыре человека, которые сидели в Азове-городе, от турок в осаде, и своему осадному сидению привезли роспись".

"В прошлом году, июлья в 24-й день, прислал турский Ибрагим, салтан-царь, под нас, казаков, четырех пашей и двух полковников, им же имена Капитон, да Мустафа, да Усеин, да Ибрагим, а с ними, пашами, прислал турский царь под нас свою собранную силу и бусурманскую рать, всех сподручников своих, нечестивых царей, королей и князей и владетелей двенадцати земель, по спискам его боевого люду бранного двести тысяч, кроме приморских и Кафинских черных мужиков с лопатами и заступами, на загребенье наше, чтобы нас, казаков, многолюдством своим в Азове-городе живых загрести и засыпать горою великою".

"Да с ними же, пашами, пришел из Крыма крымский царь, да брат его Нарадым и Крым-Гирей царевич, со всею своею крымскою и ногайскою ордою, да крымские и ногайские князья мурзы и татаре"..

"Роспись" точно и верно перечисляет эти полчища, особенно отмечая наемных немецких людей,— "полковников, шесть тысяч солдатов, да для приступных промыслов многие немецкие люди, городоемцы, приступные и подкопные, мудрые вымышленники, славные многих государств, из Венеции великия, и Стекольныя и из Франции".

"Июня, в 24-й день, в первом часу дня пришли к нам паши под город.

Все наши поля чистые орды Ногайскими засеяны: где у нас была степь чистая, тут стало у нас одним часом, людьми их многими, что великие леса темные. Из Дону вода на береги выступила, и из мест своих на луги пошла.

И почали они, турки, по полям у нас шатры свои ставити, палатки многие, наметы великие и дворы большие полотняные: что горы страшные забелелися.

И почали у них в полках быти трубли в трубы большие, и игры многие, и писки несказанными голосами, страшными, бусурманскими.

И в полках их почала быти стрельба пушечная и мушкетная, великая: как есть — стала гроза над нами, страшная, будто гром великий и молния страшная, как от облака бывает с небеси. От стрельбы их стал огонь и дым до неба, и все наши градные крепости потряслись от стрельбы такой, и солнце померкло во дню, и в кровь превратилось: как есть — наступила тьма темная.

И страшно добре нам стало от стрельбы их в те поры. Трепетно и дивно их приход бусурманский нам было видети...

Их янычерские головы строем пошли к нам под город великими полками.

Знамена у них гремят многие, трубы трубят и барабаны бьют. Ужасно слышати сердцу всякому их бусурманскую трублю: яко звери воют над головами нашими.

Двенадцать их голов янычерских пришли к нам самою близостью к городу и осадили они нас, пришедши. Стали кругом Азова-города, в восемь рядов, от реки Дону до моря, захватя рука за руку, и батожки они понатыкали, и мушкеты свои на нас прицелили.

Того же дня на вечер прислали они к нам толмачей своих бусурманских, и почал нам говорити глава их янычерский слово царя своего турского речью гладкой.

"— Люди Божии, Царя Небесного, казачество Донское вольное, свирепое,— говорил Янычар-паша,— никем вы в пустыне водимы или посылаемы, яко орлы парящие, без страха, по воздуху летаете. Аки львы в пустынях рыскаете... Не вирямь ли вы еще на Руси богатырями Святорусскими нарицаетесь? Где, воры, теперво можете утечи от руки страшные царя турского? Птицею ли вам из Азова лететн? Осажены вы теперво накрепко..."

Янычерский голова ярой бранью стал бранить казаков за захват Азова, называя их "убийцами, разбойниками, именами звериными":

"— Вы взяли у нашего царя его любимую вотчину Азов-город и теперво сидите в нем. Разделили вы государя турского тем Азовом-городом со всею его ордою Крымскою и Нагайскою воровством своим, затворили все море синее, не даете проходу по морю ни кораблям, ни каторгам. Сгрубя вы такую грубость, чего вы конца в нем дожидаетесь? Крепкие, жесткие казачьи сердца! Очистите вотчину царя турского, Азов-город, в ночь сию, не мешкая. Не тронем вас ничем.

А если из Азова сея нощи вон не выйдете, не можете завтра живы быти. Если пересидите в Азове ночь сию, возьмем завтра град Азов и вас в нем, воров-разбойников, яко птицу взяв в руки свои, и отдадим вас, воров, на муки лютые, грозные, раздробим всю плоть вашу разбойничью на дробные кропики...

Силы с пашами под вас прислано больше, чем волосов на главах ваших. Не перелетит через силу турецкую никакова птица парящая, устрашася людей.

От царства вашего Московского никакой помощи вам не будет, ни от царя, ни от человек русской выручки. На что вы такого надежны, глупые воры? Запасу вам хлебного не пришлют...

А если вы, люди Божии, казачество свирепое, служить хочете Ибрагиму-салтану и его величеству принесете вольные свои головы разбойничьи в повиновение на службу вечную, отпустит наш турский царь и все паши его ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятие Азовское, обогатит он вас несчетным богатством, учинит вам, казакам, у себя в Цареграде покой великий во веки, положит на вас всех, казаков, платье свое златоглавое, печати подаст вам золоты, с царевым клеймом, и всякая душа турецкая будет вам во Цареграде кланяться, и всех вас, казаков, называти:

— Дону славного рыцари знатные, казаки избранные..."

Страшное мгновение.

Что решат, что ответят несколько тысяч степных всадников, бородатых московитов, почерневших от походов и солнца, в изодранном кафтанье, измазанном дегтем и конским мылом, а с ними зеленоглазые запорожцы с сивыми оселедцами, падающими на горящие глаза, с литыми медными телами кентавров, в диком мясе шрамов и старых сабельных ран, в лохмотьях красных жупанов?

Толпа степных босоногих наездников засела в турецком городе и теперь разбойничьей толпой трусов, с награбленной добычей, кинется ли в ту же ночь из города вон, перед нашедшей громадной силой?

Казачья "Роспись" не преувеличивает сил султана. Историки насчитывают еще больше, до двухсот сорока тысяч против казачьей горсти за земляными валами крепости.

Страшное мгновение. И есть в нем дыхание вечности народа, его творящей воли, совести, гения. Точно все эти степные люди, черные от загара, потрясенные грозой бусурманской стрельбы и бусурманской трубли, знали, ясно провидели из Азова-города будущие века России, ход ее поколений. Они все в изумительной ясности духа стоят перед лицом России, эти степные дикари.

Вероятно, они не больше, чем "дикари" для какого-нибудь политикана-профессора или для тех неисчислимых, самомнящих межеумков и недоумков-попугаев, напетых на голос революции, с совиной слепотой предавших Россию на наших глазах.

Степные наездники, беглые на вольный Дон московские мужики и суровые хохлы Остраницы, — все это свирепое и вольное казачество три века назад неизмеримо яснее, сильнее и вернее знало и чуяло ход России и свой долг перед нею до самой последней крови, до самой мучительной смерти, чем все то, что на наших глазах со всеми партиями и лидерами, журналами, литературами и театрами сошло в России таким кровавым маревом..

На другой день осажденные казаки ответили

турецкому султану, и к ответу их, вероятно, приложили руку и азовские запорожцы, хорошо поднаторевшие в такой переписке.

Казачий ответ, можно сказать, врезается в наш сегодняшний день, в каждую живую душу. Ведь и мы сколько уже лет осаждены со всех концов, нещадно обложены всеми черными и красными знаменами, какие "яко тучи страшные покрывают людей".

Этот "Ответ казачий из Азова-города турецким и разных языков и вер толмачам и голове янычерскому" замечателен именно по силе и цельности русского духа.

Вот что ответили казаки, осажденные в Азове:

"— Прегордые и лютые варвары! Силы и пыхи царя турского! Видаемся мы с вами почасту на море и на сухом пути. Знакомы вы уж нам, и ждали мы вас, гостей, к себе под Азов-город дни многие!

И то вам, туркам, самим давно неведомо, что с нас по сю пору никто наших зипунов даром не имывал с плеч наших. Хотя он у нас, турский царь, Азов и взятием возьмет, небольшая то честь и похвала будет его имени, и не избудет он тем навеки, не изведет он казачьего имени и не запустеет Дон головами нашими.

Назвал он высоко себя, будто он выше всех земных царей. А мы люди Божии: надежда у нас вся на Бога и Матерь Божию Богородицу, и на иных угодников, и на всю братию и товарищей своих, которые у нас на Дону в городках живут. А холопи мы природные государя царя христианского царства Московского, и прозвище наше вечно: казачество Донское бесстрашное.

Мы сели в Азове людьми малыми для опыту: посмотрим мы турецких умов и промыслов: то мы все применяемся к Ерусалиму и Царьграду. Хочется нам также взяти Царьград: то государство было христианское...

Да вы же нас пужаете, бусурмане поганые, что с Руси не будет к нам ни запасу хлебного, ни выручки.

Мы про то сами и без вас, собак, ведаем, какие на Руси в государстве Московском люди дорогие, и чему мы так надобны. Очередь мы свою сами собою ведаем.

Государство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди, наче всех иных государств и орд, аки в небе солнце.

А бегаем мы из того государства Московского из работы вечные, из холопства невольного, от бояр, и от дворян государевых, да зде прибегли и вселились в пустыне, взираем на Христа Бога небесного. Так питаемся подле моря Черного. А злато и серебро емлем у вас за морем: то вам самим ведомо. А жены себе красные и любимые водим и выбираем от вас же, из Царьграда...

А се мы взяли Азов-город своею волей, а не государским повелением — для казачьих зипунов своих и для лютых и высоких пых ваших, поганых и скаредных.

И за то на нас, холопей своих, государь наш зело кручиноват: от него, великого государя, казни ждем смертные за взятие Азовское.

Буде же впрямь мы царю турскому надобны, отсидимся от вас в Азове-городе, и побываем мы у него за морем под его Царем-градом, посмотрим мы его, Царьграда строения. Там с ним, царем, переговорим речь всяческую, лише была бы ему наша казачья речь полюбилася,— наши пищали казачьи, да сабельки вострые...

Мы у вас взяли Азов-город головами своими молодецкими, а вы его из казачьих рук наших добываете головами турецкими. Кому-то на боях поможет Бог.

Потерять вам под Азовом-городом турецких голов ваших многие тысящи, а не видать вам его будет из рук наших казачьих и до века. Разве великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович, всея России Самодержец, вас им, собак, пожалует: то уж ваш будет. На то его государская воля..."

Так умели отвечать русские люди три века назад.

Так ответили десять тысяч Азовских казаков больше чем двухсоттысячному войску, осадившему их.

И тогда начался приступ.

У турок почали в трубы трубить в великие, бить в гарматы, в набаты, в роги, в цимбалы. Почали играть добре жалостно.

"Когда же на дворе был час дня,— рассказывает казачье "письмо",— почали они выступать из станов своих. Знамена у них зацвели и прапоры на поле, как цветы многие. От труб великих и набатов неизреченный визг...

Приклонили они своими знаменами весь Азов-город. Почали башни и стены топорами рубить, на стену многие пришли, хотели нас взять того же часу первого своими силами.

В те поры уже у нас пошла своя стрельба по них осадная из города, а до тех мест мы им молчали.

В огне и в дыму не мочно у нас друг друга видети: от стрельбы их огненной дым топился до неба, как есть — страшная гроза небесная, когда бывает гром с молнией.

Которые у нас подкопы были отведены за городом для ради их приступу, и те наши подкопы от множества их сил не устояли, все обвалилися...

И уста наши кровью запеклись, не пиваючи, не едаючи...

И было у нас на том приступном месте двенадцать пушек, набиты дробом. И убили мы у них полковников немецких с немецкими солдатами, да убили у них двенадцать голов янычерских с янычены.

И вышли мы, казаки, на вылазку и взяли у них большое знамя с клеймом турским, да взяли у них пашу первого.

В тот день мы бились с ними до вечора. Одва от них отбилися".

С рассвета до ночи гремел Азов, сверкая грозою.

Только отчаянная казачья вылазка остановила приступ, когда из порохового дыма, в лохмотьях, почерневшие, в запекшейся крови, вырвались казаки на турок по обваленным стенам.

В первом часу ночи турки отхлынули в свои

таборы. "И ночь всю смечалися, много ли войска набито".

Утром другого дня пушки молчали.

Турки прислали под город своих толмачей, "учали просить мертвых тел, а за всякое тело давали по золотому, за начальных людей давали по двенадцати золотых, а за пашу давали, что он потянет золота".

Но казаки войском на том не постояли: не взяли у них ни серебра, ни золота.

"— Не продаем мы мертвую трупу в поле,— ответили толмачам казаки. — Емлите свои тела даром. Не дорого нам серебро и злато, дорога нам слава вечная... То вам, собакам, из Азова-города игрушка первая... Лише мы, молодцы, оружье прочистили. А иным нам вас потчевать не чем: дело осадное".

Турки отбирали "побитый труп целый день до вечера".

"Выкопали яму они побитому своему трупу, великие рвы, от города три версты, засыпали их горою высокою. Поставили над ними признаки высокие, бусурманские, и подписали языки многими, разными..."

На другой день турки стали рыть гору всем своим войском, и вырыли ее многим выше Азова.

"Хотят тою горою засыпать Азов-город, и нас, казаков, горькою смертью измучить",— повествует "письмо".

"И увидели мы, бедные, свою погибель, что приходит смерть скорая, и удумали промежду собою.

Хорошо нам, казакам, умереть в поле, а не в ямах?"

Всем войском помолились казаки "Иоанну Предотечу" и Николе Чудотворцу и пошли на вторую вылазку с криками:

— Умирать ли нам или не умирать в поле?

"И как вошли на ту высокую гору, закричали мы, яко с нами бог!"

Турки под новым натиском бросили осадные работы. Побежали. Казаки побили у них многие тысячи, да взяли сорок бочек пороху, да шесть знамен пехотных.

"И тем порохом розрыли гору, и ту гору на турок же взорвало, на таборы их".

Никто не ждал в султанских войсках такого отпора.

За две вылазки казаки смели до двадцати тысяч осаждающих, взорвали подкопные работы.

"Почали от нас турки страшны быти, — рассказывает "письмо".— И почала меж них розпряга быти великая: паши турецкие почали кричать на царя Крымского, что не ходит он к приступу с ордою крымскою..."

Азов решили взять не приступом, а осадою.

Янычары и черные мужики-негры "стали рыть другую гору позади, больше прежней, в длину три лучных стрельбища, а в вышину многим выше Азова.

И на той горе поставили весь снаряд свой пушечный, и пехоту свою привели, сто пятьдесят тысяч, и орду Ногайскую всю с лошадей сбили.

И почали с той горы из снаряду бити по Азову-городу беспрестани день и нощь.

От пушек их страшный гром стоял, огонь и дым топился до неба.

Шестнадцать ден и нощей не перемолк снаряд их пушечный ни на единый час. Все наши Азовския крепости распались, стены и башни все, и церковь Предтечева, и Палаты все до единые разбили у нас по подошву самую, и снаряд наш пушечный переломали весь.

Одна лише у нас в Азове-городе церковь стояла внизу добре, у моря под гору.

А мы от них сидели по ямам все, и выглянути нам из них не дадут".

Но ни казаки, ни казачки, старухи и молодки, ни часу не теряли даром под шестнадцатидневным неугасимым огнем.

"Мы в те поры под их валом дворы потайные великие поделали,— отмечает "письмо".— И с тех мы потайных своих дворов подвели под них двадцать восемь окопов, под их таборы".

У казаков не было инженеров из Венеции или "Фрянции", бородатые степные всадники одним военным чутьем, боевым гением отбивались от осады.

"Нощною порою" выходили они то там, то здесь из своих подкопов, каждый раз внезапно, на пехоту янычерскую вылазками. И тем побивали их множество, и туркам оттого "постыли все их подкопные мудрости".

За шестнадцать дней Азов разбили пушечным огнем, засыпали землей, разнесли.

Теперь это была груда дымящихся, горящих развалин. Но все слышался в пороховом дыму звон московского колокола, вероятно, от Николы Чудотворца, доносился иногда свирепый крик осажденных...

Турки пошли на приступ. Двадцать четыре приступа, один за другим!

Многотысячные человеческие волны накатывали на развалины города.

"Ножами мы с ними резались в приступе,— просто вспоминает о страшных днях казачье "письмо". — Почали уже они к нам в ямы метати ядра огненные, чиненные, и всякие немецкие приступные премудрости. Тем нам чинили пуще приступов тесноты великие. Побивали многих нас.

Почали нас осиловать, доступать прямым боем: присылать к нам на всякий день янычев своих десяти тысяч человек.

Приступают к нам целый день и ночь. Ночь придет — на перемену им идут другие десять тысяч: те к нам приступают ночью всю до света. Ни на один час не дают нам покою: бьются с переменою день и нощь, чтобы истомою осилеть нас..."

Истомою осилеть нас... Представляет ли потомок, какую истому несли в те дни и ночи казаки на Азове?

На улицах, в ямах всюду убитые. Раненые стонут на кожухах и овчинах, на соломе, запекшейся от крови. Уже не перевязать куском рваной посконной рубахи посеченное плечо или руку, не поднести кружки с водой к обсохшему рту.

Бредят, молятся, поют.

Огонь день и ночь бьет по груде изб, телег, скарба, по поднятым темным иконам, по роще казачьих знамен и хоругвей, по человеческому стаду, скучившемуся у Николы Чудотворца, у самого моря, под горой.

Старухи-казачки, подоткнувши полы синих кафтанов, в казацких сапогах, подбитых подковами, и ребята перетаскивают под огнем убитых сыновей и батек.

Молодые казачки, многие в мужниных шароварах, босые, грудь перекрещена пищальными патронницами, подают мужьям снаряд в самый огонь. Чудно сказать, но и молодые пленные турчанки, нежные Джани-ханум, откинувшие чарчаф, такие же загоревшие, зеленоглазые, как казачки, тоже несут своим мужьям-гяурам, Ивасям, Олесям, Андриям, в огненное пекло тяжелые пищали. И молодой казак, с мокрой чупрыной, с лицом, залитым потом, в порохе и гари, весело выблеснет всеми белыми зубами, когда подойдет к нему Джани, вчерашняя бусурманка, а ныне, по Божьему закону, верная казацкая жена.

Раны загнивали, смердела конская падаль. Развалины Азова горько дымились...

"От тяжких ран своих,— рассказывает казачье "письмо",— от всяких осадных лютых нужд, от духу смрадного и от человеческого трупия отягчали мы все многими болезнями лютыми, осадными.

В малой дружине своей уже и переменяться некем: ни единый час отдохнуть нам не дадут.

Отчаявши мы живот свой в Азове-городе, в выручке своей безнадежны стали от человек".

Казаки понимали: настал конец.

Войско толпилось под образами Иоанна Предтечи и Николы Чудотворца. Чаяли себе помощи только от Вышнего Бога.

"— Али мы вас, светов, чем прогневали, что опять хощете итти в руки бусурманские, на вас мы, светы, надеялись, когда в осаде сидели. А теперво от турок видим впрямь смерть свою..."

Волнуют и сегодня, и всегда будут волновать каждого русского слова простой казачьей молитвы в огне и гуле Азова, перед темным "Предотечей":

"— Дни и нощи безпрестанно мучимся, поморили нас бессонием. Уже наши ноги под нами подогнулися, и руки наши оборонные уже не служат нам, и от истомы уста наши замертвели, глаза наши порохом выжгло от безпрестанной стрельбы, язык наш во устах наших на бусурман закричать не поворотится, не можем в руках своих никакого оружия держать... Не бывать уже нам на святой Руси".

Страшные мгновения. Конец. Не сдача, а смерть. Последняя молитва перед последним боем.

Нигде, кажется, в русской письменной речи нет могущественнее и прекраснее слов, чем слова последнего прощания казаков в Азове между собой.

"Почали мы, атаманы и казаки удалые молодцы, и все Великое Донское и Запорожское свирепое войско прощаться:

— Прости нас, государь, наш православный царь Михайло Федорович, всея Руси Самодержец, вели помянути наши души грешные.

— Простите, государи, вси Патриархи Вселенские, простите, государи вси преосвященные митрополиты. Простите, государи, вси архиепископы и епископы. Простите, государи, архимандриты и игумены. Простите, государи, протопопы и вси священницы, и диаконы, и вси соборы освященнии. Простите, государи, все мниси и затворники. Простите нас, вси святии отцы.

Простите, государи, вси християне православные. Поминайте наши души грешные.

Простите нас, леса темные и дубравы зеленые. Простите нас, поля чистые и заводи тихие. Простите нас, море синее и реки быстрые.

Прости нас, государь наш, тихий Дон Иванович. Уже нам по тебе и атаману нашему с грозным войском не езживи, дикого зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать..."

Всю Русь, все сонмы светлых сил ее, и русские леса, и поля чистые, и дубравы, и заводи, и государя своего Дона Ивановича как бы зовут к себе на последнюю подмогу казаки. Они прощаются с Русью и просят пред смертью ее благословения.

"Мы постимели и чистоту душевную", отмечает "письмо". Крылатая высота, сияние русского духа, русский гений в их святом прощании.

В этих степных дикарях, в этом бородатом и суровом донском атамане Науме Васильеве, что едва, может быть, умел подписать свое имя на грамоте, или в коневом Остранице с прозрачными глазами, с бирюзовой серьгой в ухе, во всех них, азовских казаках, светлое и могучее дыхание России, ее вечный завет.

"А после прощания,— рассказывает "письмо",— взяли мы иконы чудотворные, Предотечеву да Николину, да пошли с ними противу бусурманов на вылазку...

У турок и казаков перед тем были видения: два юноши светлых, выезжали в поле из Азова биться, и от образа Предотечева от сухадерева, течаху многи слезы..."

Защитники Азова были охвачены духовным подъемом, той светлой одержимостью, какая сильнее страданий и самой смерти.

"Мы ведали, что стоит над нами милость Бо-

жия и заступлением небесных сил на вылазке явно бусурманов побили".

В мертвецких белых рубахах шли на вылазку казаки с зажженными свечами, било ночным ветром волосы и бороды. Под иконами, в огнях свечей, с гулом молитв шло на вылазку это войско, уже как бы шагнувшее от земли, победившее самую смерть в последнем порыве.

И вылазка остановила таборы, остановила приступы "янычен".

"И мы от бед своих, и от смертных ран, и от истомы отдохнули в те дни, замертво повалялись..."

В те дни, после вылазки, в турецких таборах что-то стряслось. Осаждавшие тоже вымотались. Каждую ночь они страшились казачьего крика, мчащихся привидений. Ночью в таборах поднялась тревога, вой, стрельба. Там приняли друг друга за казаков, там показалось, что азовские мертвецы, босые в белых рубахах, ворвались в самые шатры пашей.

И ночью, покинувши таборы, все орды и полчища побежали к своим кораблям и каторгам.

"А мы, бедные, на свои руки оборонные и ноги подломленные не надеяся, только чая себе от Бога милости и от Пречистыя помощи, и заступления Предтечева, крикнули мы, бедные, на их турецкие таборы, а по таборам только огни горят..."

Осаждающие бегут к Черному морю, садятся на свои бусы и каторги, а которые стояли на сухом пути, "почали метаться и больше того топилися в Черном море..."

Азов-городок от осады двадцати четырех приступов отбился.

"И мы, остальцы,— всего нас осталось полчетверти тысячи, и те все переранены,— взяли мы иконы Иоанна Предотечи и Николы Чудотворца, место Азовское оставили, а сами пошли на свой Тихий Дон, и там сотворили обитель Иоанна Предотечи и атамана поставили в ней игуменом..."

Гулом древней славы, могущественным, неутихаемым ни в одной русской душе во все века, звучат последние слова казачьего "письма":

"Нашему православному государю Михаилу Федоровичу слава вечная во все орды бусурманские, персидские и эллинские, нашему атаману Науму Васильеву и всему Войску Донскому слава вечная".

Видение России и русской славы ни на мгновение не покидало этих степных всадников в Азове. Они, простые зипуны, с ними суровый атаман Наум Васильев, недаром звали себя славного дому рыцарями знатными.

Это было русское рыцарство, и сегодня, через три века, каждое слово об осаде Азова, горящее страданием, бесстрашием, любовью к России и долгом перед ней, отзывается живым звуком в каждой русской душе.

"— Да вы же пужаете нас, поганые, что с Руси не будет к нам запасу хлебного, ни выручки. И мы про то сами и без вас, собак, ведаем, какие мы на Руси в государстве Московском люди дорогие..."

Так отвечали казаки осаждающим и не ошиблись. Их любимый государь Михаил Федорович, пресветлый, ответил "с Москвы" на казачье "письмо":

"— Вас, за вашу службу, радение, промысл и крепкостоятельство милостиво похваляю. Пишете, что вы теперь наги, босы и голодны, запасов нет и многие казаки хотят разойтись, а многие переранены. И мы, великий государь, послали вам пять тысяч рублев денег. А что писали к нам о городе Азове и бить челом приказывали, то мы велели дворянину нашему и подьячему города Азова досмотреть, переписать и на чертеже начертить.

А вы бы, атаманы и казаки, службу свою, дородство, храбрость и крепкостоятельство к нам совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную православную веру и за нас, великого государя, стояли по-прежнему крепко и неподвижно, и на наше государственное жалование во всем были надежны..."

Петрова Россия вышла из огня Полтавской баталии.

Но Полтава была завершением воплощения, концом Петрова чуда.

А началось оно еще при царе Михаиле Московском в Азове, когда несколько десятков тысяч степных всадников явили всем образ бесстрашного и могучего русского духа, победный образ России.

Известно, как любил молодой царь Петр читать казачье "письмо" об "азовском сидении". На нем он как бы познавал могущество русского народа, и оно вдохнуло в него веру в Россию-Победу.

От Азова, в молодой мощи и в Петровой грозе, взошла Россия к Полтавской победе.

И будет за то атаману Науму Васильеву и всему грозному Войску Донскому, и кошевым Остранице и Гуне, слава вечная...

Федор Щербина

СИМОН ПЕТЛЮРА НА КУБАНИ

И сейчас перед глазами, будто живой, стоит незнакомый мне посетитель. Не могу теперь представить ни его роста, ни внешности. Но в память так врезалось лицо, что я и теперь будто смотрю на молодое, живое и симпатичное обличье, надолго очаровывающее вас своим духовным выражением. Это был Петлюра, и кто хоть раз видел его, тот поймет, о чем я говорю.

Моя первая встреча с Симоном Петлюрою произошла более двадцати лет тому назад, и не случайно, как это часто бывает в жизни, а благодаря особому стечению обстоятельств. Меня, заведующего "Экспедициею по исследованию степных областей", учрежденной царем Николаем II, министр Плеве административно выслал из Воронежа на мою родину, на Кубань, в Екатеринодар, за то, что я впервые официально, а именно в Воронеже, на губернаторских сборах, проводившихся под руководством губернатора поставил вопрос о необходимости дать конституцию России. А Петлюра сам прибыл из Полтавы на Кубань "до черноморцев", наследников запорожцев, убегая от преследований жандармов и полиции. Мне уже было за пятьдесят, а Петлюра казался мне юношей. Я уже имел имя писателя, исследователя народной жизни и еще в придачу занимал большой правительственный пост, а Симон Петлюра был одним из тех молодых и горячих народолюбцев, которые всею своею душою и помыслами стремились к народу и которых ненавидели и преследовали представители царской власти всех рангов. Положение наше было далеко не одинаковое.

На мое счастье наказным атаманом Кубанского Казачьего Войска был Я. Д. Малама, екатеринославец, из старинной украинской фамилии, человек весьма просвещенный и благоволивший к казакам, к народу. Когда я зашел к нему как административно ссыльный, он встретил меня смеясь и сказал: "Ну, слава Богу, что Вас домой вернули. Теперь у нас будет отличная казачья история. Секретарь комитета Е. Д. Фелицын уже и доклад написал по этому вопросу. Дело за Вами. Не забывайте, что Вы казак, и если приехали домой, то Вам нужно взяться за работу для родного края. Если Вы согласны сложить историю войска, то хоть сейчас идите к начальнику штаба и составляйте с ним официальный договор".

Наказной атаман, с которым я и раньше был знаком и жил в добрых отношениях, просто и деловито поставил этот вопрос, а я без того уже решил продолжить свои дальнейшие научные работы в области кубановедения.

На этой работе и завязались у меня первые отношения с Симоном Петлюрою.

Не помню, кто именно, но, кажется, двое или трое из черноморцев-украинцев просили меня похлопотать перед начальством, чтоб вернули на место молодого и способного учителя, которому было запрещено учительствовать в станичной школе. Речь шла о Петлюре. Хотя я персонально не знал и даже не видел Петлюру, мне были хорошо известны его приятели, что просили за него, поэтому я сразу же пошел к начальству. Однако выяснилось, что Петлюру никак нельзя было оставить учителем, так как из Петербурга был прислан секретный приказ, которым запрещалось ему, как человеку неблагонадежному, учительствовать и вообще быть в непосредственных контактах с народом. Тогда я решил взять Петлюру в свое бюро для разбора архивных материалов и попросил его через приятелей зайти ко мне. Он и пришел.

Узнав из первых слов, кто был мой неведомый посетитель, я сообщил ему о положении дел и, сожалея, что он не может учительствовать, предложил заняться у меня разбором исторических материалов и выбирать из них то, что касается истории Кубани.

— Да это еще лучше, нежели работа в школе, — сказал Петлюра, выслушав меня. — Я очень интересуюсь историей черноморцев. А в войсковом архиве, говорят, очень много материалов, и есть даже "дела" старого Запорожья. А правда ли, — спрашивает потом, — что вот те длинные здания в крепости набиты историческими материалами?

— Правда, — ответил я. — Там двести тысяч "дел" в тюках, а меж ними и такие, что в одном по двести листов исписанной бумаги.

— Ой-ой! — живо прореагировал Петлюра. — Есть над чем поработать. Я согласен хоть сегодня взяться за такую работу.

Все это так просто да так натурально вышло, что, кажется, я давным давно знал Петлюру, а он чувствовал себя в моей хате как в давно знакомой для него обстановке.

Печатается по изданию: Збирнык памяты Сымона Пэтлюры (1879—1926). — Прага, 1930. — С. 189—194. *Пер. с укр. В. Чумаченко.*

Рядом со мною прошло уже много молодежи, работавшей при земских и других переписях крестьян и при исследовании экономического и социального положения и быта трудового народа, и к каждому новичку в работе я внимательно присматривался и выяснял, интересуется ли он делом, чем именно и на что он годится. В отношении Петлюры мои способы знакомства с молодыми работниками были излишними. Разбором исторических материалов и извлечением из них наиболее ценных и интересных сведений по истории, помнится мне, занималось тогда у меня четверо или пятеро добросовестных работников, но и они удивлялись, с каким энтузиазмом взялся Петлюра за работу. "Да он весь залез в тюки старинных бумаг", — говорили о нем сотрудники. Но не только влез, а и искал умело то, что нужно было для истории и чем он персонально интересовался. Сам я при разборе материалов работал вместе с моими сотрудниками и установил такой порядок, что каждый работник должен был знакомить нас всех с материалами, которые он считал особенно важными и интересными. В свою очередь и я частенько выяснял, какое значение имел тот или иной материал для истории кубанского войска, в соответствии с общей, составленной мною программой.

Скоро при таком старательном сотрудничестве выяснилось, что молодой работник (Петлюра, кажется, был самым молодым) лучше всех разбирается в исторических материалах. Ему очень помогало знание истории Украины и Запорожья, а отчасти и знакомство с народной жизнью Полтавщины, а в составе черноморских казаков как раз и было более всего выходцев из Полтавщины. Очень интересовался Петлюра материалами из Забужья, где поначалу осели "новые запорожцы" до переселения в Черноморию, на Кубань, а еще больше "делами", как назывались упаковки бумаг, из Запорожской Сечи на Днепре. В памяти моей остались кое-какие эпизоды нашей совместной работы, к которой особый интерес высказал Петлюра.

Я хорошо помню, с какой энергией и увлечением накинулся он на связки материалов о так называемом "персидском бунте черноморцев", в котором основную роль сыграл молодой казак Федор Дикун, для того времени человек неординарный. Дикун "законным порядком", по его мнению, а именно жалобами казаков от целого войска высшему начальству на непорядки и вымогательства, заведенные правительством казачьей старшины, добивался того, чтобы вернуться к запорожским порядкам с введением самостийной казачьей рады и выборной старшины. Все дела, касающиеся этого бунта, Петлюра брал к себе на квартиру и перечитывал от крышки до крышки, сам обдумывая деятельность Дикуна и его единомышленников, беседовал об этом с сотрудниками и не раз высказывался о том, что "Дикун был образцовым казачьим деятелем и что недаром за ним шли все казаки и поддерживали его в требованиях, но неподходящими были тогда условия для такой деятельности. Вот теперь бы нужно Дикуна", — пояснял свои мысли Петлюра. И когда потом историческая волна подняла Петлюру на гребень народной массы и в периодике стали появляться сообщения о его деятельности, тогда не раз мне приходила в голову мысль, что, может быть, черноморец Дикун забросил такую искру в горячую голову полтавского казака и своим примером духовно поддержал его в начатой им борьбе за народ, его права и интересы.

Теперь, через столько лет, трудно вспомнить, что и когда говорил Петлюра относительно той или иной серии фактов и событий. Можно сказать одно, что он мерял все это демократическими идеалами, которые мощно засели в его голове, и я не раз от него слышал, что "черноморцы — добры молодцы", так как они сотворили на Черноморье то, чего не было и на старой Украине, которую так опаскудили крепостным правом. Очень живо и ярко билась в нем правдивость и казачья демократическая струнка. Но по двум вопросам — об отношении Петлюры к революции и к еврейскому вопросу мне не раз приходилось с ним говорить.

Про революцию С. В. Петлюра говорил, что она неизбежна, что народ уже прозревает и что нужно направить все усилия на то, чтобы революцию скорее приблизить, а если она наступит, то нужно идти в рядах народа и помогать ему не только словами и делом, но и самим собою. Чувствовалось, что это была не поза молодого человека, однако, признаюсь, мне все-таки казалось, что у Петлюры было мало активности в его характере, ибо всегда спокойно и сдержанно держался он, несмотря на свою молодость. То была моя ошибка. За спокойной внешностью и выдержкой скрывалась мощная воля в этом молодом человеке.

Что касается еврейского вопроса, в моей памяти сохранилось гуманное отношение Симона Васильевича к еврейским массам, особенно к трудовым ее кругам и к бедноте. Петлюра и прямо не раз высказывал доброжелательные взгляды на еврейскую национальность, понимая под нею главным образом бедноту. Чтобы разыскать по возможности более точные и полные сведения о составе "новых запорожцев", или, как называла их государственная власть, "черноморцев за Бугом", за время оседания их в Черномории, я просил сотрудников выписывать из документов настоящие и переделанные фамилии казаков неукраинского происхождения. Так, например, по фамилии черноморского офицера Дракуликритикоса безошибочно можно было установить, что его отец или дед были родом греки; по содержанию решения Щербиновской куренной рады о "жидовине Лейзере", который просил принять его в казаки и которому рада переменила имя Лейзера на фамилию Лавровский, видно было, что войсковик Лавровский, который жил в станице Старощербиновской, приходился внуком этому Лейзе-

ру. Хотя в составе черноморского войска числилось мало евреев, но вышли они потом не рядовыми казаками, а, кроме полковника Лавровского, было еще два внука еврея Рубашевского: один вылитый лицом еврей в чине генерала — прекрасный, безупречный, честный человек, а другой, меньший брат, есаул, круглолицый, черноусый, типичный черноморец, завзятый охотник-стрелок, не делавший ни одного промаха на зверя или птицу. В связи с такими фактами возникали часто разговоры и вообще о евреях. Говорили и спорили о слабой ассимиляции евреев с другими национальностями, о стойкости и живучести расовых этнично-еврейских черт, о больших способностях к торговой деятельности, к шинкарству и другое. Кто и что из беседующих говорил, я не могу теперь вспомнить, но общий характер споров, позицию и основные взгляды Петлюры я твердо помню. Петлюра много чего рассказывал из жизни евреев, но ни разу я не слышал, чтобы он выступал против еврея как национальности. У меня тогда еще сложилось впечатление, что Петлюра не принадлежит к числу юдофобов, напротив, его человечное отношение к евреям, как народу, было присуще его добродушной и мягкой природе.

Я никогда не имел привычки копаться в личной жизни живых людей, хотя бы это и имело общественное значение, если об этом не было написано или напечатано, или на словах рассказано известными людьми. За два или полтора года сотрудничества Петлюры я не расспрашивал его ни о семье на родине, ни о его образовании, ни о намерениях, вообще обо всем, что составляет интимную сторону человеческой жизни. Сам Петлюра был не только хорошим и умелым работником, но еще больше — очень хорошим человеком по характеру, взглядам и во взаимоотношениях с людьми. Каким показался он мне с первого дня моего знакомства с ним, таким в неизменной своей цельности остался он и после того. Мои взаимоотношения с ним всегда были наилучшими. Я привык ценить Петлюру больше всего с этической стороны.

Когда работа по разбору кубанского архива закончилась, я оставил только двух сотрудников — С. В. Петлюру и Н. Ф. Немолякина. Если не ошибаюсь, оба они были по образованию из духовных семинаристов. В Екатеринодаре мы отобрали две большие пачки архивных выборок, и я пригласил их в 1904 г. поехать ко мне на хутор Джанхот на берегу Черного моря, чтобы довести работу до конца. Они жили у меня на хуторе летом два или три месяца и не столько занимались работою над бумагами, сколько купались в море, ходили по лесу, по горам и тому подобное — одним словом, отдыхали в чудесной по климатическим условиям местности. Я нарочно так устроил это гостеванье у меня сотрудников, которых я очень уважал и ценил. И на моем хуторе Петлюра без особой конкуренции завоевал себе славу разумного, тактичного и симпатичного человека.

Такие воспоминания остались до сих пор у моей семьи, когда его уже нет на свете.

Вскоре затем Петлюра совсем покинул Кубань и Екатеринодар. Позднее, когда я был членом второй Государственной думы от казаков, а Петлюра жил в Петербурге, он заходил ко мне, приносил или присылал мне украинские периодические издания. Во время этих встреч мы сходились как близкие люди. Иногда мы вспоминали Кубань и черноморцев, о которых он рассказал, что он "казаковал вместе с черноморцами", то есть работал и "кое-чему научился" в этом крае у наследников Запорожья; а я видел и чувствовал, что Петлюра не изменил ни на одну йоту своей искренней, гуманной и симпатичной личности, когда стал весьма уважаемым человеком.

Еще одна черта в характере Петлюры очень понравилась мне. Петлюра был далек от чванливости. Он хорошо знал Украину, может быть, гораздо лучше иных патентованных ученых, он очень любил народ, понимал его интересы и готов был всего себя отдать служению ему, но не звонил о том ни в большие колокола, ни в маленькие колокольчики. Правда, он был еще тогда очень молодым, но уже проявил себя настоящим деятелем. К такому Петлюре я "привык" на Кубани, таким он показался мне и в Петербурге. И это тем острее бросалось в глаза, так как приезжие с Украины и Московщины специалисты и штампованные дипломаты-интеллигенты, попав на Кубань, в сытую и материально богатую обстановку, не знали сами себе цены и возносились над казаками "выше леса стоячего" и немного "ниже хмары ходячей". И не дай Боже, если такой специалист или интеллигент писал и свои сочинения печатал — к такому, как говорят черноморцы, "и на дикой козе не подъедешь". Все казачье он шельмует, над всеми насмехается, все у него недотепы или дураки или политические недоумки. Это и молодой Петлюра подметил. Когда я рассказывал ему, как были раскрадены казачьи земли под видом "Высочайше пожалованных", то Петлюра сказал мне приблизительно так: "И правда, кто на казачьих землях и должностях прекрасно харчуется, тот больше всех казаков шельмует и нос задирает". Я, помню, засмеялся, услышав эту характеристику "бродяг" на Кубани, а теперь вижу, что это была не просто характеристика, а меткий прогноз. Ведь когда Петлюра был на Кубани, то тогда еще мало было непрошенных казаками "бродяг", а после того, как град из тучи, посыпались они на Кубань, особенно когда заполняли ее в одно время деникинцы, а в другое — большевики.

И когда дошли до меня вести, что преступник убил Петлюру будто бы из мести за еврейские погромы, то это убийство очень поразило меня, как проявление поражающего безумья. Месть, в какой бы форме она ни творилась, является наихудшим делом у людей, а в мести Шварцбарда, если это была месть, не видны ни логика, ни этика, ни хотя бы одна капля общечеловеческих идеалов. И думается мне, какое счастье, что не Шварцбарды, а Петлюры ведут людей к общечеловеческим идеалам.

Василий Шульгин

Открытое письмо г. Петлюре *

Милостивый государь!

Ровно год тому назад, когда Киев, как и сейчас, сжимался кольцом большевиков, ко мне явился некий господин из французской миссии по имени Ningler, который заявил мне следующее:

"Украинцы разделились. Явно изменническая политика Грушевского и Винниченко, продавшихся или предавшихся немцам, глубоко возмущает г. Петлюру, почему он тайно организовал новую младоукраинскую партию (Jeune Ucraine), которая желает работать с Антантой и быть в теснейшей связи с Россией.

Друзья Петлюры желали бы переговорить с Шульгиным и поискать, не найдется ли у русской партии города Киева общих с ними точек соприкосновения".

Тогда я не знал, кто такой г-н Ningler, как не знала его французская миссия, доверявшая ему. Теперь этот господин на совершенно определенном счету и, кажется, ему грозит суд. Но тогда этого никто не знал, и я согласился при его посредстве познакомиться с друзьями г. Петлюры.

От них я узнал:

"Петлюра хочет порвать с Грушевским и Винниченко. Они, в сущности, большевики, а кроме того, всецело преданы интересам Германии и ненавидят Россию. *Он же, Петлюра, имеет только двух врагов: немцев и большевиков... и только одного друга — Россию.* Поэтому разрыв неминуем".

Выслушав с интересом заявление о нарождении "Молодой Украины", я спросил, чем я могу быть ей полезен.

Мне ответили, что Киев в страшной опасности и что украинцы своими силами защитить его не могут, ибо украинские войска — это одно недоразумение: они стихийно переходят на сторону большевиков; что около меня, как редактора "Киевлянина", группируется очень много русских офицеров и что я мог бы помочь защите Киева, если бы, заключив соглашение с "Молодой Украиной", направил русских офицеров в украинские части.

Подумав, я ответил, что ввиду опасности, угрожающей моему родному городу, я готов заключить соглашение с "Молодой Украиной", и условия мои не будут тяжелы. При этом я подчеркнул, что, вероятно, эта минута никогда не повторится уже больше (в смысле уступчивости в политических требованиях).

Мои условия были следующие:

1) Эту страну, в которой мы живем и о которой спорим, обе стороны будут называть "Русью-Украиной" (Russie-Ukraine), а народ, ее населяющий, — "русско-украинским". 2) Будет провозглашено равноправие языков русского и украинского. 3) Офицеры, которыми хотят воспользоваться, образуют русский полк, во главе которого станет русский генерал. Затем следовали технические условия формирования. Все это было изложено мною в письменной форме.

Не знаю, показались ли эти условия неприемлемыми, или по другим причинам, но дальше разговоров дело не пошло. Однако за два дня до вступления большевиков сам собой образовался русский отряд, под прикрытием которого Вы, милостивый государь, убежали из Киева.

И вот тут-то начинается Ваша история, столь противоречащая заявлениям Ваших друзей младоукраинцев.

Вы утверждали, что немцы — Ваши злейшие враги. Однако это не помешало Вам действовать с ними в добром согласии, когда "староукраинцы" осуществили давно задуманный ими изменнический план и позвали немцев в Киев. Вы, милостивый государь, торжественно вступили в Киев с ничтожной горсточкой Вашего украинского отряда за полчаса до того, как "украинскую" столицу заняли немцы. Ни малейшего сопротивления, хотя бы даже в виде газетной статьи, которую позволил себе написать Ваш покорный слуга, Вашим "злейшим врагам" Вы не оказали.

Правда, Вас скоро посадили в тюрьму, но ведь то же самое произошло и со "староукраинцами", преданнейшими друзьями немцев, и доказывает лишь одно: *у немцев нет друзей, а есть только слуги*, которых наказывают, когда они провинятся.

Таким же покорным рабом немецких велений был и гетман Скоропадский, опозоривший свою звонкую фамилию. Однако, когда "Его Светлость" заслышал, что из Одессы должен прибыть некто, кто посильнее и кто требует единой России, он пробовал проницать что-то, несогласное с планами немцев.

"Взбунтовавшегося раба" решено было немедленно наказать. И тогда из тюрьмы выпустили Вас, милостивый государь. Вам приказали съесть Скоропадского. В Киеве прекрасно известно помещение, где заседали совместно украинцы (уже

* Перепечатано из газеты "Россия" ("одесское издание") № 1 за 1919 год.

переставшие делиться на молодых и старых), немцы и большевики. На этих совместных заседаниях и было все решено. Немцы, обратив внимание на огромное число военнопленных, голодных и полуголодных, бродивших по стране, предложили Вам накормить, одеть и вооружить этих людей. Для этого они открыли Вам шестьсот складов, находившихся в их распоряжении на территории "Украины".

Так и образовалась, милостивый государь, Ваша армия при деятельной помощи *"злейших врагов Ваших"* — немцев.

Но этого мало. Во главе этой армии Вы поставили австрийских офицеров. Во главе Киева и сейчас по Вашему назначению беснуется капитан австрийской службы и, по всей вероятности, давнишний германский шпион, как большинство Ваших сотрудников, — г. Коновалец.

В дополнение картины вернувшийся из Берлина Шелухин сделал доклад Директории, из которого явствует, что он, Шелухин, подписал от имени Украинской Республики союзный договор с Германией. При этом Директорией было высказано, что *единственный настоящий друг Украины — это немцы* и что поэтому Германии нужно держаться во всяком случае. Должен сознаться, что в этом случае Директория не ошибается.

Из этого, милостивый государь, я заключаю, что Вы обманывали Ваших друзей, младоукраинцев, заявляя им, будто немцы — Ваши злейшие враги.

Теперь перейдем к большевикам, с которыми Вы будто бы боретесь. В этом случае очень характерен рассказ, обошедший все газеты, про то, как Вы "ссорились" с Винниченко.

"Дошло до того, что Петлюра... выхватил револьвер!"

Трагическое происшествие. Но не следует пугаться. Кроме "выхватывания" ничего больше и не будет.

Вы всегда будете только "выхватывать" револьвер, но никогда не пустите его в дело. Почему?

Да потому, что все Ваши ссоры — это одна комедия.

Разве Вы не подписывали квитанцию о том, что каждый Ваш солдат получит 25 десятин земли? Разве Вы не понимали, что это чисто большевистский отвратительный прием самого низкого разбора.

Пулю в лоб Вы дадите этим несчастным, обманутым мужикам, а не землю. А меж тем обманутые надежды, раздразненная жадность, когда Ваш обман обнаруживается, заставляет их бросаться на грабеж, насилие, убийства, чтобы чем-нибудь залить чувство обиды, которую Вы нанесли им Вашими обманными обещаниями.

Генерал Бертело недаром публично признал Вас виновником всех ужасов, совершающихся по краю. Да, Вы — причина всех этих ужасных убийств и зверств, которым подвергается интеллигенция в городах и все мало-мальски зажиточное крестьянство. Это Вы Вашими воззваниями и обещаниями натравили на них преступные или неустойчивые элементы.

Нет, большевики отнюдь не "злейшие враги" Ваши. Это тот элемент, из которого Вы почерпнули Ваше войско, и Вы воевать с ними не можете. Они убьют Вас (если Вы не убежите), как только Вы попробуете оказать им какое-либо сопротивление. И они будут правы. Нельзя так бессовестно обманывать массы, как Вы это делали.

Вы утверждаете, что Вы боретесь с московскими большевиками. Но борьба с Лениным вовсе не есть борьба с большевизмом, если вместо Ленина в Киеве будет г. Винниченко — Ваш друг и приятель. Они отличаются так мало друг от друга, что в конце концов еще большой вопрос, что лучше: Ленин ли, уже напившийся крови, или Коновалец, капитан австрийской службы, только что начавший кровавую оргию.

Из всего этого я делаю заключение, что Вы обманывали Ваших друзей младоукраинцев и в том случае, когда говорили, что большевики Ваши злейшие враги. Вы, как Марта Шверлейн, готовы вступить в союз "хоть с самим сатаной", лишь бы Вам парадировать на экране политической жизни.

И, наконец, перейдем к третьему Вашему утверждению: "Россия — Ваш единственный друг".

Было бы смешно, если бы не было так больно говорить об этом сейчас.

Вы отлично знаете, что по переписи 1917 г. 62 процента населения города Киева считают родным своим языком русский язык, и только 9 процентов — украинский.

И вот Вы, называющий себя демократом, в угоду этим 9 процентам запретили все русские газеты, сняли или варварским образом уничтожили все вывески и надписи на русском языке, заменивши их безграмотным жаргоном галицийского происхождения. Под страхом смертной казни Вы запретили в русском городе Киеве, который считается колыбелью Руси, Вы запретили всякое проявление национальных стремлений, называя это государственной изменой. Подкованный сапог Коновальца, австрийского капитана, измывается над несчастным русским городом, должно быть, во исполнение программы президента Вильсона "о правах народов".

А что сделали Вы с русскими офицерами, помощи которых Вы просили год тому назад и, кто знает, не просите ли сейчас?

Захватив в плен город, сданный Вам презренным Скоропадским, Вы по тайному списку, составленному Коновальцем, расстреливаете по ночам беззащитных людей. Вы заперли их в музей, заманив туда обманным образом, и обрушили на их головы стеклянный потолок, искалечивши сотни людей, доверившихся великодушию Петлюры. Вы арестовываете их по всем дорогам, когда они бегут из Киева, сделавшегося огромным застенком.

И вся та бешеная ненависть к России, которая проявляется в каждом слове Ваших друзей, которая струится со страниц печати, которой полны Ваши воззвания, — о чем свидетельствует все это?

Точно об одном: *Вы злейший враг России.*

Я кончаю. Цель настоящего моего открытого письма сказать Вам перед лицом России и Франции, что Вы или бессовестный обманщик, или ничтожный человек, которым руководят другие. Горе тем, кто пойдет с Вами и доверится Вам. Вы предадите их в самую трудную, самую последнюю минуту, как Керенский, на которого, говорят, Вы очень похожи, как Керенский предал Корнилова.

Иван Солоневич

ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема февраля — о ч е н ь тяжелая тема. И я очень долго откладывал ее. Но дальше откладывать нельзя, ибо керенские и иже с ними готовят нам всем повторение: и Февраля, и Марта, и так далее до Октября включительно. С той только разницей, что керенщина 1917 года застала страну, полную противоречий, но полную сил. Сейчас противоречий будет, может быть, не меньше, чем их было в 1917 году, но хлеба — нет, жилищ — нет, одежды — нет, страна придавлена чудовищностью предстоящей войны.

Сейчас не время ни для мифологии, ни для фальшивок. Кроме всего этого, мы должны иметь в виду, что "наследники Февраля" гогонят, если не совсем раздел, то что-то вроде балканизации России, что темные доллары им даны именно под этим условием, что они приняли: и условия, и доллары.

Правда о Феврале будет т я ж е л о й правдой — легких правд у нас н е т . Но эта тяжелая правда имеет и чисто практическое значение: нельзя допускать к власти никого из тех людей, которые справа сделали Февраль, а слева стали его углублять. Правда, все эти люди были только вывесками над событиями страшной нашей истории, и их л и ч н ы е преступления теряются в море исторических сдвигов. О Великой французской революции Талейран говорил: "В ней виноваты все или не виноват никто, что, собственно, одно и то же". О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый ф а к т.

О СИМВОЛИКЕ ВООБЩЕ

Есть такой рецепт производства артиллерийских орудий: нужно взять круглую дыру и облить ее сталью — получится орудие. Целый ряд исторических концепций фабрикуется именно по этому рецепту: берут совершеннейшую дыру и обливают ее враньем: получается история. Или исторический факт. Именно по такому рецепту Петр I был сделан Великим, Екатерина II — Великой, Павел I — безумцем, Николай I — Палкиным. Примерно по такому же рецепту знаменитый Моммзен писал свою знаменитую римскую историю, и проф. Виппер, анализируя моммзенские изыскания, скорбно констатирует, что все они имели, в сущности, в виду только одно: политическую пропаганду того, что впоследствии было названо прусским милитаризмом: "Вот видите, древние римляне поступали точно так же, как должны поступать мы: "Хайль Гитлер!"

Гитлера, правда, во времена Моммзена не было, но Гитлер родился именно из Моммзена. Это только подпрапорщики запаса могут полагать, что "великие люди" появляются на свет Божий путем самозарождения. Трагедия заключается в том, что большинство человечества состоит все-таки из вот этаких подпрапорщиков. Им, подпрапорщикам, нужен с и м в о л . Что-то простое, явное, ощутимое, подменяющее реальную сложность жизни схематизированной фигурой гения — вождя, сверхчеловека. Символ нужен и слою, слой сплачивается около этого символа, как около знамени. Иногда символ нужен и нации — как утешение. Таким символом стало для Франции 14-е Июля, день взятия Бастилии. А, казалось бы, чего тут праздновать? Ведь, как-никак, взятие Бастилии если и символизирует что бы то ни было, так только начало падения страны с первого места в Европе и в мире на — трудно сказать, на какое именно — место, что-то в пределах второй половины первого десятка. Но вот празднуют...

Противоречие символики с самыми очевидными фактами не играет, по-видимому, никакой роли. Вот умный человек, Лев Тихомиров, пишет, что Петр I понавыдумывал таких законов, которые, если бы у него хватило гениальности еще и провести их в жизнь, привели бы к форменной катастрофе, но, к счастью для России, гениальности Петра I хватило только на законодательное прожектерство... И — все-таки: гений. Другой тоже умный человек, В. Ключевский, вертится, как черт перед заутреней, сам себе на каждом шагу противоречит, а опасные пункты символики старается обходить как можно осторожнее. Проф. Платонов посвятил целую книгу реабилитации

петровской гениальности — в Советской России это предприятие а б с о л ю т н о безнадежное — и самым тщательным образом обходит: и дезертирство под Нарвой (при пятикратном превосходстве сил), и бегство из-под Гродно, и, наконец, такой военный скандал, какого в русской истории больше не было никогда: Прутскую капитуляцию. И Нарва, и Гродно объясняются стандартизированно: престиж шведской непобедимости. И старательно обходится стороной нам почти неизвестный генерал-майор Келин, у которого в Полтаве было четыре тысячи "гарнизонной команды" и четыре тысячи "вооруженных обывателей" и который был, по-видимому, совершенно непроницаем ни для какого "престижа". Этот генерал-майор Келин во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую "гарнизу" и вооруженных обывателей!) разгромил тридцатитысячную армию Карла так, что от нее осталась, по Ключевскому, "голодная и оборванная толпа", и, кроме того, толпа, лишенная пороха, а, следовательно, и артиллерии. Полтавская победа над этой толпой была описана двести пятьдесят раз. А о генерал-майоре Келине я не смог найти никакой литературы. Не знаю, есть ли она вообще. Вероятно, нет. Ибо, если мы сопоставим два *факта:* а) дезертирство при Нарве, при пятикратном превосходстве русских сил и б) защиту Полтавы при четырехкратном превосходстве неприятельских сил, то совершенно о ч е в и д н о, что от стратегического гения Петра I не останется абсолютно ничего. Но этот "гений" был необходим с о ц и а л ь н о для правых, ибо он символизирует начало крепостного права, и для левых, ибо он символизирует революционное насилие над нацией.

Практически в установлении крепостного права Петр I был абсолютно ни при чем. Он не отдавал себе отчета в том, что делалось вокруг него и от его имени. Екатерина I отдавала себе совершенно ясный отчет: она то взывала к Сенату, то писала указы, то плакала,— но сделать она не могла н и ч е г о: ее убили бы еще проще, чем убили императора Павла I.

Эта маленькая справка по поводу исторической символики приведена потому, что история — или, точнее, историография — Февральской революции с изумительной степенью точности повторяет рецепт артиллерийского производства: берется дыра, и дыра обливается выдумками. Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован: а) земельной знатью, при участии и согласии некоторых членов династии — тут главную роль сыграл Родзянко, б) денежной знатью — А. Гучков и в) военной знатью — ген. М. Алексеев. У каждой из этих групп были совершенно определенные и н т е р е с ы. Эти интересы противоречили друг другу, противоречили интересам страны и противоречили интересам армии и победы — но никто не организует государственного переворота под влиянием плохого пищеварения. Заговор был организован по лучшим традициям 18-го века, и основная ошибка декабристов была избегнута: декабристы сделали оплошность — вызвали на Сенатскую площадь м а с с у. Большевистский историк проф. Покровский скорбно отмечает, что императора Николая I "спас мужик в гвардейском мундире". И он так же скорбно говорит, что появление солдатского караула могло спасти и императора Павла I. Основная стратегическая задача переворота заключалась в том, чтобы изолировать государя императора и от армии, и от "массы", что и проделал ген. М. Алексеев. Самую основную роль в этом перевороте сыграл А. Гучков. Его техническим исполнителем был ген. М. Алексеев, а М. Родзянко играл роль, так сказать, слона на побегушках. Левые при всем этом были а б с о л ю т н о ни при чем. И только после отречения государя императора они кое-как, постепенно, пришли в действие: Милюков, Керенский, совдепы и, наконец, Ленин — по тем же, приблизительно, законам, по каким развивается настоящая революция. Но это пришло позже — в апреле-мае 1917 года. В феврале же был переворот, организованный, как об этом сказали бы члены СБОНРа или Лиги, "помещиками, фабрикантами и генералами". Так что, если члены СБОНРа или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий, клянутся великими принципами Февраля, то они клянутся принципами "помещиков, фабрикантов и генералов". По всей вероятности, ни о чем этом члены СБОНРа или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий и понятия не имеют.

Таким образом, символика Февраля с потрясающей степенью точности повторяет символику Петра I. Правые, которые сделали революцию, признаться в этом не могут никак. Именно поэтому правая публицистика эмиграции ищет виновников Февраля в англичанах, немцах, евреях, масонах, японцах, цыганах, йогах, бушменах, и нечистой силе и в деятельности темных сил, ибо, как признаться в том, что "темными силами" были как раз помещики, фабриканты и генералы? Не могут об этом говорить и левые — ибо что тогда останется от н а р о д н о й революции? От великих завоеваний Февраля? И от "восстания масс против проклятого старого режима"? Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка государя императора о предательстве и прочем относится именно к их среде, левым очень трудно признаваться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще ни от какой "революции", а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правящего слоя.

Таким образом, фальшивка Февраля декорируется с двух сторон: левые пытаются все свалить на народ, правые — на народ, обманутый левыми.

Как будет п о к а з а н о дальше, никакой "народ" н и к а к о г о участия в Феврале не принимал. Но кое-какие массы принимали кое-какое участие в "углублении Февраля" — а что им оставалось делать?

Если мы ч е с т н о продумаем нашу внутреннюю историю петербургского периода, то мы увидим, что красной и к р о в а в о й нитью проходит через нее ц а р е у б и й с т в о. Говоря несколько символически — от царевича Алексея Петровича до царевича Алексея Николаевича. Все цареубийства, кроме цареубийства 1 марта 1881 года, были организованы з н а т ь ю. И даже убийство царя-освободителя находится под некоторым вопросом: в самом деле, почему не смогли сохранить? Может быть, не очень хотели? Жалкая кучка изуверов организует с е м ь покушений, и весь аппарат империи никак не может с этой кучкой справиться.

В самом деле — почему? Как бы то там ни было, место, занимавшееся русскими государями, было с а м ы м о п а с н ы м местом в мире. И если Алексей Петрович, Иоанн Антонович, Петр III, Павел I, Александр II и Николай II погибли от руки убийц, то ведь Николай I и Александр III спаслись только случайно. Восшествие на российский престол почти равнялось самоубийству. Дело заключалось в том, что петербургская империя строилась как империя крепостническая, и Петербург был необходим как штаб, который мог бы держать монархию в п л е н у, изолировав ее от страны, от нации, от м а с с ы и непрерывно держа носителей верховной власти под дулом цареубийства. Так было с Алексеем Петровичем и так же случилось с Николаем Александровичем. Санкт-Петербург был построен и м е н н о д л я э т о г о.

Русская знать стояла накануне полной экономической к а т а с т р о ф ы точно так же, как перед Петром I она стояла накануне катастрофы политической. В предвоенные годы дворянское землевладение теряло до трех миллионов десятин в год. Задолженность дворянского землевладения государству достигла чудовищной суммы в три миллиарда рублей. Если эту сумму перевести хотя бы на цену фунта мяса (около двугривенного в России тогда и около доллара в США сейчас), то она будет равняться 12—15 миллиардам долларов. Два или три "плана Маршалла" вместе взятых. Покрыть эту задолженность дворянство не имело н и к а к о й возможности — оно стояло перед полным банкротством.

Низовое и среднее дворянство давно примирилось с судьбою. Оно, по существу, возвращалось в старое положение московского служилого слоя. Оно заполняло администрацию, армию, свободные профессии, а в очень слабой степени шло и в промышленность. Если, по словам алдановского профессора Муравьева, Александр II отнял у дворянства половину его состояния, то столыпинские реформы отнимали и вторую. Для дворянской м а с с ы это уже не было угрозой: она служила, работала, и ее "поместья" были только или "подсобным предприятием", или — еще проще — дачей. Для нашего "вельможества" столыпинская реформа была началом окончательного конца. Такие дворяне, как А. Кони или Л. Толстой, или Д. Менделеев, или даже А. Керенский, шли в "профессию", которая иногда оплачивалась очень высоко, но которая никак не могла оплатить ни дворцов, ни яхт, ни вилл в Ницце, ни даже яхтклуба в Петербурге. Это было к а т а с т р о ф о й, отсюда и та травля, которой подвергался П. А. Столыпин со стороны Совета объединенного дворянства. Супругу министра П. А. Столыпина в "салонах" н е п р и н и м а л и.

Основной пружиной заговора был, однако, А. И. Гучков. Для этого у него были свои основания, и эти основания категорически и непримиримо расходились с мотивами аристократической группы.

После П. А. Столыпина А. И. Гучков был, конечно, с а м ы м к р у п н ы м человеком России. В его патриотизме не может быть никаких сомнений, но ведь "патриотами" были и французские якобинцы, "патриотами" называют себя наши ленинцы и сталинцы, чекисты и энкаведисты, так что этот термин почти ничего не говорит. Пока был жив П. А. Столыпин, А. И. Гучков со всей своей силой поддерживал и П. А. Столыпина и правительство вообще. Со смертью Столыпина А. И. Гучков перешел в оппозицию.

А. И. Гучков был представителем чисто русского промышленного капитала, который хотел и который имел право, по крайней мере, на участие в управлении страной. В этом п р а в е придворная клика ему отказывала. Об этой клике А. С. Суворин писал: "У нас нет правящих классов. Придворные — даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то с б р о д" ("Дневник", стр. 25).

Этот "сброд", проживавший свои последние, самые последние закладные, стоял на дороге Гучковым, Рябушинским, Стахеевым, Морозовым — людям, которые д е л а л и русское хозяйство, которые строили молодую русскую промышленность, которые у м е л и р а б о т а т ь и которые знали Россию. От их имени А. И. Гучков начал свой штурм власти. Власть для него персонифицировалась в лице государя императора, к которому он питал нечто вроде личной ненависти. Во всяком случае, высочайший прием А. И. Гучкова как председателя Государственной думы был очень холоден. В Петербурге рассказывали, что, отметая претензии А. И. Гучкова на министерский пост, государь император якобы сказал:

"Ну, еще и этот купчишка лезет". Фраза в устах государя императора очень мало правдоподобная. Но — фраза, очень точно передающая настроения "правящих сфер": если уж и П. А. Столыпин был неприемлем как "мелкопоместный", то что уж говорить об А. И. Гучкове? Лучшего премьер-министра в России не было. Но для того, чтобы назначить А. И. Гучкова премьер-министром, государю императору пришлось бы действовать в стиле Иоанна Грозного. Стиль Иоанна Грозного исторически себя не оправдал: его результатом было, в частности, и Смутное время.

Предреволюционная Россия находилась в *социальном* тупике — не хозяйственном, даже и не политическом, а социальном. Новые слои, энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом.

Л. Тихомиров был прав: бюрократия поставила под угрозу даже и боеспособность армии. Может быть, лучше было бы сказать точнее, не боеспособность личную, а боеспособность техническую. Блестящие традиции Суворова, Потемкина, Кутузова и Скобелева были заменены прусской муштрой, против которой так яростно восставал М. Скобелев — последний из "стаи славных". Дольше всего эта блестящая традиция сохранилась в нашей кавказской армии, где даже и во времена Николая I солдат называл своего офицера по имени и отчеству и где солдат и офицер были боевыми товарищами — младшими и старшими, но все же товарищами. Эта традиция была заменена прусско-остзейской. Целый и длинный ряд социальных причин привел к тому, что если Россия, взятая в целом, дала миру ряд людей самой, так сказать, первейшей величины и дала их *во всех* областях человеческого творчества, то самый важный участок — армия — был обнажен. Как ни плоха была старая бюрократия, но даже и из ее среды государи могли подобрать таких людей, как В. Коковцов, Н. Сазонов, не говоря уже о П. Столыпине. На верхах армии была *дыра*. После каждых крупных маневров производились массовые чистки генералитета. Сам чин генерала в дореволюционной России приобрел, с легкой руки Ф. Достоевского, иственно иронический характер. Но делать было нечего, людей не было, и после странной генеральской чистки, произведенной вел. кн. Николаем Николаевичем в начале войны, обнаружилось, что на место вычищенных поставить некого.

Генерал М. Алексеев был типичным генералом не от инфантерии, не от кавалерии и не от артиллерии, а от бюрократии. Генерал-канцелярист.

Другой генерал — А. Мосолов, придворный дипломатический генерал, пишет о Ставке так: "Окружение царя в Ставке производило впечатление тусклости, безволия, апатии и преступной примиренности с возможными катастрофами".

И тут же ген. А. Мосолов прибавляет поистине *страшный* штрих: "Честные люди уходили, и их заменяли эгоисты, раньше всего думавшие о собственном интересе".

Таков подбор "кадров", сделанных ген. М. Алексеевым. Из каких соображений пошел он на приманку государственного переворота?

Аристократия и буржуазия имели совершенно ясные и классовые мотивы. Какие мотивы могли быть у ген. М. Алексеева? Об этом можно только гадать.

ЧТО ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Прежде чем ответить на вопрос, была в феврале 1917 года революция или никакой революции не было, нужно установить, что, собственно, есть революция? Термин — неясен и неточен. Само собою разумеется, что "революция в науке" или "революция в технике" не то же самое, что революция в государстве. Но и в государстве революции бывают разные. Дворцовый переворот тоже можно назвать революцией. Можно назвать революцией и народное восстание. Было ли пугачевское восстание революцией или не было? Было ли революцией восстание североамериканских подданных Великобритании против их метрополии? Условимся так: революция есть широкое, народное и насильственное движение, направленное к свержению или, по крайней мере, к изменению существующего государственного и социального строя. *С этой* точки зрения настоящими революциями были и Великая французская революция, и русская революция 1905 года.

Сейчас, почти полвека спустя, русскую революцию 1905 года мы *обязаны* оценить со всей доступной нам степенью объективности — совершенно независимо от того, нравится ли она нам или не нравится. Революция 1905 года была народной, была массовой и была насильственной. Как и во всякой революции, ее участники ставили себе разные цели, шли разными путями и называли разные вещи одним и тем же именем и одни и те же вещи — разными именами. Крестьянские восстания ("беспорядки") охватили почти всю Европейскую Россию; они были направлены против дворянства, но они не были направлены против монархии. Военные восстания — бунт на броненосце "Потемкин", захват революционерами Кронштадта (26 и 27 октября Кронштадт был во власти революционеров), вооруженное восстание Черноморского флота 14 ноября (главный "герой" — лейтенант Шмидт), вооруженное восстание в Москве, начатое 2 декабря Ростовским полком, Пресненское восстание в Москве (бои за Пресню длились *десять* дней), вооруженные восстания в Горловке, Новороссийске, в Туркестане, на Кавказе и пр. и, наконец, всеобщая забастовка, на три дня совершенно парализовавшая весь транспорт, всю промышленность, весь административный аппарат, все это проходило под лозунгом "Долой самодержавие!" Но под этим лозунгом разные люди и разные партии понимали *разные* вещи. Так, например, даже пресловутого лейтенанта Шмидта советская история называет "буржуазным демократом", что эквивалентно эмигрантскому термину "разлагатель".

Таким образом, в 1905 году в России была настоящая революция — массовая, народная и насильственная. Вину в этой революции не следует сваливать ни на чьи частнособственнические плечи: это было *историческое* явление, в котором желания и цели отдельных лиц так перекрещивались, что... получалось глупо, как глупо получается со *всякой* революцией в мире и истории. Революции 1917 года очень симпатизировал еврейский банкирский дом Якова Шифа в США, и после революции Яков Шиф и Павел Милюков обменялись восторженными телеграммами. Яков Шиф, как и всякий еврей того времени, был, конечно, настроен против самодержавия, однако его симпатии к русской революции были вызваны не столько русофобством, сколько германофильством. До сих пор остается неизвестным, действительно ли Яков Шиф "финансировал" революцию 1917 года, и если да, то кому он давал деньги. Но если он их и давал, то в конечном или еще неконечном счете, для того, чтобы на тучной почве русской революции вырастить Адольфа Гитлера. Так что деньги если и были вложены, были вложены не совсем туда, куда следовало. Несколько умнее поступили другие евреи. В числе прочих факторов, способствовавших разгрому революции 1905 года, был заем в 800 миллионов рублей, который дом Ротшильда устроил для России. Еврейская революционная и шовинистическая пресса — есть ведь и еврейский шовинизм — предала дом Ротшильда анафеме, что не помешало ему существовать и до сих пор.

Революционное движение 1905 года было *лоскутным* — как всякое революционное движение в мире и истории. Крестьянство воевало против помещиков. Пролетариат ставил во главу угла социально-экономические требования. И крестьянство, и пролетариат действовали *бесцельно* — ибо то же самое "самодержавие", которое они якобы пытались "свергать", делало все, что находилось в пределах данных историко-экономических условий — для того, чтобы удовлетворить *законные* требования и крестьянства, и пролетариата. Солдатская и матросская масса восставала против остзейской дисциплины. Интеллигенция — главным образом во имя собственной власти или, по крайней мере, участия во власти. Причем в 1905 году, как и в 1917-м, цели разных групп интеллигенции были абсолютно несовместимы: Милюков — с одной стороны и Ленин — с другой. Однако разница между событиями 1905 года и "революцией" 1917-го была *огромной*. По самому глубинному своему существу революция 1905 года была все-таки революцией *патриотической* — при всем безобразии ее внешних форм. Россия ДО 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя, строя, который "самодержавие" медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к ликвидации и без всякой революции. Не надо забывать: Россия того времени была единственной из культурных стран мира, в которой не существовало никакого народного представительства, в которой существовала предварительная цензура печати, паспортная система, чисто сословная администрация и неполноправная масса крестьянства. Социально-административный строй России был *отсталым* строем. Это положение никак не касается монархического принципа вообще, ибо монархии, как и генералы, "бывают разные". Сейчас, например, существует английская социалистическая монархия, чем она кончится, еще неизвестно. В России до 1905 года существовала монархия, "ограниченная цареубийством" и *сдавленная* пережитками крепостничества. Государь император Николай II был, несомненно, лично *выдающимся* человеком, но "самодержавным" он, конечно, не был. Он был в плену. Или, как еще резче выражается генерал А. Мосолов: "в тюрьме", так же, как и его предок император Павел I. Его возможности были весьма ограниченными — несмотря на его "неограниченную" власть. И если при императоре Николае I Россией правили "сто тысяч столоначальников", то при императоре Николае II их было триста тысяч. *Правили нацией*, по существу, *они*. По существу, страна боролась против *них*. Но против них же, правда, в других формах, боролось и "самодержавие". Таким образом, обе линии совпадали: линия монархии и линия нации. И все шло более или менее гладко до военных катастроф японской войны.

Очень было бы полезно вспомнить тот факт, что "общественное движение" времен войны началось со *студенческой* демонстрации к Зимнему дворцу с пением "Боже, царя храни" (см. акад. Ольденбург, стр. 233). Страна была охвачена патриотическим подъемом. Потом он стал гаснуть. Ни одной победы. Сплошные поражения, закончившиеся гибелью всего флота при Цусиме, поражением при Мукдене и сдачей Порт-Артура. Нация, исключительно талантливая, энергичная и боеспособная, начала искать виновников. И если неудачи Крымской кампании имели удовлетворительное объяснение: против России выступали такие первоклассные европейские государства, как Франция и Англия и после еще и Турция; если турецкая война оставила в нации все-таки очень горький осадок, то японская война была страшным ударом по националь-

ному самолюбию. В самом деле, даже с "япошками", и с теми не можем справиться! Целый ряд поражений заканчивается Цусимой — гибелью *всего* русского флота при почти полном отсутствии потерь в японском. Сдача Порт-Артура и первый раз в новой истории мира — разгром европейского государства азиатским противником.

Банальное объяснение провала революции 1905 года говорит о том, что революция была ликвидирована "уступками" манифеста 17 октября. Люди вообще склонны к самым банальным — вот, вроде немецкого "дольхштосса", в очень вольном русском переводе: "нож в спину революции". Германия 1930 годов была твердо убеждена в том, что в первую мировую войну ее армии оставались непобедимыми и что победу сорвала революция, давшая в спину армии "дольхштосс"

Революция 1905—1906 годов не была "замазана уступками", а подавлена *вооруженным путем*. Если бы в эти годы Риманы и Мины, Свердловы и Дубасовы действовали так же, как в 1917 году действовали Алексеевы и Брусиловы, Рузские и Хабаловы, то тысяча девятьсот семнадцатый год мы имели бы в тысяча девятьсот пятом. Но в 1905 году правящий слой еще не имел в своем прошлом столыпинской реформы, а перед его будущим еще не стояла перспектива полного банкротства. Поэтому в 1905 году правящий слой поддержал монархию, а в 1917 году изменил ей. В феврале 1917 года *никакой* революции не было: был бабий хлебный бунт, и генерал Хабалов вопреки прямому повелению государя отказался его подавить. Генерал Хабалов, видите ли, боялся пролития крови. Это, так сказать, биологическое чудо: генерал, боящийся пролития крови. Революция началась в марте и стала "углубляться" решительно по той же схеме, по какой углублялась Великая французская революция. С той только разницей, что наши якобинцы оказались гораздо серьезнее французских.

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Итак, *настоящая* революция 1905—1906 годов была подавлена. Не замазана уступками, а подавлена вооруженной силой. 1905 год дал России конституцию. Но ни революция, ни конституция не решили ничего, почти ничего не улучшили, и весь исторический ход дальнейшей русской жизни привел, собственно говоря, только к одному: к предельному обнажению ее "трагических противоречий".

Формулировка о "трагических противоречиях" принадлежит не мне. С. Ольденбург (стр. 10) пишет о государе императоре: "Новый порядок вещей во многом не соответствовал его идеалам, но государь сознательно остановился на нем в долгом и мучительном искании выхода из *трагических противоречий* русской жизни".

Основное из этих трагических противоречий заключалось в том, что в начале XX века в стране продолжал существовать совершенно ясно выраженный *сословный* строй. Что в это же время основная масса населения страны — ее крестьянство — было неполноправным ни экономически, ни политически, ни в бытовом, ни, тем более, в административном отношении. Законопроект о крестьянском равноправии был внесен в законодательные палаты еще П. А. Столыпиным. Государственный Совет кромсал и откладывал этот законопроект как только мог, и только осенью 1916 года, то есть совсем уже накануне революции, этот проект попал на рассмотрение Государственной думы, да так и остался не рассмотренным... и до сих пор (С. Ольденбург, стр. 180). Это положение я сформулировал много лет тому назад в "Тезисах штабс-капитанского движения" (стр. 9): "Гений русского народа был зажат в железные тиски крепостничества и тех его пережитков, которые существовали до 1917 года".

"Пережитки крепостничества в той форме, в какой они сохранились до 1917 года, сводились в самом основном к тому, что дворянство сохранило за собой почти полную монополию управления государством — и не только на верхах, но и на низах. Министрами могли быть и были только дворяне, губернаторами — тоже, земскими начальниками — тоже. Земскими самоуправлениями по закону и "по должности" заведовали уездные и губернские предводители дворянства. Крестьянская масса, неравноправная ни экономически, ни политически, ни даже в области гражданского права, была целиком отдана под дворянскую опеку. Эта масса рассматривала дворянство как своего наследного противника, с которым она вела то партизанскую войну за выгоны, перегоны, угодья, аренды и прочее, то подымалась пугачевщиной или "беспорядками". Земство эта масса рассматривала как дворянское предприятие, и только в северных губерниях, где дворянства почти не было, земство попало в крестьянские руки и дало блестящие результаты, например, Вятское земство. Словом, дворянство удержало свою опеку надо всей страной.

Можно спорить о том, была ли эта опека благодетельна или губительна. Было и так, и так. Русский суд, собственно, исключительно дворянский, был вне всякого сомнения "лучшим в мире", причем между лучшим в мире русским судом и "вторым местом" в этой области был *зияющий* прорыв: уже "второе место" в сравнении с этим чисто дворянским русским судом не выдерживало *никакого* сравнения. Командный состав армии, откуда дворянство ушло прежде всего или начало уходить, был совершеннейшей *катастрофой*. Правительство — исключительно дворянское — при всех своих недостатках было *абсолютно неподкупным*. Знать, вращавшаяся около правительства

и "сфер", старалась воровать как только можно. Бар. Дельвиг в своих воспоминаниях о железнодорожных концессиях, которые получили представители знати, сейчас же перепродавшие эти концессии иностранцам, в результате каковых операций "чистый доход" и без всякого приложения каких бы то ни было усилий составлял десятки миллионов тогдашних золотых рублей. Если вы удосужитесь перечитать воспоминания ген. Мосолова, или Бьюкенена, или Палеолога, то вас, вероятно, поразит ощущение безмерных богатств, которые водопадами бриллиантов и жемчугов сверкали на петербургских приемах и балах, но это было призрачное богатство, его экономическая база уже не существовала. И наряду с этими водопадами рядовой русский офицер, по словам ген. П. Краснова, "если не всегда голодал, то недоедал всегда", а ведь это было в довоенной России! Быт этого офицерства я лично знал потому, что вырос в таких гарнизонных городах, как Гродно, Вильно, Минск, — быт был *ужасающий*. Но в пределах этого быта шли "противоречия". Русская артиллерия была, конечно, лучшая в мире. Русские артиллерийские офицеры ставили русские казенные заводы так, как по тем временам не был поставлен ни один завод в мире, может быть, за исключением цейссовского *кооперативного* предприятия (заводы Цейсса были построены на наследственно кооперативных началах). Так что и тут получается чрезвычайно странное положение: на человеческой базе вот этих самых артиллерийских офицеров можно было бы построить "настоящий социализм". То есть и в самом деле полное огосударствление средств производства. В то же время интендантство воровало, как последний карманный вор. Причем воровство это шло — как в японскую войну — "на счет русской крови".

Морис Палеолог, французский посол в Петербурге в предреволюционные годы, был очень внимательным наблюдателем. Не обходится, конечно, и без некоторой "клюквы", касающейся главным образом двух вещей — государыни императрицы и "охранки". Государыня императрица, по мнению, почерпнутому из "салонов", была "мистически предана" Распутину, а о гемофилии наследника цесаревича и о гипнотическом лечении Распутина в воспоминаниях не сказано ни слова. Что же касается "этой ужасной охранки", то в представлении М. Палеолога она была чем-то вроде ГПУ — могла расстреливать любого гражданина страны, да так, что и родные ничего об этом не знали. Что делать, без "клюквы" не обходится ни один иностранный наблюдатель и очень многие русские наблюдатели.

М. Палеолог пишет еще об одном противоречии: "общем невежестве русского народа", с одной стороны, и его "элите" — с другой. Он пишет о некультурной и отсталой массе и об элите "блестящей, активной, плодотворной и сильной": "нигде больше в мире экспериментальные и положительные науки не представлены так достойно, как в России... И я даже рискую сказать, что Павлов и Менделеев — это такие же величины, как Клод Бернар и Лавуазье", — со стороны француза это, конечно, высший комплимент. Список имен этой элиты занимает у Палеолога *две страницы*, причем, часть этих людей он знал *лично*. На свои приемы он приглашал не только представителей династии, правительства и дипломатии, но также и представителей промышленности и науки. Палеолог как посол Франции смертельно боялся русской революции, ибо революция в России означала бы переброску всех или почти всех германских сил на западный фронт, что впоследствии и случилось. Он уже в то время отметил и Стравинского, и Прокофьева, но "мужик" в его представлении очень недалеко ушел от троглодита.

Итак: с одной стороны — Павлов и Менделеев, Толстой и Врубель и с другой — "мужики", которые ставят свечки то ли перед образом Святого Григория — в память убитого Распутина, то ли перед образом Святого Дмитрия — в память убийц Распутина. Но само собой разумеется, что при всей своей наблюдательности русского мужика М. Палеолог просто видеть не мог.

Сословный строй был дан России *исторически*, и очень немного в мире стран, которые без этого строя обошлись. Строй умирал, но еще не умер. Я как-то иронически писал, что русское дворянство разделилось на две части: дворянство кающееся и дворянство секущее. *Политически* это точно. Но вне политики существовала и третья разновидность дворянства — дворянство *работающее*. На судьбы России оно, к сожалению, не оказало *никакого* влияния. Ф. Кони — в области суда, Л. Толстой — в области литературы, Дягилев — в балете, Станиславский — в театре, Ипатьев — в химии и прочие, каждый в своей области ставили *мировой* рекорд, и рекорд в большинстве случаев неоспоримый. О русском народе М. Горький сказал: "Народ талантливых чудаков". О чудаках можно спорить, о талантливости, пожалуй, не стоит. Русское дворянство было по-русски талантливо и, кроме того, оно имело, так сказать, экономический досуг для того, чтобы овладеть всей современной культурой", по крайней мере, та часть дворянства, которая этого хотела.

И если мне, например, пришлось зазубрить иностранные языки по Туссену и Лангеншейдту — отчего я и до сих пор, зная три иностранных языка, ни на одном из них не могу говорить совершенно свободно, то Герцены и прочие получали это *автоматически* — от гувернанток. Они не знали заботы о завтрашнем дне и могли зани-

маться Гегелем, сколько им было угодно, жаль, что они занимались именно Гегелем. Как бы то ни было, были накоплены огромные культурные ценности, которые и потеряны сейчас почти бесповоротно. Радоваться этим потерям было бы совершеннейшей бессмыслицей.

Так что правящее сословие страны разделилось на три части: одна — аполитичная — пошла на работу, она, конечно, составляла ничтожное меньшинство, как и всякая умственная элита в мире. Остальное дворянство разделилось на кающееся и секущее — на революцию и реакцию — почти без всякого промежуточного звена.

Так вот: земство. Если отстранить дворянство от его ведущей роли в этом земстве, то земство попадает или в некультурные руки крестьянства, или в революционные руки интеллигенции. Если дать дворянству ведущую роль — совершенно неминуема оппозиция крестьянства. Администрация: если сломать дворянскую монополию — значит, нужно открыть двери или купечеству, у которого достаточных административных кадров еще нет, или разночинной интеллигенции, которая начнет "свергать". Если оставить эту монополию, то купечество и интеллигенция пойдут в революцию, как это и случилось на самом деле. И так плохо, и так нехорошо. Скорострельного выхода из положения *не было вообще*. По крайней мере, государственного разумного выхода.

На это основное противоречие наслаивались десятки и десятки других. Финляндия была практически независимой страной, и в том же 1916 году в Государственной думе еще рассматривался закон о *равноправии* русских в Финляндии — хороши "завоеватели". Хива и Бухара управлялись своими ханами и эмирами по своему адату и шариату. Но Грузия не имела никакого национального управления. И было совершенно неизвестно, как его организовать в кавказских условиях. В Прибалтике шел процесс детерманизации Эстонии и Латвии, но шел и процесс русификации — не очень уж насильственной, но ненужной и раздражающей. От западнорусских губерний России в Государственный Совет попадали исключительно польские магнаты (см. ниже), но преподавание польского языка и литературы было запрещено. Перед самой революцией Государственный Совет зарезал законопроект, предусматривавший польский язык в суде и администрации Царства Польского. Еврейская беднота, — а еврейская беднота в черте оседлости была ужасающей, — была сжата всякими ограничениями, а еврей-банкир Манус — личность в лучшем случае весьма подозрительная — имел свободный доступ в великокняжеские салоны.

"Трагические противоречия русской жизни" иногда принимали характер форменной нелепости. Польша, наконец, разгромлена и побеждена. В Государственной думе польское "коло" держится спаянно и особняком. При почти равенстве сил между правым и левым блоками польское "коло" получает решающее значение и может решать судьбу империи. Затевается нелепый процесс Бейлиса, который кончается его оправданием, но который производит во всем мире совершенно скандальное впечатление. Государственный Совет из чистого желания насолить П. А. Столыпину проваливает его проект модернизации петербургской полиции и вооружения ее броневиками. И в феврале 1917 года петроградская полиция имеет на вооружении револьверы и "селедки", так в свое время назывались те сабли, которыми были вооружены наши многострадальные городовые. Единственная "реформа", которая удается П. А. Столыпину, — это реформа Государственной думы — закон 3 июня. Путем всяческого законодательного и административного нажима создается народное представительство, которое хоть как-то может работать. Организовано оно отвратительно — и технически, и политически. Саша Черный писал:

Середина мая — и деревья голы,
Точно Третья дума делала весну...

До войны почти единственным светлым пятном была недолгая деятельность П. А. Столыпина. В эмиграции очень склонны преувеличивать значение его реформ. По существу, кроме "третьеиюньской" Думы, почти никаких реформ не было: основная реформа — закон о "столыпинском мужике" — была только началом: до войны на отруба и прочее перешло только *восемь* процентов крестьянского землевладения. Все остальные попытки П. А. Столыпина были похоронены Государственным Советом. Особенный *принципиальный* интерес представляет проект о выборах в Государственный Совет от западных губерний. Право на участие в выборах имели только крупнейшие помещики. В девяти западных губерниях крупнейшими помещиками были поляки. От девяти западных губерний с их 2—3% польского населения в Государственный Совет попали исключительно поляки. П. А. Столыпин предложил снизить ценз. Правые протестовали с классовой точки зрения — это-де "создаст нежелательный прецедент для остальных губерний", то есть поставили классовую точку зрения выше национальной. Левые были против из соображений интернационализма, то есть поставили национальный принцип выше классового, но *не русский* национальный принцип. Этот законопроект чуть не привел к отставке П. А. Столыпина — отставке, которая все равно уже была предрешена, — П. А. Столыпин выступал и против правых, и против левых, и государю императору оставалось или распустить *обе* законодательные палаты, или отказаться от П. А.

Столыпина. Пуля М. Богрова внесла автоматическое решение в этот вопрос, но оставила корабль русской государственности в том трагическом положении, о котором так красочно и так безнадежно писал Л. Тихомиров. И вот в этом трагическом положении, в переплете "трагических противоречий" невооруженная Россия вступила в войну с до зубов вооруженной Германией.

ВОЙНА

Культурно и экономически предвоенная Россия росла невероятными темпами. Но "трагические противоречия" — оставались. В первую мировую войну Россия вступила в обстановке этих противоречий, при разложившемся правящем слое, при крайней неудовлетворительности командования вооруженными силами, при недостатке вооружения, при незаконченном раскрепощении крестьянства, при разладе между монархией и верхами, при разладе в среде династии, при наличии парламента для захвата власти — при Пуришкевичах, Шульгиных, Милюковых и Керенских, которые делали *одно и то же дело* и при совершенно *архаичном* административном аппарате.

Статс-секретарь С. Крыжановский — ближайший помощник П. А. Столыпина пишет:

"Основная язва нашего старого бюрократического строя — засилие на верхах власти старцев... Расслабленный старец гр. Сокольский... печальной памяти бессильные старцы Горемыкин, Штюрмер, кн. Голицын. Усталые и телесно, и духовно, люди эти жили далеким прошлым, не способные ни к какому творчеству и порыву и едва ли не ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя" (стр. 46).

И дальше (стр. 205):

"Министры подкапывали друг друга у престола, поносили в обществе... Административный и полицейский фундамент империи остался в архаичном состоянии, совершенно неприспособленном к новым требованиям жизни, и государству пришлось поплатиться за это, когда настали трудные времена".

Бар. Н. Врангель — отец Главнокомандующего — сообщает, собственно, то же самое:

"Между высшим обществом и народом образовалась пропасть, утерялась всякая связь. "Мы" — правительство, немногие его честные слуги и бесчисленные холопы. "Они" — вся остальная Россия..." (стр. 63).

Это все отзывы *правых* людей, людей привилегированного слоя. Не Керенских и не Лениных. Самый правый из русских историков И. Якобий дает еще более *жуткую* картину:

"Помойными ямами были столичные салоны, от которых, по словам государыни, неслись такие отвратительные миазмы... Русский правящий класс и здесь оплевывал самого себя, как слабоумный больной, умирающий на собственном гноище" (стр. 77).

Ген. А. Мосолов свои впечатления суммирует так:

"Мне казалось, что столица объята повальным сумасшествием".

И вот с такими "трагическими противоречиями" и с таким правящим слоем Россия вступила в первую мировую войну. Первая мировая война была намного *страшнее* войны 1812 года. Тогда, в 1812 году, не было никакого вопроса ни о расчленении, ни о колонизации России. Украинский чернозем и прочее в этом роде Наполеону вовсе не был нужен: ему, по существу, нужно было только насильственное включение России в его систему континентальной блокады Англии. Планы Вильгельма были безмерно шире — и расчленение, и порабощение, и колонизация. Впоследствии Адольф Гитлер эти планы значительно "углубил". В 1812 году мы воевали почти против "всей Европы". В 1914-м в союзе почти со "всей Европой". Но в 1812 году наш правящий слой еще не был "слабоумным больным, умирающим на собственном гноище". В 1914-м он уже был истинно слабоумным. Таким он остался и сейчас. И сейчас, вот только что, так сказать, исторически позавчера наша реакция нанесла такой удар по русскому самосознанию, какого за все тридцать лет изгнания еще не было нанесено. Методы — не изменились. И они не изменятся. Поэтому историческая справка о великой фальшивке Февраля имеет совершенно конкретное практическое "судьбоносное" значение.

ЛЕВЫЕ О ФЕВРАЛЕ

Когда мы ищем виновника революции, мы должны по мере возможности четко разграничить два вопроса.

Первый: кто делал революцию?

Второй: кто *сделал* революцию?

Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни *Ф. Достоевский*, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских людей *первого* сорта — при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни, революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта — вроде Горького, историки третьего сорта — вроде Милюкова, адвокаты четвертого сорта — вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с *научной* точки зрения революция неизбежна, революция желательна, революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных профессоров. Жаль,

что на Красной площади, рядом с мавзолеем Ильича не стоит памятник "неизвестному профессору". Без массовой поддержки этой профессуры революция не имела бы никакой общественной опоры. Без поддержки придворных кругов она не имела бы никаких шансов. На поддержку придворных и военных кругов наша революция не рассчитывала никак, и вот почему Февраль свалился ей на голову, как манна небесная в пустыне.

М. Палеолог на стр. 298 подытоживает:

"В 1917 году русские социалисты испытали такую же неожиданность, как французские республиканцы в 1848 году. На докладе в Париже 12 марта 1920 года А. Керенский сказал, что его политические друзья собрались у него 10 марта (26 февраля) 1917 года и единогласно решили, что революция в России невозможна. Через два дня после этого царизм был свергнут".

Об этом же собрании сообщает и С. Ольденбург (стр. 243), хотя и в несколько иной редакции:

"Собравшиеся на квартире Керенского представители крайних левых групп приходили к заключению, что "правительство победило".

...Но в тот же день — в день "победы правительства" — 26-го, около четырех часов ночи, произошло весьма серьезное событие:

"4-я рота запасного батальона Павловского полка (в ней было 1500 человек), столпившись на улице около своих казарм, неожиданно открыла беспорядочный огонь по войскам, разгонявшим толпу. (М. Палеолог подчеркивает, что агитация верхов шла именно в Павловском полку. — И.С.). Были спешно вызваны несколько рот соседних полков... Прибыл командир полка, а также полковой священник, чтобы урезонить солдат. Те, отчасти под влиянием увещания, отчасти потому, что были окружены, ушли обратно в казармы и сдали оружие. 19 зачинщиков были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость"... (С. Ольденбург", стр. 243).

Д О   Э Т О Г О — 25 февраля — государь император телеграфировал ген. Хабалову:

"Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в самое тяжелое время войны".

На эту телеграмму утром 26 февраля Хабалов отвечал, что "в столице наблюдается успокоение". На другой день после отречения государя М. Палеолог спросил Горького и Чхеидзе:

"Значит, эта революция была внезапной?" — "Да, совершенно внезапной".

Эту внезапность сам А. Керенский в своей книге передает так:

"Вечером 26 февраля (то есть после провала восстания Павловского полка. — И.С.) у меня собралось информационное бюро социалистических партий. Представитель б о л ь ш е в и к о в Юренев категорически заявил, что нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет, что нужно готовиться к долгому периоду реакции".

Зензинов ("Дело народа" от 25 марта 1917 года) писал:

"Революция ударила, как гром с ясного неба, и застала врасплох не только правительство и Думу, но и существующие общественные организации. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров".

Левый эсер Мстиславский писал еще красочнее:

"Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, — спящими".

С. Мельгунов суммирует все это в "Независимой мысли" (№ 7, стр. 6) так:

"Как бы ни расценивать роль революционных партий, все же остается н е с о м н е н н ы м, что до первого официального дня революции никто не думал о близкой возможности революции".

Большевистская история СССР (стр. 135) излагает все это самым схематическим образом:

"Заговор царизма сводился к тому, чтобы заключить сепаратный мир (??? — *И.С.*) и, распустив Думу, направить главный удар против пролетариата. Заговор царизма против революции встретился с другим заговором, созревшим в кругах империалистической буржуазии и генералитета".

Таким образом, в с е историки, и правые, и левые, и большевистские, и иностранные, сходятся по крайней мере на одном пункте: н а ч а л о революции было положено с п р а в а, а никак не слева. Именно оттуда и зензиновский "гром среди ясного неба". О заговоре "империалистической буржуазии и генералитета" левые по совершенно понятным соображениям знать не могли и не знали. А именно этот заговор был н а ч а л о м революции. Потом, в марте, апреле и т. д. революция двинулась вперед по путям "углубления", с исключительной степенью точности повторяя ход французской революции.

Правые или даже крайне правые историки — И. Якобий, С. Ольденбург, А. Мосолов — глухо, но неоднократно упоминают о "заговоре". О нем же говорят и большевики. О нем же рассказывает — уже более подробно — французский посол. К о н е ч н о, заговор был. Подробности его мы, если узнаем, то очень нескоро. Правые историки стесняются называть вещи своими именами — и людей тоже, левые были не в курсе дела, архивы, попавшие в руки большевиков, подверглись, конечно, весьма основательной чистке. Нет н и к а к о г о сомнения в том, что в   д а л ь н е й ш е м развитии революции огромную роль сыграли те 90 миллионов золотых марок, которые Германия Вильгельма отвалила Ленину и Троцкому. Но об этом постараются промолчать и наследники Ленина, и преемники Вильгельма. Однако при наличии здорового правящего и ведущего слоя ничего не вышло бы ни из заговора, ни из Февраля, ни из Октября. За всеми бесчисленными подробностями событий этого страшного года, этого п о з о р н о г о года и мемуаристы, и историки как-то совершенно упускают из виду самую основную нить событий: борьбу против монарха и справа, и слева, и борьбу, которая велась и с революцией, и реакцией. По самому своему существу 1917 год в невероятно обостренной обстановке повторил историю П. А. Столыпина. П. А. Столыпин был, конечно, человеком исключительного калибра. Но он обессилел в борьбе и с реакцией, и с революцией. Вскрытие его тела показало совершенную изношенность сердца в ее роковой форме. 26 февраля 1917 года государь император пишет государыне:

"Старое сердце дало себя знать. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и мой лоб покрылся каплями пота".

Убийство П. А. Столыпина по самому существу не расследовано и до сих пор. И за всякими показаниями и воспоминаниями люди как-то забыли поставить простой, с а м ы й   п р о с т о й вопрос.

М. Богров, убийца П. А. Столыпина, был тем, что на официальном языке называлось "осведомителем", на языке общественности — "провокатором", на сегодняшнем языке — "сексотом". Такие люди необходимы всякой полиции мира, не только политической, но и уголовной. Это в с е г д а подозрительные люди. Их можно и их нужно утилизировать для информации. Но почему М. Богрова допустили к о х р а н е и П. А. Столыпина, и государя императора? Не нашлось более надежных людей, чем этот осведомитель, провокатор и сексот? Или — при убийстве царя-Освободителя: как могли люди допустить с е м ь покушений со стороны десятка изуверов? Весь аппарат империи не смог справиться с десятком человек? Не могли? Не хотели. Не считали очень уж необходимым. А, может быть, и кое-какое участие принимали?

Целого ряда подробностей мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. Но в самом основном дело с о в е р ш е н н о ясно: в 1916 году был заговор. И люди, которые этот заговор организовали, были или казались себе чрезвычайно дальновидными. По-видимому, первый шаг к технической реализации этого заговора было превращение Петрограда в пороховой погреб.

Окончание следует

Николай Новосильцев

ПОРАЖЕНЕЦ, ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ?..

СЛОВО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ СЧИТАЛ СВОИМ ДРУГОМ

Читая советские публикации, в которых упоминается власовское Движение, поражаешься потокам лжи, которыми поливается все Движение, а главным образом, его руководитель Андрей Андреевич Власов.

Что знают о Власове в Советском Союзе?

Некоторое время тому назад я был в одном американском университете, где очень интеллигентный человек, член Союза писателей СССР, после доклада отвечал на вопросы. На вопрос: "Что вы знаете о Власове?" он ответил: "Я знаю только, что Власов предатель и больше ничего".

И вот, зная, как фальсифицируется история в Советском Союзе, я считаю, что на всех участниках Движения и особенно тех, кто были близки к генералу Власову, лежит долг рассказать правду. Поэтому прошу принять свидетельство человека, который был участником власовского Движения, и, кроме того, был очень близок к Андрею Андреевичу, не как подчиненный, не как служащий учреждения, начальником которого он был, а просто человек.

Я принадлежу к тому поколению русской эмиграции, которое имеет еще корни в России. После окончания гражданской войны мы ушли, но мы не забыли, откуда ушли и несли все время в сердце своем желание служить своему отечеству. И вполне понятно, что когда началась война между гитлеровской Германией и СССР, мы считали, что открывается новая страница истории, решается судьба нашей родины. Мы надеялись и верили, что крушение ненавистного режима приведет к возрождению России, и наша родина вновь выйдет на прерванный исторический путь.

Ко дню встречи с Андреем Андреевичем Власовым у многих из нас сложилось твердое убеждение, что план Гитлера — завоевание России — провалится, так как мечтать о создании колониальной державы в Европе в XX веке мог только маньяк и невежда, каковым Гитлер в сущности и был.

Я приехал в Берлин из Чехословакии. В Праге, где эмигрантов из России было около десяти тысяч человек, я прожил 17 лет моей жизни. Приехав в Берлин, я поселился в гостинице, в которой обитало много русских. Среди них был мой младший товарищ по кадетскому корпусу Александр Степанович Казанцев. Он работал в пропагандном отделе главного командования германской армии. Этот отдел размещался в доме на улице Виктория, в подвале которого за решеткой сидело несколько пленных советских генералов.

Однажды Казанцев рассказал, что туда привезли одного, недавно взятого в плен, советского генерала Власова. Он добавил, что есть надежда, что тот генерал возглавит Российское Освободительное движение. Казанцев мне сказал, что у генерала нет костюма, что его военная форма сильно поистрепалась и попросил меня привезти кое-что из Праги. Общими усилиями мы Андрея Андреевича одели.

Впервые выйдя из-за решетки, Андрей Андреевич пришел к нам в гостиницу. Мы заранее знали об этом и устроили ему встречу с ужином. Моя комната была больше, чем у других, и все собрались у меня. Целый вечер мы просидели, беседовали. Андрею Андреевичу было очень приятно, он в первый раз вышел как бы на волю и несколько раз он повторял: "Друзья мои, как мне хорошо среди вас". Ужин затянулся, и Андрей Андреевич попросил Казанцева устроить так, чтобы он смог остаться у нас ночевать. Казанцев позвонил по телефону в комендатуру и получил разрешение. Мы решили, что Андрей Андреевич будет спать у меня в комнате, потому что мой сожитель был на ночном дежурстве, и его кровать была свободна. Когда мы легли, Андрей Андреевич сказал: "Не туши свет, будем разговаривать". И мы пробеседовали до утра.

Годы войны были наполнены исключительными переживаниями, надеждой, верой, горечью неудач. Но в жизни каждого человека бывают особые переживания, которые остаются неизгладимо в памяти, до мельчайших подробностей, навсегда. Такими переживаниями были мои беседы с Власовым, ярко запечатлевшиеся в моем сознании.

Была поздняя осень 1942 года. Тогда Андрея

Андреевича Власова еще никто не знал. Выйдя из лагеря пленных, не зная немецкого языка, будучи совершенно одиноким, он тянулся к людям, и, видя то радушное, душевное отношение, которое встретил у нас, он сблизился с нами. Андрей Андреевич часто приходил в наш пансионат побеседовать с нами. А так как из всех людей, познакомившихся с ним, я больше всех имел свободного времени, то чаще всего он бывал со мной. Мы гуляли по Берлину, ходили в рестораны, принадлежавшие русским эмигрантам, где мы могли съесть нечто, похожее на борщ, и все время беседовали на одну и ту же тему. Мы говорили только о России.

Я постараюсь обобщить то, что говорилось, чтобы было ясным, каким был истинный облик Андрея Андреевича. Я считаю себя вправе рассказывать об Андрее Андреевиче, потому что всегда, до последнего момента, до нашей последней встречи, когда уже все рушилось, Андрей Андреевич неизменно тепло, дружески относился ко мне.

Всегда, когда мы встречались с новыми людьми, Андрей Андреевич, показывая на Казанцева или на меня, говорил с улыбкой: "Вот мои первые друзья". А про меня иногда добавлял: "Ему никогда не забуду мою первую чистую рубашку в Европе".

Андрей Андреевич Власов родился 1 сентября 1900 года в семье крестьянина села Ломакино Нижегородской губернии. Дед его был крепостным. Отец Власова хотел дать сыну образование, и благодаря тому, что он был в свое время сверхсрочным унтер-офицером первой гвардейской кирасирской дивизии, сын его Андрей получил стипендию в духовной семинарии, которую потом и окончил. В 1918 году он поступил на агрономический факультет Нижегородского университета. Весной 1919 года его призвали в армию. Начинается военная жизнь, которую Власов впоследствии очень полюбил. От солдата до полковника поднялся он за двадцать лет своей службы. После того, как он вернулся из Китая, где был начальником штаба советской военно-дипломатической миссии, в ноябре 1939 года он назначается командиром 99-й стрелковой дивизии РККА, одной из самых отсталых дивизий Киевского военного округа. Через год после принятия командования Власовым эта дивизия, после маневров Киевского военного округа, объявляется лучшей дивизией Красной армии. Как командир передовой дивизии Власов приобретает в военных кругах всесоюзную известность. В начале 1941 года Власов произведен в генерал-майоры и назначен командиром 4-го мотомеханизированного корпуса. На этом посту его застает Вторая мировая война. Корпус Власова оказался чуть ли не единственным соединением Красной армии, который не был разбит немцами в начале их наступления на СССР. Маршал Буденный вызвал генерала Власова в Киев и возложил на него обязанности командующего 37-й армией и начальника Киевского гарнизона. В конце 1941 года Власов командует 20-й армией. Эта армия под его командованием участвует в спасении Москвы, наносит первые поражения немцам и отбрасывает их до Ржева. За эту победу Власов произведен в генерал-лейтенанты и получает новое назначение — заместителем командующего Волховским фронтом, с заданием освободить осажденный Ленинград. Когда 2-я Ударная армия погибала в болотах и лесах под Ленинградом, генерал Власов полетел в окруженную армию. Долгая и безнадежная борьба окруженной армии, не получившей никакой помощи от верховного командования, велась в нечеловеческих условиях и закончилась ее разгромом.

Такой была военная карьера в Красной армии этого талантливого военачальника. И не напрасно Власов говорил: "Меня режим не обидел". Его слова подтверждает и следующее заявление одного крупного западного политика: "Этот человек — Власов — был на очень высоком счету в Кремле".

Говорят, что во времена татарского ига наши предки молились так: "Помили, Господи, переменить орду".

Что это значит? Это значит, что они мечтали и надеялись, что новая орда облегчит их жизнь. Но не так думал Власов. Он не думал о перемене сталинской деспотии на орду немецкую, его мысли были другого порядка.

Какие же соображения были у Власова? Как он хотел использовать течение событий для реализации своего плана? Где истоки его размышлений, приведшие его к отрицанию советской идеологии? Об этом дальше и будет речь.

Для меня же лично самое главное, что совершенно очевидно, что во всем — в мыслях и в действиях — Власов руководствовался велением долга, как человек, любящий свой народ.

В первый раз у Власова появилась мысль об использовании возможностей, которые давала война СССР с Германией, для действий, направленных на свержение советской власти и возрождение России в то время, когда он один, всеми оставленный, скрывался в лесной сторожке около деревни Пятница Новгородской области. Ему уже тогда стало очевидно, что Германия выиграть войну не может; завоевать Россию с ее огромными пространствами и ее народом не под силу немцам. Доказательство тому он видел в истории государства Российского. Кроме того, опыт, приобретенный в Китае, ему подсказывал, что Германия, как и Япония в Китае, завязнет в России. И поэтому нет ничего удивительного, что когда в нашей первой ночной беседе с Власовым на во-

рос его: “Ты веришь в победу Германии?” я ответил: “Нет, не верю”, Власов такому ответу не удивился и сказал лишь: “Правильно, тем лучше для нас”.

Вполне естествен вопрос: когда и почему человек, не пострадавший от режима, становится врагом официальной идеологии или, как теперь принято говорить, превращается в антисоветчика?

Все то, что говорил мне Андрей Андреевич, целиком совпадает с тем, что я услышал от сотен людей, с которыми мне пришлось разговаривать после окончания войны, когда совершался второй великий из нашей родины исход сотен тысяч людей, не желавших возвращаться в Советский Союз. В Германии, после окончания войны, я присутствовал при разговоре полковника американской армии с известным солистом-тенором Большого театра 30-х годов Иваном Жаданом. На вопрос полковника американской армии, почему он, не пострадавший от режима, не желает возвращаться в Советский Союз, Жадан ответил: “Я не пострадал, мне было очень хорошо, я был материально всем обеспечен, но русский народ пострадал. А разве я не принадлежу к народу? Глаза-то у меня были, я видел все, что творилось”.

Что это значит? А это значит, что он болел болью своего народа. И вот я думаю, не только думаю, но твердо уверен и знаю, что эти слова Ивана Жадана совершенно совпадают с переживаниями Власова. Он тоже болел болью своего народа.

Все же хочу отметить несколько деталей, вскрывающих отношение Власова к советской власти и указывающих на почву, в которую уходили корни его отрицания коммунистической партийной идеологии.

Андрей Андреевич говорил: “На все есть рецепт. Думать не надо. И хуже того — думать даже нельзя”. Это свидетельствует, что Власова, как личность, как человека, возмущало присваиваемое государством право духовного авторитета. Революцию он принял и пошел в Красную армию не без энтузиазма, потому что верил и надеялся, что она принесет народу то, что так хорошо выражено словами его любимой песни:

За землю, за волю,
За лучшую долю.

Но разочарование пришло очень рано, когда он был еще молодым командиром Красной армии. Вместо “земли крестьянам” он видел, командуя батальоном, тогда стоявшим на Кубани в станице Кущевской, все ужасы уничтожения лучших русских хлеборобов. Он видел и не мог забыть, как ломали хребет русского народа. В страшные годы ежовщины, когда происходила чистка командного состава Красной армии и когда многие его товарищи попали в тюрьмы, были расстреляны Власова спасло только то, что он находился в военной миссии в Китае. Константин Рокоссовский, будущий маршал, его близкий друг, был привезен на фронт из тюрьмы. А таких, из тюрем, в армии было много.

Затем — ложь. Ложь партии, правительства, органов печати, ложь литературы, всех жанров искусства, вошедшая в обиход военной жизни, когда отец с сыном не могли разговаривать откровенно. Однажды, беседуя со своим другом, Власов похвалил какое-то мероприятие правительства. Жена же знала, что он совсем иного мнения. Когда друг ушел, она сказала: “Андрей, но разве можно так жить?”, — и посмотрела на него с укоризной. Он много раз вспоминал и приговаривал: “Не в силах я был раньше так жить”.

Рассказываю я это, чтобы пояснить, с какими настроениями очутился Власов в берлинском подвале на улице Виктория, где содержались пленные советские генералы. Попав туда, Власов думал не о себе, не о своей судьбе, а о России и народах ее.

Вернусь к мыслям Андрея Андреевича, к его сомнениям относительно предпосылок реализации его плана.

Еще раз подчеркиваю: я имею право об этом говорить, потому что в первую ночь, когда у нас начался разговор, как говорится по душам, я сказал Андрею Андреевичу, что если мы будем разговаривать на “щекотливые” темы, то самое важное — обоюдное доверие. Андрей Андреевич высунул руку из-под одеяла и говорит:

— Давай друг другу руку пожмем. Ты — русский и я — русский, будем друзьями. Ты — эмигрант, ну а я — подсоветский человек, но мы сговоримся, мы оба об этом мечтаем, одним болеем и одного хотим. Поэтому мы должны с тобой совершенно откровенно разговаривать.

В рукопожатии Андрея Андреевича я почувствовал, что он имеет ко мне доверие. Впоследствии я никогда не замечал, чтобы Андрей Андреевич опасался что-либо мне сказать. Он всегда откровенно со мной разговаривал, так же, как и я с ним.

Как я уже отметил, в победу Германии я не верил. Среди моих русских товарищей были люди из Франции, Югославии, Польши. Мы видели как немцы восстанавливали людей против себя, какие антигерманские настроения царили всюду в Европе. Мы знали, что отдельные сражения они могут выиграть, но войну — никогда. Выиграть войну той политикой, которую осуществляла нацистская Германия, было невозможно. Все это я говорил Власову. Он не прекращал со мной разговора, что свидетельствовало, что и его мысли шли совершенно параллельно с моими, вернее, нашими.

Между прочим, я ввел Андрея Андреевича в дом моего старого дяди, берлинского старожила, в прошлом занимавшего высокий пост в императорской России в министерстве земледелия. В этом доме Власов познакомился с людьми, для него как бы из “другого мира”, но он нашел с ними общий язык. Он встретился и познакомился там с генералом Красновым, с генералом Лампе — начальником Объединения белых воинов в зарубежье и представителями старой интеллигенции. Это интересно тем, что российская эмиграция, при всей ее непримиримости к советской власти, во время войны очень критически относилась к нацизму и к идеям Гитлера. Недоверие было обоюдное.

В одном немецком документе читаем: “Привлечение и использование эмиграции или вождей эмиграции — строжайше запрещено”. Это — из разговора Гитлера с фельдмаршалом Кейтелем 8 июня 1943 года.

Весь наш расчет был на перемену политики Германии. Германия должна была прекратить войну на восточном фронте и предоставить Российскому Освободительному движению перенять борьбу с коммунизмом, иначе катастрофа военного поражения для Германии неминуема. Мы считали, что чем больше у Германии будет затруднений в ходе военных действий на Востоке, тем больше будут шансы на перемену политики ее руководства. Мы никак не могли предполагать, что встретим такое тупоумие и невежество. Очень хорошо это выразил немецкий генерал от кавалерии Кестринг, командовавший всеми добровольческими соединениями, давая показания в плену американцам: “Мы, немцы, безусловно из-за глупости, неспособности и незнания уничтожили величайший капитал, который когда-либо существовал для борьбы с коммунизмом”.

Андрея Андреевича Власова ошибочно считают инициатором Российского Освободительного движения. Это движение зародилось до того как он попал в плен, оно было народно-стихийным. В том, что это Движение было истинно народным — моральное оправдание Власова. Как думал Андрей Андреевич, так думали миллионы людей и в занятых немцами областях, и томящиеся в германском плену. В лагерях военнопленных в первые дни войны зародилась надежда, что немцы переменят политику, поддержат стремление подавляющего большинства русского народа освободиться от коммунистического ига.

Один из тогдашних моих друзей Сергей Николаевич Сверчков, актер Московского Художественного театра им. Островского, мне рассказывал, что в лагере для военнопленных в Белоруссии, куда он попал и где находились тысячи командиров Красной армии, уже в первые дни плена было даже создано некое подобие временного русского национального правительства.

В годы, прошедшие после войны, я задавал один и тот же вопрос всем, кто сидел в лагерях для военнопленных: когда вы попали за проволоку, в первые дни плена, какие и о чем у вас были разговоры? Все спрашиваемые мне отвечали: мы все надеялись, что очень скоро выйдем из лагеря и вступим в российскую национальную армию.

Так что Освободительное движение было действительно народное и массовое. Его никто не выдумал, оно родилось потому, что сама идея витала как бы в воздухе. И уж, конечно, не немцы его создали и его изобрели. Андрей Андреевич лишь присоединился к Движению и дал ему свое имя.

Российское Освободительное движение должно было иметь свою собственную базу. Такая база могла быть создана только на территории, занятой немецкими войсками. Конечно, это компромисс, но без компромиссных решений не может быть государственного деятеля. А наши князья московские, которые ездили в орду, а Александр Невский? Так что, прежде чем упрекать Власова, надо твердо помнить и знать, что каждый государственный деятель бывает принужден обстоятельствами идти на компромисс, преследуя определенную большую цель. А целью Власова было освобождение нашей родины от самого страшного зла за всю ее историю.

Власов пошел на компромисс, считая, что Германия не в силах завоевать Россию — не по Сеньке шапка! Он не держал камня за пазухой, одним им руководило патриотическое чувство русского человека, желавшего освободиться от сталинской деспотии, но не попасть под орду немецкую.

Власов как-то мне сказал:

— Ты не можешь себе представить сколько людей, разделяющих наши взгляды, наши надежды на будущее России, там. Дали бы нам только им руку протянуть!

Вот именно — дали бы нам только им руку протянуть!

В этих простых словах вся суть, весь смысл и вся идея Освободительного движения!

Власов говорил: “Нам дается возможность, и история нам не простит, если мы не попытаемся этот шанс использовать”.

В чем же заключался шанс? Шанс давался не возможностью сформировать из пленных и из населения оккупированных областей несколько дивизий, а тем, что все народы России относились отрицательно к советской власти. Много ли было у партии, у Сталина верных слуг? Ведь тогда еще были живы свидетели террора, горя коллективизации и всего того, что обрушилось на народ в двадцатые-тридцатые годы. Вот на что рассчитывал Власов, когда говорил “Дали бы нам только им руку протянуть”.

В одном историческом труде, изданном в Советском Союзе, написано: “Власов и кучка его окружающих”. Это не была “кучка”, а было массовое движение людей, которые хотели взяться за оружие и бороться с тиранической властью. Не-

редо мной сейчас лежит протокол совещания Гитлера с генералами. Генерал Цайцлер, начальник Генерального штаба германской армии, отвечает на вопрос, сколько сейчас добровольцев: "Мы имеем всего 78 батальонов, 91 полк и 122 роты. Есть еще категория из 60 тысяч человек, нечто вроде стражи, они объединены в очень маленькие отряды. Имеется еще около 200 тысяч вольнопомогающих, они находятся в войсках канонирами, их нельзя убрать".

Вот какая это была "кучка" и какие возможности!

На другом совещании генерал Кессринг просто отвечает: "Добровольцев у нас около миллиона".

В первые месяцы войны сложило оружие около 3 миллионов бойцов и командиров Красной армии. Это ли не является доказательством отношения народов России к советской власти?

А какая потенциальная грозная сила, полная ненависти к титанической власти, — миллионы заключенных ГУЛага!

Добровольческое Движение, когда люди просили дать им оружие, было движением вполне объяснимым. Это был ответ народов России на все то, что совершила антинародная власть по отношению к ним: ответ на террор, на издевательства над всем святым!

Дали бы нам только им руку протянуть!

Было ли когда-нибудь в истории любой армии в мире что-либо подобное? Уже после окончания войны из победоносной армии бежали ее воины и командиры. Они не стремились вернуться к домашнему очагу, а уходили в неизвестность. Плыли через Дунай, пробирались через дебри Богемского леса, просили убежища у американцев. И это — в 46-м, 47-м, 48-м годах!

После окончания войны я был в Италии полномочным делегатом переселенческой организации, созданной Русской Православной Церковью за рубежом. Мы участвовали в спасении людей от лагерей ГУЛага, то есть от выдачи их советской репатриационной комиссии. В 1948 году американцы передали нам в Италии 42 советских офицера, перешедших в Австрии к ним в 47—48-м годах. Это только на одном небольшом участке рубежа, разделявшего американскую и советскую зоны оккупации. Один американский генерал решил не передавать обратно беглецов и передал их нам. Мы оформили им документы и отправили за океан. Разговаривая с ними, я постоянно вспоминал слова А. А. Власова.

Дали бы нам только им руку протянуть!

А сотни тысяч людей, привезенных на рабский труд в Германию во время войны, и после ее окончания как дикие звери скрывавшихся в лесах от советской репатриационной комиссии, только бы их не увезли силой домой! И опять в моем сознании как колокол звучит бас Власова.

Дали бы нам только им руку протянуть!

Незабываемы по ужасу картины, которые я видел в Польше в 1944 году. Тысячи подвод и толпы несчастных людей с домашним скарбом, а кто и с коровой, привязанной к телеге, бегущих впереди отступающей немецкой армии. Нет, не на встречу к своим, а от своих — в неизвестность! Они бежали на Запад!

Дали бы нам им только руку протянуть!

Для осуществления плана Власова имелись вполне реальные предпосылки. Вся трагедия была в том, что немцы, умышленно обманывая его, дальше использования его имени не шли. Я хорошо знаю, какие душевные муки переживал Власов.

Всех добровольцев было около миллиона человек. Это указывало на то, что в германской армии при продвижении в глубь российских просторов обнаружилась резкая нехватка людей. Многие германские генералы без разрешения свыше формировали добровольческие батальоны, брали в немецкие воинские части добровольцев. Власов настаивал на объединении добровольческих формирований, на получении командования над ними, при условии заключения договора с правительством Германии, гарантирующего немецкий отказ от завоевательных планов и вожделений на Востоке.

Власов великолепно понимал, что перед Освободительным движением, если немцы дадут ему ход, откроются две возможности, два варианта развития событий.

Первая возможность: правительство Германии поступает лояльно и отказывается от завоеваний. Оно способствует созданию русского национального правительства. Власов считал, что создание русского национального правительства, русского центра, снимет опасность гражданской войны. Он даже как-то сказал: "Я кончу войну по телефону. Я знаю, что Костя Рокоссовский думает то же, что и я". Власову часто задавали вопрос: "Ну, а дальше?" Он отвечал, что дальше найдутся государственные люди, которые решат вопрос только с точки зрения интересов свободного российского государства.

Вторая возможность: германское правительство сделает вид, что отказывается от завоеваний. Власов считал, что мы, при продвижении в глубь страны, сумеем оторваться от немцев. Тогда бы началась российская освободительная война, но уже против внешних завоевателей. В этот момент можно было рассчитывать на помощь Запада.

Меня спрашивали люди, которые интересовались Власовым, думал ли об этом Власов действительно так, высказывал ли такие мысли? Да, думал, но, конечно, об этом открыто говорить не мог. Он знал, что в его окружении были люди, поставленные для наблюдения за ним. Но я хорошо помню момент, когда при обсуждении второго варианта я сказал Власову, что немцы все же таки

нас обманут. Власов, сжав оба кулака, ответил:

— Вот тогда мы им покажем, что такое русская народная война!

Хочу напомнить об одном событии, которое наглядно подтвердило, насколько был прав Власов, когда говорил: "Ты не можешь себе представить, сколько единомышленников у нас там". В свое время "гениальный отец народов" спросил: "А сколько у папы римского дивизий?" И вот недавно папа римский ездил в коммунистическое государство, в Польшу, и показал сколько у него "дивизий". Когда я видел эти сотни тысяч людей, приветствовавших папу, я думал о том, как Власов был прав.

С чувством глубокой благодарности я читал III том "Архипелага ГУЛАГ" Александра Исаевича Солженицына, те страницы, на которых он высказывает свой взгляд на власовское движение. Но есть один пункт, о котором следует поговорить. Солженицын только слегка коснулся его, он пишет: "Превратить войну в гражданскую, это Ленин предложил прежде Власова." Так оно, и не так. Профессор Авторханов идет еще дальше, он развивает эту мысль и утверждает, что Власов был таким же пораженцем, как и Ленин.

Я хочу сказать, что это сравнение оскорбительно для Власова, потому что его цели были совершенно противоположны тем, которые ставил Ленин. Власов говорил: "Прошлое России — наше, настоящее России — наше, и будущее России — тоже наше".

А что говорил Ленин? Конечно, теперь эти слова замалчиваются. Ленин сказал: "А на Россию нам, господа хорошие, наплевать." Власов стремился вернуть Россию на исторический путь и вернуть русским людям их Отечество с большой буквы. А Ленин? Ленин, как маньяк, мечтавший только о положении вождя мирового пролетариата, смотрел на Россию, как на трамплин для прыжка в мировую революцию. Отсюда совершенно логично вытекает другая фраза Ленина: "Пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции." Эту фразу историк Мельгунов почему-то называет "крылатой". Не "крылатая" это фраза, а **кровавая.**

Мне когда-то пришлось разговаривать со старой ленинисткой. Когда я ей указал на эти фразы Ленина, то последовало оправдание: "Владимир Ильич говорил это на заре революции, когда мы все думали и мечтали, что за порогом уже мировая революция." Вот оно что! Шестьдесят семь лет народы России платят за эту "мечту".

Власов действовал открыто, он не был немецким наемником, принимающим приказания безоговорочно. Немцы пошли на договор, когда уже было поздно, поздней осенью 1944 года, а до того они пользовались, когда это было им нужно, только именем Власова. В этом трагизм всего Движения!

Ленин скрывал, что он был германским агентом и ежели бы теперь не были открыты архивы и не были опубликованы документы, то деяния Ленина были бы скрыты.

Многие говорят, зачем было ездить в Прагу, что-то декларировать, когда уже было ясно, что близится конец всем надеждам. Прага была умышленно выбрана как славянский город. Идея мероприятия была такова: в российской истории должно быть отмечено, каким образом Власов, как глава Комитета Освобождения народов России, предлагал решить задачу освобождения нашего отечества и на чем должны зиждиться основы возрожденного российского государства.

Для коммунистической партии Власов — предатель, так как он не хотел и не в силах был продолжать служить ее делу, не желал продолжать служить партии, идеология и деяния которой не отвечали, по его убеждениям, интересам государства и народа.

Власов — жертва глупости и умышленного обмана со стороны нацистского германского руководства, которое в безумном ослеплении не могло отказаться от завоевательских вожделений.

Власов — жертва "традиционного" непонимания англо-американцами всего того, что творится у нас на родине.

Для русских же людей, желающих жить в своем отечестве, а не на плацдарме мировой революции, Власов — народный герой, пожертвовавший собственной жизнью во имя любви к своему народу. Власов имел возможность спастись, но он предпочел разделить судьбу своих последователей, вероломно выданных на зверскую расправу коммунистам.

Власов знал, на что он идет, согласившись возглавить Освободительное движение, и, как истый сын народа, он отдал отечеству самое большое, что имел, — свою жизнь. "А нет больше любви кто душу свою положит за други своя".

Даниил Скобцов

Три года революции и гражданской войны на Кубани*

В отношении добровольческого генералитета и некоторой части высшего офицерства утверждения бывшего Главнокомандующего, наверно, имели под собою основание. Но в армии в это время числилось не менее 70% казаков. А только единицы казачьего офицерства продвинулись в высшие сферы добровольцев. Остальная масса жила своей психологией с несомненным преобладанием в ней казачьего народного начала.

"...Казачество в целом — в описываемое время — не было пока вовлечено в нашу распрю... Сильный враг был еще у порога Екатеринодара."

К этим словам генерала Деникина следует добавить: в это время "распря" еще таилась в скрытом состоянии, и масса не могла делать из нее своих выводов. И еще: если генералы Алексеев, Деникин и Романовский были известны кубанским казакам и у казаков определилось к ним отношение психологической близости, то о Драгомирове и Лукомском никак нельзя этого сказать, тем паче о Соколове, Степанове и др.

Мы чтили память первых добровольцев и собирателей добровольчества генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова. Добрая память у нас осталась о таком общем герое добровольчества, как генерал С. Л. Марков, и о других, павших на полях Кубани героях-добровольцах. Уважение и почитание военной доблести образовалось у нас лично к генералу Деникину и его помощнику генералу И. П. Романовскому. Мы видели в походе смелость их личного риска и готовность к жертве, но, коль скоро вопрос переходил к форме и порядку повседневной гражданской жизни, мы не могли не видеть, как с неудержимой настойчивостью все правящие органы добровольчества от верхов до низов забивались реакционным элементом, людьми, которые в большинстве своем "ничего не забыли" и "ничему не научились." Кубань для них была та же старая область-губерния, которой они рвутся по-старому управлять и по-старому эксплуатировать.

Но большинство бойцов в армии — кубанцы, основная территория — кубанская, жизненные ресурсы — кубанские, а к тому же и преемственность от последнего законного Всероссийского правительства власти самоуправляться была у кубанцев же.

К первой половине осени того года относятся переговоры с грузинами. Но, по мимолетному сообщению Л. Л. Быча, они будто бы явились в Екатеринодар не в качестве ищущих объединения, а скорее в поисках разграничения. Возник спор у них с добровольцами из-за Сочинского округа, который, конечно, по здравому рассуждению никак не мог быть отнесен к Грузинской республике, они же предъявляли на него свои претензии. С кубанцами по этому поводу грузины могли бы легче договориться, тем более, что со своим приездом на Кубань связывали и некоторые свои хлопоты продовольственного порядка. Кубанская пшеница могла бы недурно послужить дипломатическим целям общероссийского значения. Быч нам давал понять, что глава грузинской делегации Гегечкори с большей легкостью пойдет навстречу нам, кубанцам, но мы не придавали особенного значения этим переговорам.

Созыв Кубанской Краевой Рады в 1918 г. был назначен на 28 октября. Но от генерала Деникина пришло предложение отложить открытие Рады на несколько дней. Он находился под Ставрополем, лично руководил там военной операцией, но хотел быть на открытии Рады в Екатеринодаре. Решение Краевого правительства было определенно — подготовительные занятия в Раде начать, как и было назначено, 28 октября, а торжественное открытие Рады перенести, согласно желанию Главнокомандующего, на 1 ноября.

В Екатеринодаре собирались теперь уполномоченные населения, только что встряхнутого налетевшим шквалом большевизма. Не было полной уверенности, что прошла окончательно и не вернется волна большевистского нашлыва. Самочувствие депутатов западной части края было, однако, более спокойным, так как здесь эта волна прошла раньше и, преимущественно, лишь по побережью...

* Продолжение. Начало в № 4—8

Меня в эту Раду станичники выбрали заочно. Состоя краевым контролером и членом правительства, по горло занятый в Екатеринодаре, я так и не выбрал времени, чтобы поехать в родную станицу и потолковать со своими избирателями. После, лишь на Рождественских святках, удалось это сделать. В некоторых других станицах на этот раз дело с выборами имело показательные сюрпризы. В станице Незамаевской был забаллотирован П. Л. Макаренко. Было желание объяснить это тем, что сам депутат отсутствовал во время выборов, был занят исполнением поручения председателя правительства на Украине. Объяснение, однако, малоосновательное. И Н. С. Рябовол в своей станице Динской прошел лишь незначительным большинством, а С. Ф. Манжула, казак той же станицы, был даже совсем забаллотирован. Историк Кубанского Войска Ф. А. Щербина тоже потерял свой мандат. Были еще и другие баллотировочные неожиданности.

В смысле общего своего состава эта Рада мало отличалась от прежних представительных собраний Кубани: основную массу ее членов — 60% — составляли рядовые казаки и крестьяне-хлеборобы, всего 5% насчитывалось офицеров, затем учителя и другие лица интеллигентских профессий.

Группировка депутатов в Раде происходила по-прежнему не по признаку общественно-политического единомыслия, а преимущественно по признаку территориально-национальному: девять групп, из них семь отдельских — Лабинского, Кавказского, Екатеринодарского, Таманского, Ейского, Майкопского и Баталпашинского отделов, затем одна группа горско-национальная и одна крестьянская. Между казаками бывшего Войска Черноморского и Войска Линейского существовало по-прежнему некоторое несогласие на почве неравенства наделения землей, на почве использования общевойсковой казны и пр. Но, как раньше уже отмечалось, не это пролагало грань между черноморцами и линейцами; в среде черноморцев теперь с большей отчетливостью укреплялось признание спасительности и неотложности образования на Юге России сильного и самостоятельного государства, может быть, в форме конфедерации, но непременно при лидерстве Украины с ее 30 000 000 населения. Какие установятся у этой новой державы взаимоотношения с будущей оздоровленной Россией, этот вопрос для вождей черноморцев не имел в данный момент революции актуального значения.

Важно было, с их точки зрения, не только по соображениям национальным (преимущественно у Бескровного и Рябовола), но и по соображениям экономическим (у Л. Л. Быча) поставить воинствующий, привыкший распоряжаться Всероссийский Север перед фактом государственной самостоятельности Юга... — "После будем договариваться"... Как мотив, в пользу этой концепции, не всегда откровенно сформулированной, приводилось то, что-де теперешняя международная обстановка благоприятствует именно этому решению вопроса борьбы с большевиками. Западноевропейские державы поддержат именно южнороссийское государство, обеспечивающее для них рынок сырья и отделяющее их от большевистской заразы. Кубань должна войти в это южнороссийское государство.

Мы, линейцы, считали всю эту теорию вредной, кроющей опасность жестокой междоусобицы в будущем, а в данный момент вызывающей ослабление напряжения сил в борьбе с большевизмом и распыление своих сил. Государство Российское прошло свое вековое историческое испытание, а всплески сепаратизма — лишь порождение эпохи распада. Чтобы предопределить более справедливое распределение благ государства между его частями, нужно поставить себе целью создание более соответствующих форм общероссийского государства на базе мирного сотрудничества его частей в процессе эксплуатации разносторонних богатств страны и правильно организованного обмена плодов трудовых усилий населения. Форма государственной федерации становится сейчас в известной степени общепризнанной, она применима и в пореволюционной России. Сейчас основная злоба времени — борьба с большевизмом. Сюда должны быть направлены все силы. Сыновнее отношение к матери России не допускает измены и предательства в тяжелую годину ее бедствий.

Мы, линейцы, мыслили, следовательно, обновленную Россию федеративной демократической республикой, а Кубань — ее частью, как отдельный штат или образующий таковой совместно с другими областями Юго-Востока России: Доном, Тереком, Ставропольем и др. С нашей точки зрения нужно было считать естественным и благоприятным, что именно к нам в наши края — на Кубань, Дон и Терек и соседствующие с нами области пришли добровольцы противобольшевистского фронта и в особенности их высококвалифицированное добровольческое командование.

Определенность заявления генерала Алексеева на открытом народном собрании в станице Успенской о верности добровольцев своей Родине и готовности их во имя ее на всякую жертву, а также определенность их декларации, объявленной на том же собрании генералом Деникиным о непредрешении ими — добровольческим командованием — будущего государственного строя России и о признании ими полноты права на это только у Всероссийского Учредительного собрания нового свободного созыва, — это заявление вождей добровольчества мы принимали как достойное доверия и совпадающее с нашими чаяни-

ями. Правда, мы уже видели, слышали и знали, что добровольческая среда, как всякая человеческая среда, совсем не монолитна и далеко не единодушна в своих чаяниях и умонастроениях даже в отношении будущего государственного строя России, но к обязательным лозунгам таких лиц, как генералы М. В. Алексеев и А. И. Деникин, нужно было относиться с доверием.

Первое, что должна была сделать Рада, это выбрать своего председателя. Черноморцы выставили кандидатуру Н. С. Рябовола, для линейцев мало приемлемую не только по соображениям политическим, но и в силу определившихся ранее свойств Рябовола как председателя, который был не прочь иногда придраться к неугодному оратору с лишними придирками и прочими председательскими "скорпионами". За Рябоволом была также традиция и отмеченная выше казачья склонность действовать "по привычке"... и "как, мол, обидеть человека..." Выставлявшие его кандидатуру теперь учитывали это.

Группа линейцев в противовес Рябоволу выставила своего постоянного кандидата на первые роли — Ф. С. Сушкова. Он не был тем, кого обычно называют лидером группы, проявлялся в повседневной жизни ее самым незначительным образом, но это была фигура безукоризненная по своей общей порядочности и воспитанности, вообще же он держался демократических взглядов, высоко ценил казачество и был верным поборником общероссийской идеи. Отсутствие красочности в нашей линейской фигуре ставило ее в невыгодное положение по сравнению с Рябоволом. К тому же в последний момент наши "друзья" из добровольцев выдвинули свою особую новую кандидатуру — Литовкина, кубанца-казака, но прошедшего в Раду по городу Екатеринодару по партийной принадлежности — одного из немногих казаков-"кадетов"; успеха эта кандидатура иметь не могла, но голоса от кандидатуры Сушкова отобрать должна была.

...Со стороны добровольцев тактически было ошибочно с первого шага в Раде подчеркивать свою особенность, свою "фракционность"...

Таким образом, баллотировались в председатели трое. При данном положении больше всех шансов иметь должен был, конечно, Н. С. Рябовол, он и был избран. Избрание других членов президиума обычно происходило без споров.

До 1 ноября Рада успела произвести необходимую организационную работу, избрала комиссии по управлению и самоуправлению, земельную, по ведомству "продовольствия и снабжения" и пр. Н. С. Рябовол успел порадеть и о своих людях; среди других "вермишельных" вопросов он успел провести решение Рады — допустить на ее заседания с правом "совещательного" голоса всех бывших членов Законодательной Рады, участников "Ледяных походов", но не избранных теперь в Раду, а фактически это были: П. Л. Макаренко, С. Ф. Манжула и другие — все видные члены "черноморской" группы.

В эти же дни еще до прибытия Главнокомандующего из-под Ставрополя ему, генералу Деникину, была послана благодарственно-поздравительная телеграмма: "...Вы до конца довели решение освободить Кубань... Ваше твердое и непоколебимое стремление к намеченной цели... внушает полную веру в Вас и беспредельную надежду на доблестную армию"...

...1 ноября сначала был отслужен молебен в войсковом соборе и затем совершилось торжественное шествие от собора к зданию заседаний Рады всех ее членов во главе с Войсковым атаманом, президиумом рады, правительством и пр.

Как было выше отмечено, большинство депутатов были оторваны от своих хозяйств, не могли долго оставаться в городе, но в Раде тем не менее установилась торжественная обстановка, начались сладкозвучные речи. Велеречивостью и именно сладкозвучием своих приветствий Раде отличались гости с Украины, к тому же их было несколько выпусков: от правительства (тогда еще гетманского) и от различных систем объединений — кооперации и пр. В этот раз в качестве правительственного посла Украины появился некий "барон" Боржинский в небывало пестром обмундировании: верхняя одежда — чекмень и бешмет — кубанские, но холодное оружие при этом времен еще старозапорожских. Впоследствии, между прочим, обнаружилось, что этот "барон" прибыл на Кубань в качестве посланца двойной ипостаси украинской того времени власти: легально от гетмана Скоропадского, а нелегально от Петлюры. Секретарем "миссии" был некий Полиман.

В обращении украинских представителей к Раде проскальзывали ноты, не соответствующие действительности. Даже в речи старого и почтенного "отца украинской кооперации" Левицкого проскользнула двойственность. Он приветствовал Кубань как любимую "дочку" "ненькі" (матери) Украины. Быч в ответной речи принужден был внести поправку: не "ненька и дочка" (не мать и дочь), а обе — "две сестры". Мало того, он принужден был перед всей Радой подчеркнуть нашу общекубанскую официальную точку зрения на свою красвую сущность, выразил уверенность, что Украина и Кубань "побачут свiт сонця, спокiй и щастя пiд великою Всеросiйською ХВЕДЕРАТИВНОЮ крышею". Рябовол в своем ответе украинским гостям пошел даже дальше Быча. Он первую половину речи произнес по-русски, и лишь для второй части своей речи попросил у вас ("братьев кубанцев-линейцев") разрешения произнести ее на "мовi"... "Ми ще дибаемо та спинаемось, хочемо навчитися ходити" и попросил после слов "державноi Украiни" посмотреть и

учесть обстановку и "оценить успеваемость в преподаваемых уроках".

Кстати, тут же от Большого Круга Всевеликого Войска Донского выступил с приветствием сам председатель его В. А. Харламов, призывал к "осторожности" и не увлекаться "химерой" самостоятельности. Зато генерал Ажинов, посол донского атамана Краснова как суверена, прочитал, держа перед собою лист пергаментной бумаги, большую часть послания с большей торжественностью, а под конец как-то как будто виновато смутился и закончил: — Аллаверды к вам, братья-кубанцы!.. — Получилось нечто уж совсем закввказское: — Аллаверды, Господь с тобою!..— В рядах Рады раздался сдержанный смех и вообще всплеснуло веселое настроение... Наши старшины, впрочем, отвечали на атаманское приветствие с подобающей случаю серьезностью.

Приветствия были принесены и от других казачьих Войск. Только Терское Войско тогда отсутствовало на кубанском торжестве. После убийства атамана Караулова и его помощника Л. Е. Меденика оно еще не оправилось и жило в партизанской борьбе с бандами большевиков и большевизанов.

Гвоздем торжественного заседания Кубанской Краевой Рады (созыва 1918 г.) была речь генерала Деникина. Специально для него было изобретено двойное открытие Рады; специально из-за этого Главнокомандующий прибыл с фронта.

Дату открытия Кубанской Рады генерал Антон Иванович Деникин сблизил с датой завершения первой годовщины российского противобольшевистского движения. Год тому назад "2 ноября 1917 года прибыл в Новочеркасск генерал Алексеев, собрав двести офицеров, получив из России первый взнос в четыреста рублей". Скромность цифры российской жертвы должна была подчеркнуть как значение подвига добровольцев, так и значение подвига кубанцев и всего казачества, не признавшего захватнической большевистской власти и вступившей с нею в борьбу.

"...Все для борьбы... Надо бросить споры, интриги, местничество...

...Добровольческая армия явилась сюда не для завоевания, а для освобождения..."

Речь свою генерал Деникин читал по бумаге с большим подъемом и волнением.

Мы мало еще тогда знали А. И. Деникина как оратора и совсем не знали как писателя. В сознании большинства, лично к нему относившегося доброжелательно, он представлялся хорошим и мужественным полководцем, честным человеком, однако внешняя грубоватость его мешала подойти к нему поближе, чтобы сделать попытку и, быть может, договориться. Если бы у нас был тот образ генерала Деникина, который существует теперь, после прочтения его пяти томов "Очерков русской смуты", добрый открытый к нему подход был бы вполне возможен... И если бы и у него, и у других его соучастников в руководстве армией был бы более терпимый к нам подход, то договариваться, находить общие решения больных вопросов фронта и тыла гражданской войны, определять ее ближайшие и дальнейшие цели было бы много легче.

"...Не должно быть армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской, — объявлял генерал Деникин с кафедры Кубанской Краевой Рады, — должна быть единая русская армия с единым фронтом, единым командованием, облеченным полною мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти". Добровольческая армия собирает вокруг себя и вооруженные силы, и людей государственного опыта, приглашает все части Русского государства, признающие единую неделимую Россию, сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства, для общей борьбы с врагом России, для единого представительства и защиты русских интересов на будущей мирной конференции.

...Добровольческая армия не преследует никаких реакционных целей и не предрешает ни формы будущего правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю".

...Добровольческая армия признает необходимость широкой автономии составных частей Русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта... Выяснилась возможность единения нашего с Доном, Крымом, Терском, Арменией, Закаспийскими областями... возможно, с Украиной... с мирным грузинским народом, когда изменится политика его правительства"...

...Добровольческая армия от души приветствует собирание русской земли... Находит необходимым путем взаимных соглашений направить русские силы Востока и Юга к одной цели возрождения великодержавной России".

...Генерал Деникин взошел на трибуну и сошел с нее при полной овации, устроенной ему Радой. Председатель ее Н. С. Рябовол прочитал и вручил ему утвержденное Радой постановление сбора станицы Незамаевской об избрании генерала Деникина казаком этой станицы с полными правами, с паевым наделом земли и пр. Но при всем том ледяная корка, которой стала затягиваться река совместной жизни кубанцев и добровольцев, не растаяла. В лице генерала Деникина Рада приветствовала Главнокомандующего армией, под чьим командованием счастливо выполнена часть задачи, для кубанцев особенно желанная. Но в его же лице в Раде находился претендент на диктатуру...

Прямым продолжением "торжественных заседаний" были собрания Рады, посвященные до-

кладам атамана Филимонова, председателя правительства Быча и члена правительства по военным делам полковника Савицкого. Они рассказывали, как получилась победа и кубанское казачество вновь стало господином в своем краю, и вот "вы — Рада, правомочный хозяин Кубани, вправе распорядиться дальнейшей судьбой края, дать ему закон и правду".

Особенной красочностью отличалась речь Филимонова, атамана. Перед походом у него была попытка малодушно уклониться от власти, а главное — от ответственности. Он сделал заявление о сложении полномочий, но ему этого тогда не позволили.

Атаман Филимонов проделал поход вместе со всеми, но кубанцы не чувствовали в походе близости своего атамана. С небольшим своим конвоем обычно рысил он где-нибудь в стороне в сопровождении своей супруги, пересевшей, как и ее супруг, в казацкое седло. И этот уход атамана в тень наблюдался уже с самого начала похода. И нечего говорить о таких фигурах, как Корнилов и Алексеев, даже летчику Покровскому удалось оттеснить Филимонова в тень, на задний план.

Филимонов не был способен на резкие движения, тем более на движения, сопряженные с личным риском. К слову сказать, он всегда отличался лояльностью в отношении краевых установлений, чему, собственно, и был обязан успешностью в своей карьере при новом режиме. Красивая посадка на лошади, как, например, при въезде в Екатеринодар, рядом с простоватой и угрюмой фигурой Деникина. Блестящая застольная речь да вот эта лояльность — его главные козыри.

Теперь на заседании Рады он, облекши свое атаманское слово в искристую форму, окурив облаком фимиама само имя Рады, говорил велеречиво о мудрости кубанских правителей, говорил, как они (в первую очередь, конечно, он, атаман) решили под напором "красной нечисти" разобрать стяг краевой власти и повезти его в родные горы и степи, ...чтобы довезти этот стяг до сегодняшнего светлого дня и передать его "вам, хозяину земли кубанской".

Доклад председателя правительства Л. Л. Быча был также чрезвычайно многословным, начиная с момента выбора его, Быча, председателем правительства (в декабре 1917 г.) и кончая сегодняшним днем.

Пока работа по рассмотрению конституции, аграрной реформы и других вопросов проходила в комиссиях, пленум Рады мог бы оставаться некоторое время без работы.

Но работа ему нашлась.

К нашему удивлению, председатель правительства Л. Л. Быч выступил 10 ноября с общим докладом об основах краевой политики. Совет правительства не был поставлен в известность не только о содержании доклада, но и о намерении председателя выступить с подобным докладом.

Доклад, между тем, был тщательно подготовлен, так как на другой день, 11 ноября, по заслушании ораторов главнейших групп в Раде были внесены особо формулированные тезисы речи.

Доклад по содержанию отдельных его частей шел гораздо дальше, чем осторожно сформулированные потом тезисы. Особенно в том месте, где шла речь об Украине и об отношениях к ней Кубани.

Самый факт выступления перед Краевой Радой с темой об основах правительственной деятельности данного момента мог быть оспариваем. Эта тема скорее для Законодательной Рады.

Здесь Быч свою личную или групповую политическую точку зрения покушался сделать санкционированной Краевой Радой.

Со стороны группы линейцев выступал с возражениями против Быча М. А. Троценко.

Он указал, между прочим, Бычу, что его формулы станут гораздо яснее, если он прямо скажет, чего он хочет. А хочет он, по мнению Троценко, того, чтобы Кубанская Рада дала возможность ему, Бычу, и его единомышленникам заключить союз с Украиной. И этим своим заявлением Троценко попадал не в бровь, а в глаз Л. Л. Бычу. Только нужно было путем сопоставлений уже пройденных отдельных этапов этой политики установить связь и более ясно вскрыть двусмысленность новых предложений Раде в виде новых формул доклада Быча. Но тут на помощь Бычу пришел Рябовол, председатель Рады; началось дерганье оратора: то "прошу держаться ближе к теме", то "ваш срок истекает, говорите покороче" и т. д.,— замечания, не оправданные обстановкой и ставящие оратора в невыгодное положение по сравнению с теми, которым покровительствует председатель. М. А. Троценко — малоопытный оратор. Рябовол его успел привести в замешательство, и ход его мыслей был нарушен.

Тем не менее настроение большинства членов Рады все же успело определиться во время развернувшихся прений. Быч учел это, поэтому его тезисы, внесенные после заслушания прений, значительно смягчили смысл произнесенной им речи. Содержание его тезисов было приблизительно таким, какое было в его заявлениях на собрании Рады в станице Мечетинской, перед нашим майским отъездом на Украину.

Скрепя сердце и принимая все это как бы за чистую монету, избегая возбуждать страсти и не стремясь сосредоточиваться на отдельных моментах речи (доклада, а не тезисов) Быча, можно было пройти мимо его неудавшейся попытки получить от Краевой Рады одобрение украинствующей политики его группы. Но попытка явно не удалась. И бычевско-рябоволовская группа это поняла.

Кубанское положение о Всероссийской федерации являлось антитезой единой и неделимой России добровольческого понимания. Принципы широкого народовластия — антитеза единой твердой власти, о которой, где нужно и не нужно, толковали добровольцы. Наконец, союз равноправных единиц, в том числе и Добровольческой армии, был противоположением деникинскому приглашению "сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства". Примат, диктатура и вдруг... предложение равноправия. Явилась угроза, что в том горячем споре, который начался не сегодня и длился в течение долгих месяцев до заседания Рады, кубанская точка зрения может получить авторитетную санкцию Краевой Рады, краевого народного представительства. В этом, собственно, и заключалась одиозная несвоевременность постановки ребром вопроса тезисов Быча и именно постановки их в Краевой Раде в данный момент. Добровольцы ринулись в бой.

Генерал Лукомский, член Рады от армии, "лидер" добровольческой фракции в Краевой Раде, обрушился с большим жаром на всю систему тезисов Быча, не разбираясь, где в них "общекубанское", а где специфически бычевское, вскрывая возможные будущие грозные последствия их, неизбежный разрыв и пр.:

— Создается многоголовое собрание, которому будет всецело подчинено командование и которое будет вмешиваться в военные дела... Образуется орган из честолюбцев и сепаратистов всех государственных образований, которые тотчас же предъявят претензии не только на гражданское управление, но и непременно на назначение Главнокомандующего.

Или еще более вульгарную формулу внесет позже в свои "Очерки" генерал Деникин. "Вручить судьбу национального противобольшевистского движения и русской армии в руки Петлюры, Быча, Хана Хойского, Ноя Жордания и Топы Чермоева представлялось злой и неуместной шуткой".

Только значительно позже, при написании 5-го тома своих "Очерков" А. И. Деникин сознает: "Мы были ригористичны не только в духе, но и в формах определения государственных связей, считая, что юридически элементы федерации, договор и двусторонние соглашения нарушат самую идею национального единства и создадут для будущей общероссийской власти немалые затруднения, немалые и опаснейшие прецеденты. Но при этом мы упускали из виду три важных обстоятельства: что отрыв окраин с течением времени становился все резче, углубляясь "давностью", государственной практикой и международными отношениями, что форма федерации не предрешала еще внутреннего содержания ее, которое могло стать вполне разумным и справедливым, не нарушая государственных интересов России, что, наконец, временные российские правительства Юга и Востока, лишенные преемственности власти и исторической традиции, не могли рассчитывать на скорое безболезненное и всеобщее признание... В отношениях казачества — этот формальный ригоризм затруднял и затягивал соглашение..."

Это позднее признание — суровый приговор тому, что делалось тогда. Тогда в Раде, как некогда в карфагенском сенате гордый римлянин, подъемля складку тоги, знаменовал этим жестом готовность объявить войну или принять мир, теперь в Раде генерал Лукомский заговорил жестким языком ультиматума:

— Или Рада должна отменить принятые решения, или...

Рада не захотела идти на попятную под влиянием угрозы и недвусмысленного давления.

И "римлянин" распустил складку своей тоги. Генерал Лукомский заявил с трибуны "об отзыве представителей армии из Рады" и о том, что "в дальнейшем Главное командование не может быть связано решениями Рады".

В Раде, по выходе их, начались прения... К чему нужно было обострять вопрос?

Сама группа черноморцев была озадачена тем, какой оборот приняло дело.

По Екатеринодару пошли слухи о разрыве, о возможных столкновениях. Была среда, которая множила эти слухи и своими неосторожными не только словами, но и действиями увеличивала замешательство и раздувала конфликт.

На Юге России во время гражданской войны никогда не было недостатка в тех типичных тыловиках, которые на фронт идти не хотели, они его боялись, но зато в тылу всегда были готовы открыть фронт "примерной расправы" с ненавистной им "революционной демократией". С другой стороны, и в среде кубанских "самостийников" не было недостатка в подобных же тыловых "воинах", прожектерах всевозможных сильных средств "отпора", чтобы в другой раз "не было повадно"...

Но не только праздные прожектеры множили тревогу. Бывший кубанский Войсковой атаман А. П. Филимонов свидетельствует, что к нему тогда приходили вместе генералы Покровский и Шкуро и предлагали ему, атаману, при их содействии взять всю власть в свои руки, т. е. произвести переворот. Позже в Париже генерал Шкуро в личных со мною (автором) беседах неоднократно возвращался к той же теме и уверял, что он не только не разделял взглядов Покровского, но, наоборот, останавливал его и давал ему понять, что в случае, если дело дойдет до открытого столкновения, он, Шкуро, не будет на стороне Покровского.

Как бы там ни было, но одно можно сказать, что в заговорщиках тогда недостатка не было.

В 4-м томе "Очерков русской смуты" (стр. 51) генерала Деникина имеются на этот счет вырази-

тельные указания, именно в том месте, где рассказывается, как генералы Драгомиров и Лукомский обращали внимание в беседе с генералом Деникиным на то, что общественное мнение обвиняет командование в попустительстве воинствующему сепаратизму черноморской группы.

Деникин поставил тогда вопрос ребром:

— Если вы скажете мне сейчас, что насильственные меры приведут к положительным результатам, то я завтра же Корниловским полком разгромлю Кубанское правительство...

— Нет,— ответили оба. Но вопрос-то, оказывается, понимали. Идея заговора восходила, оказывается, в очень высокие добровольческие сферы.

14 и 15 ноября 1918 г. Быч и Рябовол посетили генерала Деникина и указывали ему на всю опасность ходящих по городу совсем недвусмысленных слухов и просили смирить генералов. Их посещение генерал Деникин истолковал как второй случай спасения им, Деникиным, кубанского народоправства (первый раз в станице Мечетинской 30 мая 1918 г.).

Жить и бороться с большевизмом мы продолжали вместе. Интересы Рады — всех ее членов — сосредоточились теперь на работах комиссии по управлению и самоуправлению, т. е. краевой кубанской конституционной комиссии.

В результате споров направление работы конституционной комиссии получилось следующее.

В текст самой конституции было внесено мало изменений по сравнению с тем, как было принято в Совете правительства. Были закреплены положения типа "Третьей французской республики" в отношении главы края, Войскового атамана. Он получил ограниченное право "вето", права "председателя" края, но не на управления им. При этом и среди членов Рады не обнаружилось широкого стремления к наделению атамана более широкими полномочиями. Правительство, ответственность которого устанавливалась перед Законодательной Радой, получало широкое право законодательной инициативы, между прочим, в порядке особой статьи (57-й), когда отсутствует Рада и т. д. Вотум недоверия Рады правительству или контролеру обязывал их подавать в отставку.

За атаманом сохранялось право роспуска Законодательной Рады в случае ее конфликта с исполнительной властью. Но было внесено ограничение в зависимости от прохождения в Раде краевого бюджета.

Существование двух Рад было принято и было принято также примечание, что впредь до выработки положения о выборах в Законодательную Раду таковая избирается из среды самой Краевой Рады. Другими словами, все оговоренные права исполнительной власти в случае ее конфликта с Законодательной Радой переносились на Краевую Раду.

Попробуй атаман распустить при таких условиях Законодательную Раду, он будет иметь дело тогда с самой Краевой Радой, где встретится к тому же с теми, конфликт с которыми привел к роспуску Рады. Краевой Радой атаман сам избирается и поэтому вполне от нее зависит, хотя в конституции не устанавливалась его специальная ответственность перед Радой. По смыслу закона он, атаман, избирается на определенный срок и за свою деятельность в случае ее незаконности отвечает только по суду, особым образом организованному.

...Неясность взаимоотношений властей, отсутствие ответственности Законодательной Рады перед краевыми избирателями послужило впоследствии источником тяжелых осложнений...

В конституционной комиссии сторонники единения добились, чтобы рамка, в которую должна быть вставлена эта конституция, сохранила бы все признаки краевой готовности вступить в общегосударственную систему объединения.

Эта мысль была последовательно проведена, начиная с уточнения понятия "конституция": "Временное положение об управлении". Затем строго выдержана скромность звания самого государственного образования: ни республика, ни то или другое подчеркнутое понятие государственности (Всевеликое, например, Войско Донское и пр.), а край, т. е. часть целого. Мало того, все эти мысли о скромности, временности и вынужденности самостоятельности были подчеркнуты в особой декларации, предпосланной конституции:

"Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью.

Ныне же Кубанский край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах края и управляется органами, поставленными его населением".

Всем нам, всегда стоящим на основе единства государства Российского, эта декларация представлялась необходимой, во-первых, в силу внутреннего сознания населением этого единства, и, во-вторых, в силу борьбы во всеми толками о кубанской самостийности.

Еще раз подчеркивалась в порядке полноты ответственности и краевой авторитетности, что существующие частные мнения и увлечения самостийностью не могут быть приписываемы целому.

В то же время была внутренняя потребность засвидетельствовать, что кубанский представительный орган мыслит Россию свободной в целом и в частности, вопреки тому, как подавляли госу-

дарственную свободу большевики из Москвы и как вынашивались рецепты подавления ее отсюда из недр противобольшевистских сил.

Следует отметить, что это настроение свободы и народоправства как основ государственного строительства были тогда общепринятыми в среде членов Рады.

Вздумал как-то генерал Карцев, получивший мандат от станицы Варениковской, сделать заявление в Раде, что кубанские казаки мыслят Россию монархией, и что же? Станичный сбор этой станицы предложил по телеграфу своему депутату или сложить полномочия, или отказаться от своих слов, произнесенных в Раде.

Генерал, крупный помещик из тех, кого награждала царская власть землей за счет казачьего войскового фонда, предпочел отказаться от полномочий в Раде.

Краевая конституция была принята Радой в последнем чтении 5 декабря 1918 г.

Предстояло еще избрание Войскового атамана.

В кандидатах на этот пост недостатка не было. Старый режим приучил казаков к тому, будто казачьим Войсковым атаманом должен быть непременно человек военный и в высоких чинах. Вследствие этого всякий честолюбивый полковник начинал мечтать об атаманской булаве, уж нечего и говорить о генералах, да еще чем-либо отличившихся.

К числу серьезных кандидатов в данный момент относились двое: Филимонов и Быч. Объективных данных было больше у последнего. Человек волевой, работоспособный, несомненно демократических убеждений. В годичный срок своего служения на посту председателя правительства Л. Л. Быч обнаружил и стойкость, и административную опытность, и необходимое для того времени мужество.

У Филимонова всех этих данных было меньше. Он не обнаружил сильной воли; мы не видали его работоспособности, под сомнением была его демократичность. Против понятия его стойкости при затруднениях вопиял факт малодушной попытки уйти с поста в минуту острой опасности; затем неумеренная любовь к комфорту, к удобствам жизни..

Словом, при богатстве выбора не быть бы Филимонову у нас атаманом. Но при сознаваемом безлюдье перевес брали положительные особенности этой кандидатуры. У Филимонова был уже полуторагодичный стаж служения кубанцам на высшем выборном посту, его высшее юридическое образование (военное), знание, следовательно, закона, некоторые внешние блестящие данные: дар слова, общая подвижность, жизнерадостность.

Главное же, Филимонов — человек российской ориентации. Быч же имел дурную славу неумеренного сторонника украинской ориентации и врага добровольчества. Его избрание повлекло бы за собой дальнейшее углубление розни, быть может, даже разрыв и вообще какое-то крайне неясное и опасное будущее. Это был бы атаман узкопартийный, гнувший свою линию.

Это его "ориентация" была главным мотивом против него в наших демократическо-линейских кругах.

И кандидатура Филимонова у нас вызывала разногласия, но, скрепя сердце, шли на нее и не согласные с ней. Все же это был в общей сложности серьезный конкурент Бычу. Быть может, мы допустили ошибку. Быть может, правильнее было бы сохранить атаманский пост от занятия его человеком, к которому ни у кого не было полного доверия и достаточной полноты уважения, но дилемма — Быч или Филимонов — сама по себе предрешала наш выбор.

В день выборов мы шли в Раду, чтобы дружно голосовать за Филимонова.

Быч или Филимонов?

Перед самой баллотировкой Л. Л. Быч неожиданно появился позади председательского стола Рады и, попросив слова для внеочередного заявления, объявил, что он "снимает свою кандидатуру". Был ли это маневр, что я-де к власти не стремлюсь, или это было серьезное решение, продиктованное серьезным убеждением (каким?), но, во всяком случае, сторонники Быча, и из них первый председатель Рады Рябовол, несомненно, и по должности, и по близкому отношению к Бычу были наиболее в курсе дела. Так вот, эти друзья как будто сознательно не сделали прямых выводов из заявления Быча, а, наоборот, предложили баллотировать Быча в порядке казачьей дисциплины. Если Рада прикажет, то он-де не посмеет отказаться...

Большинство все же высказалось за Филимонова, получившего 275 голосов. В урне же Быча — всего лишь 195 шаров.

Общим ходом российской революции вопрос о земле сельскохозяйственного значения был предрешен: частная собственность на нее должна быть отменена. У казачества в старом Запорожье и на Дону земля этого назначения составляла коллективную войсковую собственность. На Кубани эта коллективная войсковая собственность на землю установилась с приходом туда казаков Черноморского Войска. Именно "всему Войску" была определена верховной государственной властью "в вечное владение земля и все состоящие на земле всякого рода угодья, на водах же рыбные ловли... остаются в точном и полном владении и распоряжении Войска Черноморского"... Именно так было записано в грамоте императрицы Екатерины II, императоров Павла I и Александра I.

Эта общевойсковая земля была распределена

между "куренями" (станицами). Образовались юртовые земли для безвозмездного земледельческого пользования по их станичным планам и назначению.

Но уже в 1842 г. царское правительство сочло нужным вмешаться в распределение этих юртовых земель между казаками и установило размеры участков: для рядовых казаков в 30 десятин, для обер-офицеров — в 200 десятин, для штаб-офицеров — в 500 десятин и для генералов — в 1500 десятин.

В станицах и хуторах юртовые земли распределялись равными паями между всеми казаками согласно постановлениям станичных и хуторских сборов, сообразно с приростом населения в каждой станице.

Но на этом дело не остановилось. В 1868 г. центральной государственной властью было дозволено частным лицам, долголетним арендаторам того или другого офицерского участка выкупать его себе в собственность, в 1870 г. вообще все земельные участки казачьих офицеров и других чиновных лиц, которые до того были лишь "в пользовании" этих лиц, перешли, по распоряжению верховной власти, в полную их собственность, и было дозволено офицерам и генералам продавать участки земли и совершать другие сделки, обычные для земельных собственников.

Кроме того, Тифлисское межевое отделение, центральное для всего Кавказа, стало находить в пределах общей земельной площади Кубани "излишки" земли у казаков и стало обращать эти "излишки" в категорию "казенной", т. е. общегосударственной земли. Такие же "излишки" вырезывались даже из станичных юртовых земель. После из этого накопившегося от "излишков" (и других подобных изысканий упомянутого межевого отделения) значительного запаса казенной земли на Кубани стали вырезать крупные земельные участки (в 3000 десятин) и определять их в собственность избранным генералам и крупным чиновникам центральных учреждений. Обычно эти чиновные земельные собственники продавали частью или целиком свои дарственные земли крупным овцеводам или другим предпринимателям. Так множились двумя основными указанными здесь путями земельные собственники на Кубани.

В докладе Краевой Раде по своему ведомству земледелия в ноябре 1918 г. я отмечал, что в общеказачьем общинном пользовании на Кубани находилось всего 5 633 317 десятин пригодной для земледелия земли, во владении же личных собственников в это время было подобной земли немного больше миллиона десятин земли: 500 000 десятин у крупных собственников и столько же у всех мелких. Таким образом, об учреждении и последующем распределении между малоимущими или совсем не имеющими земли насельниками Кубани мог быть поставлен вопрос в Раде только о 500 000 десятин кубанской "удобной" земли крупных собственников.

Но претворение в жизнь этих теоретически гладко выражаемых положений революционного мышления встречало чрезвычайные затруднения и в общей психологии, и во всей существующей хозяйственной системе, базирующейся на принципе неприкосновенности частной собственности.

Как провести реформу в жизнь?

Мы видели, как в течение ряда лет отлынивало от радикального разрешения аграрного вопроса дореволюционное российское правительство, как осторожно и нерешительно подходило к нему и Временное пореволюционное правительство, откладывая дело до Учредительного собрания. Этот мотив нам был очень знаком. Мы сами привыкли сложнейшие и ответственные вопросы откладывать впредь до "решения Краевой Рады" и вообще впредь до чего-то. В общем сумбуре Рада решений не выносила. И так накоплялась целая система важнейших неразрешимых вопросов, которые давили на жизнь и загоняли ее в такую щель, из которой трудно было находить затем выход нормальным порядком. Иначе сказать, для большевиков подготовлялась жатва.

Выше мы только что ознакомились с образованием подобной системы неразрешимых вопросов в области финансово-экономической.

В аграрном вопросе я этого допустить не хотел.

Раньше я рассказал, как Краевая Рада, а потом "паритетная" Законодательная Рада в 1917 г. дальше декларативных заявлений да положения о паритетных земельных комитетах не пошли.

Все это пока носило скорее характер изыскания удобных форм для агитационной борьбы с большевистской демагогией. Но вот теперь нужно было ставить вопрос практически.

Молчаливое, будто бы безучастное отношение Совета правительства к направлению моей ведомственной работы, о котором я рассказывал в связи с подготовительными работами к Раде, тоже было весьма показательным.

Но ответ нужно было давать, и мы были вполне мобилизованы, чтобы произвести работу в том направлении, какое будет указано Радой. Мой заведующий земельным отделом С. И. Долгополов, весьма преклонного возраста, прошедший в свое время через горнило народническо-социалистических течений русской общественной мысли, имел к тому же значительный стаж практической работы в качестве третьего земского элемента, человек был высокочестный. Но ответственность за инициативу все же не хотел здесь принять на себя.

И затем вопрос самостийности.

Лично я в Совете правительства и в Раде представлял кубанское течение общероссийского направления. Наша линейская группа всегда обращала взоры к будущему Всероссийскому Учредительному собранию, которое должно-де авторитетно разрешить судьбы России. Должно же быть когда-то оно! Но когда?..

Кубанское казачье Войско по смыслу закона, по содержанию выше отмеченных грамот, "высочайше дарованных" этому Кубанскому казачьему Войску, пользовалось земельной автономией. Вся поверхность войсковой территории, недра, леса, рыболовные воды, как лежащие внутри краевой территории, так и у берегов морей, омывающих войсковую территорию, на семиверстном расстоянии, и прочие угодья, теоретически значились неприкосновенною собственностью Кубанского казачьего Войска, каковое одно было вправе ими распоряжаться.

Но по дореволюционной практике центральная власть, повторяя в грамотах старые формулы, фактически опутывала старое войсковое право "распоряжения" своею собственностью такими формальностями и так настойчиво прибирало все к своим рукам, что в конце концов местная войсковая власть не вправе была распорядиться самостоятельно (без разрешения петербургской канцелярии) войсковым капиталом в сумме свыше 300 рублей.

Но буква закона, однако, была на нашей стороне и обеспечивала за полномочным войсковым органом право распоряжения, тем более что никаких признаваемых нами центральных канцелярий теперь не существовало. Да и революция есть освобождение жизни от мертвящих формальностей.

Несомненно, эти соображения легли в основу декларационных заявлений Рады в 1917 г., третий пункт которых по аграрному вопросу был сформулирован так: "Кубанское казачье Войско владеет, пользуется и распоряжается своими землями, лесами, водами и недрами самостоятельно и независимо".

Мне оставалось только делать отсюда прямые выводы и подвигать дело к практическому решению.

В краевой конституции осени 1917 г. и в проекте конституции, предлагаемой теперь на рассмотрение Рады, мы стали на путь расширительного привлечения к управлению отдельных частей населения.

Рада сказала: не Войско, а край, т. е. не одно казачье население пользуется полным правом распоряжения в крае, а все коренное население его — казаки, горцы и коренные крестьяне.

В своем докладе Раде — в порядке общих докладов правительства ей — я изложил сущность современной обстановки земельной реформы на Кубани, причем весьма настойчиво подчеркнул, что благоприятного разрешения земельного вопроса на Кубани нужно ждать не только от ожидаемых прирезок за счет существующих в крае частновладельческих крупных земельных площадей, казенных, войсковых, монастырских и прочих, но также и от повышения интенсификации сельского хозяйства и от обращения так называемых "неудобных" для сельского хозяйства земель в "удобные".

То разорение, которое понесло население края в результате борьбы из-за этой земли, стоило неизмеримо больше, чем эта земля. А сколько крови было пролито... Каким тяжелым бременем должно лечь все это на сознание поколений, предки которых уклонились бы от разрешения назревшего вопроса.

Любое радикальное разрешение вопроса с выкупом или без выкупа, предлагавшееся в дореволюционное время, было бы спасительным для государства и для народа и предохранило бы от неисчислимых жертв революции.

Я заявлял, что откладывать еще на будущее время решение этого вопроса нельзя, за основу его решения следует взять общие пожелания Рады 20 декабря 1917 г. с теми поправками, которые уже внесены жизнью.

Рада одобрила мой доклад и поручила своей земельной комиссии рассмотреть в деталях вопрос и представить ей на утверждение "Общие положения о земельной реформе в Кубанском крае".

Число членов земельной комиссии Краевой Рады, помнится, было что-то около пятидесяти. Присылали в нее фракции Рады или специалистов-агрономов, поскольку они были в наличности, или хороших опытных хозяев.

Большинство членов комиссии были все же рядовые казаки, горцы и крестьяне.

Об этом первом горниле нашей аграрной реформы можно сказать, что это было чисто народным решением.

После ряда совместных и поучительных заседаний мы потом засели в ведомстве за работу и сформулировали основные положения кубанской земельной реформы, которые вновь были предложены на рассмотрение земельной комиссии, и с малыми ее поправками наши предложения пошли в Раду, а 7 декабря 1918 г. были утверждены Радой.

Первая статья этого закона гласила об отмене в Кубанском крае частной собственности на землю и о перенесении этого права собственности на Кубанский край как самоуправляющуюся единицу. Все земли, леса, недра, надземные богатства и воды объявлялись подлежащими отчуждению в краевой земельный фонд (ст. 5-я) и в непосредственное владение и распоряжение краевой власти (ст. 8-я). В особую категорию относились: а) городские земли (ст. 4-я), б) земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющими общекраевое культурно-экономическое значение (ст. 6-я), и в) земли бывших собственников под усадьбами, виноградниками и торгово-промышленными предприятиями (ст. 7-я).

Все эти последние категории земель получали в законе особую оговорку, и давалось поручение Краевому правительству и Законодательной Раде выработать при детализации земельного закона особые положения и о них, дабы при новом земельном праве не было нанесено ущерба ни развитию городов, ни очагам земледельческой культуры, ни, наконец, связанной с землей промышленности.

Основной особенностью нового земельного закона было, во-первых, то, что существовавший у населения взгляд на незаконность частной собст-

венности на землю в пределах войсковой территории находил теперь себе выражение в "Основных положениях" реформы; во-вторых, что Кубанское казачье Войско в лице своих представителей, принявших в подавляющем числе участие в решении вопроса, отказалось от своих прав в пользу нового коллективного собственника земель, недр, лесов, вод и прочего — Кубанского края с его населением.

Но отчуждение безвозмездное признавалось только в отношении тех земель, которые перешли в руки собственника тоже безвозмездными способами (высочайшее пожалование и пр.). Земли же, дошедшие до настоящих владельцев путем купли, подлежали отчуждению с возвратом собственникам из краевой казны не покрытой доходами части цены, обозначенной в крепостном документе за вычетом залоговых обязательств (ст. 9-я).

Закон признавал обязательство казны оплатить все неиспользованные коренные улучшения, произведенные бывшими собственниками на землях, отчуждаемых как безвозмездно, так и возмездно.

Ясно была, следовательно, обозначена тенденция закона возвратить собственникам затраченные ими средства на приобретение и улучшение земель. В то же время земли, вымежеванные из войсковой территории сначала в срочное пользование, а потом в собственность офицерам, чиновникам и другим частным лицам за службу и в силу особого благоволения старой власти, эти земли Рада возвращала в краевой фонд без всяких компенсаций для прежних владельцев. Понималось, что эти земли отработали к данному времени пенсионный срок.

Впрочем, в законе была и еще одна особенность.

Если нынешние собственники не имели раньше других источников дохода, кроме отчуждаемых земельных участков, а по возрасту или болезни не могли обеспечить себя личным заработком, то закон утверждал за ними право на пособие из краевой казны — престарелым и инвалидам пожизненно, больным до выздоровления и детям-сиротам до совершеннолетия.

Вместо отбираемых земель у благотворительных, учебных и культурно-просветительных учреждений и организаций устанавливались для них субсидии в порядке сметных предположений, по расчету из средних арендных цен соответствующего района края.

Декларативно обращались в краевой земельный фонд также земли юртовые, т. е. земли станичных, хуторских, аульных, сельских и прочих обществ, но фактически впредь до издания закона об окончательном распределении эта категория земель оставалась в пользовании соответствующих земельных обществ в существующих границах. Что касается земель крестьянских и мещанских товариществ, а также мелких собственников, то в их пользование оставлялись участки, не превышавшие среднего размера душевого надела (пая), излишки отчислялись в краевой земельный фонд на общих основаниях, с принятием во внимание так же, как и при прочих отчуждениях, особого учета земельных улучшений на этих участках их прежних собственников.

Правом на получение земли из краевого земельного фонда обладало, вообще говоря, все трудовое земледельческое коренное население края, но малоземельные казаки, крестьяне и горцы должны были быть наделены землей в первую очередь (ст. 14-я).

Взяли верх, следовательно, стремления подкрепить в первую очередь уже существующие в крае, но ослабевшие вследствие малоземелья хозяйства, т. е. стремления, продиктованные, на первый взгляд, эгоизмом законодателя, при ином же подходе к делу — соображения отмеченного выше "производственного" интереса местного земледелия.

Таким образом, мы самостийно разрешили земельный вопрос, но делали усилие, чтобы это его новое пореволюционное решение находилось в органической связи с местным предреволюционным, чтобы делатели того же дела впоследствии могли лишь развивать дело, а не делать скачков в неизвестное будущее.

Новое разрешение вопроса во многом (в основном) представляло лишь исправление несправедливого и извращенного старого, тем более что это доброе старое еще живо было в общей казачьей традиции со времен Запорожья, со времен первых лет пребывания на Кубани казаков-запорожцев.

При докладе статьи первой об уничтожении частной земельной собственности председатель правительства Л. Л. Быч предложил мне заявить от имени правительства о необходимости сохранить как особую ограниченную категорию собственности мелкую земельную собственность. Я отказался. Тогда сам Быч сделал соответствующее заявление. Но успеха он не имел. Один член Рады (от станицы Гастагаевской) с кафедры Рады заявил: "Я дуже, дуже шаную (уважаю) Л. Л. Быча, но что касательно земельки, то я с ним не согласный".

Текст, доложенный комиссией, был принят Радой почти без изменений. 7 декабря было закончено рассмотрение Краевой Радой наших "Основных положений земельной реформы в Кубанском крае".

Предстояло избрать членов Законодательной Рады.

Можно было бы произвести избрание депутатов в Законодательную Раду по принципу прямого большинства, которое мог собрать на пленуме Рады тот или иной список кандидатов или же применить часто у нас практиковавшийся способ избрания: списки кандидатов, намеченных группами, проводились по большинству сначала в отделах, а на пленуме происходило лишь их утверждение.

Первый способ был, несомненно, выгоднее большинству, одержавшему победу при выборах атамана. Второй способ был выгоднее черноморской группе.

Дело в том, что старое административное деление Кубанской "Области" на семь отделов заключало ту особенность, что, кроме сплошных

черноморских отделов — Ейского и Таманского и сплошных линейских — Лабинского и Майкопского — были отделы смешанные, но с преобладанием в них элемента черноморского — Екатеринодарский и Кавказский. Баталпашинский отдел, населенный преимущественно казаками-хоперцами, по настроению чисто линейскими, по своей малочисленности не мог уравновесить неравенство распределения сил в двух названных смешанных отделах.

Если бы производились выборы на пленуме, то голоса тех линейцев, которые пропадали в смешанных отделах как меньшинство, наоборот, подкрепили бы весьма существенно список депутатов-линейцев. К тому же среди линейцев этих отделов нашлись типичные ренегаты, которые связали свою судьбу с руководителями черноморцев: В-в, К-ов и другие, менее видные, но еще более беспринципные. Этих черноморцы при выборах довольно охотно поддерживали, чтобы демонстрировать, к тому же, свое якобы беспристрастие.

Мы недооценили тогда всех этих особенностей и позволили при выборах в Законодательную Раду ослабить значение своей победы при выборах атамана.

При данной системе выборов в Законодательную Раду прошли все руководители черноморской группы и привели вместе с собою особое беспринципное "болото" — обстоятельство, сыгравшее потом свою весьма печальную роль.

Торжественно была вручена вновь переизбранному атаману булава.

Следует отметить некоторую подробность этих торжеств.

Со времени существования отдельного Войска Черноморского времен еще Запорожья остались реликвии былого вольного казачьего управления, былой боевой славы, наконец, осталось собрание государственных грамот, в коих подтверждались имущественные и войсковые права казаков, их права на самоуправление.

Все это собрание приобрело в просторечии наименование "Войсковых регалий". Всякое казачье торжество сопровождалось и при старом режиме торжественным выносом "регалий" на войсковую площадь. После революции этот вынос приобрел особое значение. Он будил воспоминание о былой казачьей воле и подкреплял теперешнее стремление к ней.

Теперь к торжеству "вручения атаману булавы" регалии были доставлены в Екатеринодар из той станицы, где они хранились, пока Рада и правительство блуждали в "Ледяных походах". Был соблюден особый полный церемониал их выноса. Впереди шел старый почтенный полковник с седой бородой мерным степенным шагом, за ним вели светло-серую лошадь с перекинутыми через седло старинными литаврами, в которые некогда ударял "довбиш", чтобы созвать запорожцев на "раду", затем особо приглашенные старики попарно несли старые куренные значки, потом грамоты, потом знамена и т. д.

Шествие торжественное и трогательное. Особенно теперь, после пережитого, когда существование самого казачества оказалось под вопросом.

Перед этими знаками войсковой славы вновь избранный атаман произнес положенную по конституции присягу, получил в свои руки атаманскую булаву — знак атаманского достоинства, и произошло вместе с тем положенное по древнему обычаю помазание атамана землей (грязью), чтобы не загордился высоким избранием!

Заключительным этапом работ Краевой Рады нужно считать ее "приказы", обращенные к населению края и к кубанским войскам.

В приказе № 1 чрезвычайная Краевая Рада именем избравшего ее народа провозглашала:

— Отныне на Кубани не должно быть произвола и насилия.

— Все лица, подозреваемые или обвиняемые в каких-либо преступлениях, а также в большевизме, должны отвечать только по суду.

— Равный для всех закон и справедливый законный суд — лучший залог закрепления нашей победы над насилием и произволом большевиков.

Рада повелевала Войсковому атаману, Краевому правительству, отдельским и станичным атаманам, аульным и сельским старшинам:

1. Немедленно принять строжайшие меры к прекращению самосудов, произвола и насилий над свободою, личностью, жизнью, честью и имуществом всех проживающих в пределах Кубанского края.

2. Немедленно пересмотреть все дела арестованных и освободить незаконно и невинно арестованных.

3. Принять меры к охране от насилий тех большевиков, которые добровольно сложат оружие и возвратятся домой согласно призыву Главнокомандующего Добровольческой армией.

4. Производить аресты и обыски только на точном основании закона.

5. Прекратить самовольное, без утверждения Войскового атамана, приведение в исполнение смертных приговоров по постановлениям чрезвычайных военных судов.

6. Не допускать телесных наказаний.

7. Привлекать немедленно к строжайшей ответственности всех лиц, злоупотребивших представленной им властью.

Краевая Рада прервала свои занятия как бы на Рождественские каникулы.

В основном она сказала свое слово:

— Единство России, демократизм, временность самостоятельного существования края, народность земельной реформы, борьба с большевизмом до конца, единство военного командования, неприемлемость диктатуры как системы организации гражданской власти...

Но ведь это только общая идея. В содержании ее много осталось совершенно неясным. Более того, остались неразрешенными наиболее злободневные вопросы краевой экономики и политики. Рада не оставила ясности даже в вопросе об общем направлении той и другой.

Особенно остро должна была почувствоваться неясность и недоговоренность в вопросе об образовании объединенной власти. Этот вопрос — в связи с прениями по докладу Быча, в связи с протестом добровольцев, их выходом из Рады, неудачей работ согласительной комиссии и прочим — оставался висеть в воздухе и представлялся теперь крайне чреватым в будущем всяческими осложнениями.

В виде как бы личной компенсации Л. Л. Быч получил от Рады особое назначение, на которое тогда не было обращено должного внимания.

Рябовол в конце одного из заседаний предложил Раде послать делегацию на Запад Европы для осведомления западноевропейского общества о положении дел на Кубани и вообще на Юге России, а также для защиты "наших интересов".

Делегации посылать в дореволюционное время казачьи представительные учреждения привыкли. Необычайность заключалась лишь в том, что теперь посылалась делегация за границу, в Париж, где в это время заседала мирная конференция и где решались "мировые вопросы". Но, по сознанию среднего члена Рады, почему же не послать делегацию и туда...

Председатель подсказал при этом и имя кандидата в главы делегации, указал способ, как создать для него соответствующий антураж, да, кстати, предложил ассигновать соответствующую сумму денег на эту делегацию — миллион рублей, при курсе в 38—40 рублей за фунт стерлингов — сумма очень значительная, около 30 000 фунтов стерлингов.

Рада согласилась и на ассигновку, и на возглавление делегации Л. Л. Бычем. В помощь ему определялось прикомандировать по одному делегату от каждого отдела и национальную делегацию от горцев. Создалась, таким образом, делегация в девять человек. В нее попали лица из обычного его, бычевского, антуража: Манжула, Намитоков, Билый Игнат и др. Представители Ейского отдела выдвинули было своего испытанного "дипломата" — И. Л. Макаренко. Но это совсем не улыбалось Бычу. Этот его пересидел бы в Париже, да еще совсем неизвестно, какую Макаренко погнул бы там линию. Быч запротестовал. Когда в принципе дело было сделано, он мог позволить себе роскошь выбора.

В качестве мотива в пользу пересмотра ейчанами дела об их кандидате было сделано указание, что в делегации нужны специалисты по военным делам. Ейчане вняли призыву разборчивого первого делегата и избрали на Конгресс мира в качестве военного специалиста делегата все того же близкого Бычу генерала Савицкого.

В Екатеринодар прибыли "союзники" — британские и французские офицеры. Они посетили Краевую Раду чуть ли не прямо с вокзала. Последнее обстоятельство могло быть истолковано кубанцами в свою пользу.

— Союзники, не откладывая, сделали нам визит...

Но в Раде от имени союзников выступил лейтенант Жан Эрлишь с речью, произнесенной с большим пафосом.. Быть может, это была первая речь в Раде, произнесенная в европейском стиле и заранее рассчитанная компоновкой ее частей. В ней была обязательная для европейцев доза демократизма. Но Эрлиш повторил полностью добровольческий лозунг, правда, на свой особый манер:

— Единая и неразделимая Россия!

В кубанском ответе обходилось это неудобное реченье и напиралось на демократизм в приветствии. Отвечали союзнику по-французски.

Был ясный солнечный день. Улицы переполнены народом, общее оживление, много бодрости..

Кубанско-рябоволовская половина была определенно смущена, другая половина недоумевала, к чему бы это.

Добровольцы тоже не имели основания радоваться.

— Единая и неразделимая, но все слова за демократию.

— Да кто они, которые приехали? Каковы их полномочия?

Крайние крылья из лагеря добровольцев и кубанских экстремистов радовались разоблачению:

— На Эрлише лишь мундир французский, а сам он из "наших одесситов", Иван Николаевич Эрлих...

Второй — 1918-й год гражданской войны кончался при благоприятных обстоятельствах, особенно для нас, кубанцев. Вся краевая территория была очищена от большевистского воинства, именно в городе Екатеринодаре произошла первая встреча живой России с посланцами победительницы — Европы.

Борис Башилов

МАСОНСТВО И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ*

ОРДЕН РЫЦАРЕЙ ЗЛОГО ДОБРА

Про революционное движение в 60-х гг. Достоевский писал в "Дневнике писателя" за 1873 г.: "Что до движения, то это было тяжелое, болезненное, но роковое своею исторической последовательностью движение, которое будет иметь свою серьезную страницу в петербургском периоде нашей истории".

Руководителем этого рокового движения был Н. Чернышевский, ставший в 50-х гг. руководителем Ордена Р. И. вместо А. Герцена, умершего Белинского и находившегося в заключении Бакунина. Интеллигентские круги всегда распространяли слухи, что прекраснодушный идеалист Чернышевский был осужден правительством совершенно безвинно, как ранее безвинно были осуждены петрашевцы. На самом деле Чернышевский был такой же фанатик-революционер, как и Белинский, как и Бакунин, считавший, что во имя сокрушения царской власти "все позволено". "Вы сделали, что могли, — писал он А. Герцену в письме, опубликованном последним в № 64 "Колокола", — чтобы содействовать мирному разрешению дела, перемените же тон, и пусть ваш "Колокол" благовестит не к молебну, а звонит в набат. К топору зовите Русь".

В своей революционной деятельности Чернышевский исходил из того, что в борьбе с царями "все позволено". Вот штрих, хорошо характеризующий уровень этого "святого" от топора. Найдя однажды утром у дверей своей квартиры прокламацию "К молодому поколению", Достоевский решил поехать к Чернышевскому. На квартире у последнего произошел следующий разговор:

" — Николай Гаврилович, что это такое? — вынул я прокламацию.

Он взял ее как совсем незнакомую ему вещь и прочел. Было всего строк десять.

— Ну, что же? — спросил он с легкой улыбкой.

— Неужели они так глупы и смешны? Неужели нельзя оставить их и прекратить эту мерзость?

Он чрезвычайно веско и внушительно отвечал:

— Неужели вы предполагаете, что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?

Достоевский просил Чернышевского осудить прокламацию и этим воздействовать на революционные круги. "Ваше слово для них веско, — сказал Достоевский, — и уж, конечно, они боятся вашего мнения".

— Я никого из них не знаю, — сказал Чернышевский".

Чернышевский лгал Достоевскому. Прокламация была написана его другом Шелгуновым и напечатана Герценом. "Если для осуществления наших стремлений, — писал Шелгунов, — для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно... Нам нужен не император, помазанный маслом в Успенском соборе, а выборный старшина, получающий за свою службу жалованье".

В 1905 г., когда невыгодно было расшифровывать связи руководителей революционных тайных обществ 60-х гг. с масонством, деятель тайного общества "Земля и воля" (1864—1868 гг.) А. Ф. Пантелеев писал в своих воспоминаниях: "В конце беседы господин в пенсне (А. Слепцов) вошел в некоторые конспиративные детали и между прочим сообщил рецепт химических чернил для переписки: "Его дал Маццини". Если ссылкой на знаменитого заговорщика он хотел в финале усугубить эффект, то сильно ошибся".

Читатели дореволюционного издания воспоминаний Пантелеева оставались в убеждении, что Слепцов говорил о своих связях со знаменитым масоном своего времени без всяких оснований. Но в новом издании воспоминаний Пантелеева, выпущенных в 1958 г. Гослитиздатом, указанное выше место в воспоминаниях Пантелеева сопровождается следующими примечаниями: "Ссылка на Маццини отнюдь не была пропагандистским ходом Слепцова. Связь с ним действительно поддерживалась как непосредственно Слепцовым, так и через Огарева. Маццини же принадлежит идея "пятерок" (Герцен, т. XVI,

* Окончание. Начало в № 7—8.

с. 77; "Звенья", вып. 1933, с. 534 и "Литературное наследство", № 62, с. 552). "Формы и степень связи Лондона и Петербургского центра "Земли и воли" до сих пор окончательно не определены, но несомненно были очень значительны" (с.748).

Чернышевский, изображаемый невинным агнцем, стоял во главе Центрального Комитета "Земли и воли". "В настоящее время, — пишет в комментариях к воспоминаниям А. Пантелеева С. А. Рейснер, — можно считать установленным, что Чернышевский принимал руководящее, хотя и строго законспирированное, участие в оформлении петербургского подполья в революционной организации". Герцен в письме к Н. И. Утину 13 декабря 1864 г. писал про арест Чернышевского: "На одной сильной личности держалось движение, а сослали — где продолжение?" ("Литературное наследство", № 61, с. 275).

"Земля и воля" подготавливала восстание. В общество было вовлечено около 1000 человек. Особенно интенсивно шла вербовка военных. Н. А. Энгельгардт пишет в своих мемуарах "Давние эпизоды", что Н. Утин и Пантелеев предлагали его отцу портфель военного министра. Премьером правительства назывался Чернышевский ("Исторический вестник", 1910. № 2, с. 550).

В разгар студенческих волнений сотрудники "Современника", руководителем которого был Чернышевский, Елисеев и Антонович пытались вовлечь студентов в дело похищения цесаревича. В заметке "К биографическим материалам о М. А. Антоновиче" Пантелеев пишет, что сущность террористического замысла сотрудников "Современника" состояла в том, что они хотели с помощью студентов-революционеров осуществить "захват в Царском Селе наследника (Николая) и требовать по телеграфу от царя, находившегося в Ливадии, немедленного обнародования конституции, иначе он должен проститься с сыном", ("Воспоминания", с. 536).

Польское восстание 1863 г., как и первое восстание 1830 г., в значительной степени было подготовлено польскими масонскими ложами при активном участии мирового масонства. Центральный комитет по подготовке восстания находился в Лондоне, живущие за границей поляки-эмигранты сосредоточиваются в трех центрах европейского масонства — Лондоне, Париже и Швейцарии. Лондонским революционным комитетом во главе с графом Замойским руководят масоны Мацини, Саффи, де Тур и Кошут. Общее руководство восстанием осуществлял тайный комитет в Польше "Ржонда народова", в состав которого входило много польских масонов. В состав лондонского комитета входили и принимали активное участие в его работе и Герцен, и Огарев.

Герцен, Огарев, Бакунин и польские масоны, чтобы затруднить русскому правительству борьбу с польскими восстаниями, решают вызвать смуту и беспорядки в России. С этой целью в Россию направляются специальные агитаторы. В программе восстания, составленной Л. Мерославским, найденной во время обыска у графа Замойского, говорится: "Пусть там распространяют казацкую гайдаматчину против попов, чиновников и бояр, уверяя мужиков, что они стараются удержать их в крепостной зависимости (крестьяне в момент польского восстания еще не были окончательно освобождены, а находились еще на положении временнообязанных. — *Б.Б.*). Должно иметь в полной готовности запас смут и излить его на пожар, зажженный уже во внутренности Москвы. Вся агитация малороссианизма пусть перенесется за Днепр; там обширное пугачевское поле нашей запоздавшей числом хмельничевщины. Вот в чем состоит вся наша панславистическая и коммунистическая школа. Вот весь польский герценизм. Пусть он издали помогает польскому освобождению, терзая современные внутренности царизма. Пусть себе заменяют вдоль и поперек анархией русский царизм".

23 ноября 1862 г. было заключено соглашение Падлевского с "Землей и волей" о том, что пропагандисты последней усилят пропаганду среди расквартированных в Польше войск, будут агитировать за соединение русских войск с частями повстанцев. Пропаганда эта имела значительный успех. Руководителю комитета русских офицеров А. А. Потебне удалось вовлечь в члены "Земли и воли" около 200 офицеров. Разговоры о том, что польские патриоты будут бороться не только за свободу Польши, но и за свободу русских, были рассчитаны только на легковерных русских идеалистов, взвинченных масонской демагогией Герцена и польских эмиссаров. "Пусть обольщают себя девизом, — цинично пишет в плане восстания Мерославский, что этот радикализм послужит "для вашей и нашей свободы" (слова из статьи Герцена). Перенесение его в пределы Польши будет считаться изменой отчизне и будет наказываться смертью, как государственная измена".

Когда правительство разгромило и "польский", и "русский" герценизм, в основе которого было одно и то же масонское начало, то масон Наполеон III и британский премьер-министр Биконсфильд (урожденный еврей Дизраэли) потребовали созыва европейской конференции для обсуждения польского вопроса. Но Александр II приказал министру иностранных дел сообщить Англии и Франции, что они не имеют права вмешиваться во внутренние дела России.

Если когда-то все пути вели в Рим, то в XIX столетии все пути ведут в Лондон — тогдашний центр мирового масонства. Сбежавший в 1861 г. из Сибири в Америку Бакунин при первой возможности переезжает в Лондон. Бакунин вступает в организованный К. Марксом Интернационал. В прокламации "Начало революции" Бакунин пишет: "Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что формы, в которых должна проявляться эта деятельность, могут быть чрезвычайно разнообразны. Яд, кинжал и т. п. Революция все равно освящает в этой борьбе". Масонский дух бакунинских деклараций ясно виден в каждой фразе.

9 сентября 1867 г. в Женеве состоялся конгресс "Лиги мира и свободы". Это было время, когда прогрессивные недоросли всего мира возлагали преувеличенные надежды на Первый Интернационал. На конгрессе "Лиги мира и свободы" присутствовали две революционные знаменитости: Гарибальди и Бакунин, объявившие войну всему буржуазному миру. Посетил заседания конгресса и бывший в то время в Женеве Достоевский.

Ф. М. Достоевский написал о полученных на конгрессе впечатлениях два письма: одно Майкову, а другое Ивановой. Майкову Достоевский писал: "Писал ли я вам о здешнем мировом конгрессе? Я в жизнь мою не видывал и не слыхивал подобной бестолковщины, но я не предполагал, что люди были способны на такие глупости. Все было глупо — и то, что собрались, и то, как дело повели, и то, как разрешили. Начали с предложения вотировать, что не нужно больших монархий и все поделать маленькие, потом, что не нужно веры. Это было четыре дня крику и ругательств. Подлинно мы у себя, читая и слушая рассказы, видим все превратно. Нет, посмотрели бы своими глазами, послушали бы своими ушами".

Письмо Ивановой еще более яркое: "Я сюда попал прямо на Конгресс мира, на который приезжал Гарибальди, — пишет Достоевский 29 сентября 1867 г. — Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, социалисты и революционеры, врали с трибуны, перед 5000 слушателей, то невыразимо.

Никакое описание не передаст того. Комичность, слабость, бестолковщина, несогласие, противоречие себе, — это вообразить нельзя. И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников. Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру, большие государства уничтожить и поделать маленькие, все капиталы прочь, чтобы все было по приказу и т. д. Все это без малейшего доказательства, все это заучено еще двадцать лет тому назад наизусть, да так и осталось. И главное — огонь и меч, и после того, как все истребится, тогда, по их мнению, и будет мир".

Конгресс "Лиги мира и свободы" был смотром европейского революционного подполья перед подготовленным масонством разрушением монархии во Франции.

Выслушав произнесенную на конгрессе Бакуниным речь, Достоевский написал свою знаменитую характеристику "великого анархиста": "Бакунин старый, гнилой мешок бредней, ему легко детей хоть в нужник вести".

Бакунин звал молодежь проповедовать разрушение существующего политического и социального строя. Анархическое учение Бакунина еще более заостряет Нечаев, открыто провозгласивший, что во имя всесокрушающей революции — "все позволено". Нечаев основал тайное общество "Народная расправа" и призывал убивать всех, кто в той или иной форме поддерживает существующий строй. Императору Александру II Нечаев обещал в своих прокламациях "казнь мучительную, торжественную, перед лицом всего освобожденного люда, на развалинах государства".

В "Катехизисе революционера" (составленном, по мнению одних исследователей, Бакуниным для Нечаева, а по мнению других, самим Нечаевым) даются следующие советы:

"Необходимо, чтобы он (кандидат в революционеры — *Б.Б.*) был атеистом... и был бы... врагом принципа всякой власти, и чтобы он ненавидел все ее применения и последствия как в области интеллектуальной и моральной, так и в политической, экономической и социальной.. Он должен, следовательно, ждать уничтожения церкви, постоянных армий, централизованной власти, бюрократии, правительств, парламентов, университетов и государственных банков... Необходимо уничтожить так называемый принцип национальности, принцип двусмысленный, полный лицемерия... Необходимо ненавидеть идеи величия и славы нации, годные лишь для монархии и олигархии, а в наше время и для крупной буржуазии, потому что эти идеи применяются ими для обманывания народов и для натравливания их один на другой, для наилучшего их порабощения. Патриотизм должен отойти на задний план, ибо необходимо, чтобы революционеру были ближе к сердцу справедливость и свобода, и в случае, если его собственное отечество будет иметь несчастие от них отойти, он должен без колебания выступить против него... Надо, чтобы он был социалистом и во всем следовал нашему катехизису революционера..."

Согласно параграфу 3-му, революционер "...презирает общественное мнение, он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях общественную нравственность; нравственно для него все то, что способствует торжеству революции; безнравственно и преступно все, что мешает ей... Товарищество, — читаем мы в "Катехизисе", — всеми силами и средствами будет способствовать развитию тех бед и зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию".

Таковы "моральные" и тактические приемы.

рекомендуемые русским карбонариям. Таковых же аморальных приемов придерживались и интеллигенты, работающие в области теории революции и легального расшатывания русской монархии при помощи критики русской действительности, при каждом удобном случае (в каждой статье, каждой книге, каждой рецензии на книгу национального содержания, на каждом уроке в школе, на каждой лекции в университете, в каждом разговоре).

Нечаев был одним из главных виновников студенческих волнений в Петербурге в 1869 г. Когда один из членов созданного Нечаевым кружка заговорщиков стал возражать против практикуемых Нечаевым аморальных методов работы, то Нечаев, желая связать всех заговорщиков "кровью", настоял на его убийстве. Процесс нечаевцев послужил темой для "Бесов" Достоевского.

То, что волнения студенческой молодежи и усиление роста революционного движения в 60—70-х гг. имеют в основе своей не русское происхождение, ясно понимал Достоевский, писавший в письме к обратившимся к нему за разъяснением московским студентам, что русская молодежь "теперь несомненно попала в руки какой-то совершенно внешней политической руководящей партии, которой до молодежи уже ровно никакого нет дела и которая употребляет ее как материал и Панургово стадо для своих внешних и особенных целей".

"Не будем делать никаких иллюзий, — говорил Наполеон III, сначала возведенный братьями-масонами в императоры Франции, а по миновании надобности низложенный ими, — мир управляется тайными обществами". "Государственные мужи нашего времени, — сказал премьер-министр королевы Виктории лорд Биконсфильд (Дизраэли) 20 сентября 1876 г., — имеют дело не только с правителями, императорами, королями и министрами, но также и с тайными обществами: с этим элементом приходится считаться. Эти общества могут свести на нет всякое политическое соглашение. У них везде есть агенты, беззастенчивые подстрекатели убийств; там, где нужно, всегда могут они устроить кровавую баню".

Парижская коммуна — дело рук масонов и связанных с ними революционных организаций. "Но нигде, — пишет Фара в своем исследовании "Масонство и его деятельность", — оно не выступает так ярко в своей обычной антихристианской и революционной работе, как во время Парижской коммуны 1871 г. Я не буду останавливаться на работе масонства по подготовке свержения Второй империи, на его первенствующей роли во франко-прусской войне, на деятельности маршала Базена, этой игрушки в руках "Великого Востока", на неудачных маршах Мак-Магона, в коих такую значительную роль сыграл племянник бывшего гроссмейстера ложи лейтенант-полковник Маньян, и укажу лишь на открытые выступления масонства после крушения Второй империи и провозглашения Коммуны".

"Ни один государственный строй никогда не был таким таинственным, как Третья республика, — пишет Жак Бидеген, одно время бывший секретарем ложи "Великий Восток Франции". — Учреждения, служащие ей фасадом, суть лишь лживые декорации, за которыми происходят вещи, неизвестные толпе" *. В 1872 г. в одном салоне в Стокгольме зашла однажды речь о причинах поражения французов. "Я не хотел первый подымать этого щекотливого вопроса, — сказал присутствовавший здесь русский посланник Николай Карлович Гирс, — но раз об этом заговорили, то я не могу не отметить ту роль, которую играло в этой войне масонство. Я в это время был посланником в Берне (в Швейцарии); в этом городе находилось превосходно организованное агентство, собиравшее все сведения относительно французских войск, провианта и проч. Эти сведения исходили из французских масонских лож, которые в свою очередь получали их от французских офицеров-масонов и передавали с необычной быстротою шифрованными депешами прусско-масонскому агентству в Берне. Я тогда основательно изучил эту колоссальную организацию и представил подробный отчет о ней своему правительству... Как оказывается, Франция была заранее осуждена верховным международным масонством, и никакая военная организация, никакая стратегия, никакая храбрость ее войска не могла спасти ее от поражения. Это была война слепых против зрячих..." (А. Селянинов. Тайная сила масонства, с. 257). Вот что сорок лет назад говорил русский дипломат и о чем предупреждал он свое правительство.

В первой же прокламации Коммуны говорится: "Мы атеисты потому, что человек не станет свободным, доколе он не изгонит Бога из своего разума... В Коммуне нет места священнику, всякая религиозная организация или религиозное проявление должны быть запрещены". Расстреливаются и арестовываются как заложники главным образом лица духовного звания, среди которых парижский епископ Дарбуа, за ним следуют видные священники Сеньере, Микель, Ольмер, Оливье и др. Смело можно сказать, что в течение 73 дней Коммуны не было ни одного, прошедшего без ареста или убийства священников. Одновременно с этим закрываются храмы, срываются кресты (например, 31 марта крест на Пантеоне

* J. Bidegain. Une conspiration sous la III Republigue. P. 87; Za lutte antimasonnigue. P. 66.

заменяется красным флагом при неистовых криках толпы и при пушечной стрельбе), и грабеж церковных ценностей становится вполне узаконенным действием.

В официальном журнале Коммуны 27 мая сообщается о торжественном приеме в городской ратуше депутации масонов. "Все сердца бьются в унисон", — сказано в отчете о приеме масонов. Член Коммуны масон Тирифок утверждал, что "масонство понимает Коммуну как базу всех социальных реформ". Член Коммуны и член масонской ложи № 133 Лефрансе заявил, что он "давно увидел, что цели Коммуны те же, что и цели масонства". Член Коммуны Аликс сказал: "Парижская коммуна на практике и в новой форме проводит то, что масонство издавна провозглашало". Торжество закончилось заявлением одного из масонов, что "Коммуна есть новый храм Соломона и что цели Коммуны и масонства одинаковы".

В газете, издававшейся Коммуной, 24 мая было помещено следующее воззвание:

"К масонам всех ритуалов и всех степеней!

Коммуна, защитник наших священных принципов, призывает вас к себе. Вы ее услышали, и наши почетные знамена были разорваны пулями и сломаны снарядами наших врагов. Вы геройски ответили на наш призыв, так продолжайте же при поддержке всех лож.

Воспитание, которое мы получили в наших почтенных ложах, продиктует всем и каждому тот священный долг, который мы обязаны выполнить. Счастливы те, которые восторжествуют, слава тем, кто погиб в этой священной войне. К оружию! Все для республики! Все для Коммуны!"

Интеллигенты отлично знали о кровавых буйствах революционной черни во время Парижской коммуны, но тем не менее курили ей фимиам на каждом шагу. Так, "народолюбец" Некрасов не постеснялся написать в честь погибших "героев" Коммуны стихотворение: "Смолкли честные, доблестно павшие..."

После уничтожения монархии во Франции следующей своей целью масонство ставит свержение монархии в России. После поражения Парижской коммуны К. Маркс уверенно утверждал, что следующая крупная революция произойдет в России. "Россия, — писал он в 1877 г. Энгельсу, — давно уже стоит на пороге больших переворотов". Приветствуя митинг славянских революционеров в 1881 г., Маркс уверял: "... в конце концов должно будет неизбежно привести хотя бы после длительной и жестокой борьбы к созданию Российской коммуны".

После разгрома Парижской коммуны масоны и их идейная агентура продолжают работать во всех странах по пропаганде масонских идей: атеистической культуры, социализма, всеобщего равенства и бесконечного прогресса. В России роль идейных агентов масонства выполняют различные группировки членов Ордена и члены Ордена, живущие в эмиграции.

Парижская коммуна — идейное и революционное детище масонства — оказала огромное влияние на направление революционной деятельности членов Ордена Р. И. Интеллигенты-революционеры начинают мечтать об организации Русской коммуны. "С Парижской коммуной, — свидетельствует в "Подпольной России" Степняк-Кравчинский, — грозный взрыв потряс цивилизованный мир, русский социализм вступил в воинственный фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские.

В книге Л. Дейча "Роль евреев в русском революционном движении" читаем: "Пребывание Гольденберга с товарищами в петрозаводской тюрьме совпало с Парижской коммуной 1871 г., которая, как известно, наряду с Первым Интернационалом имела огромное влияние на развитие нашего революционного движения. В Петербурге и в других университетских городах стали возникать более или менее значительные тайные организации, задававшиеся целью распространять социалистические взгляды среди учащейся молодежи, а также между трудящимися слоями населения" (с. 82).

Возникает тип "русского коммунара", изображенный Достоевским в лице Версилова в романе "Подросток". "Это дворянин древнейшего рода, — пишет Достоевский, — и в то же время парижский коммунар. Он истинный поэт и любит Россию, но зато и отрицает ее вполне. Он без всякой религии, но готов почти умереть за что-то неопределенное, чего и назвать не умеет, но во что страстно верует, по примеру множества русских европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории".

Семидесятники, как и шестидесятники, поддерживают связи с Интернационалами Маркса и Бакунина. Эмигрировавший Лавров вступает в члены Интернационала К. Маркса.

Видные члены "Народной воли", убившей Александра II, расценивают К. Маркса как выдающегося представителя революционной идеологии. В пропагандной брошюре "Мудрица Наумовна" народоволец Степняк-Кравчинский писал: "Но которая же из книжек была моей Мудрицей Наумовной?" И отвечает: "Имя этому человеку — Карл Маркс, а называется эта книжка "Капитал". Степняк-Кравчинский, Н. Морозов, Л. Гартман лично встречались с Марксом. Один из выпусков революционной библиотечки "Народной воли" был посвящен "Коммунистическому манифесту".

"Увлекались" учением Маркса и члены Ордена, не принимавшие участия в революционной

работе, а работавшие в области легального расшатывания идейных основ самодержавия. В статье "Встречи с Марксом" профессор Московского университета М. Ковалевский признается, что он в течение двух лет еженедельно посещал Маркса. Маркс специально изучил русский язык и следил за русской революционной литературой. Он наградил Чернышевского званием "великого ученого", писал поощрительные письма в редакции русских "прогрессивных" журналов, травивших все русское. Прочитав письмо Маркса, написанное им редакции "Отечественных записок" в ноябре 1877 г., Г. Успенский пришел в телячий восторг. "Как это письмо меня тронуло!.. — пишет он. — Ведь это Маркс. Не Лев Толстой, не Вышеградский, не Катков."

Элло, французский исследователь взаимоотношений масонства с Первым Интернационалом, пишет в своей работе "Франкмасонство и рабочий", что после раскола Интернационала в 1873 г., когда он разделился на "социал-коллективистов" и "социал-анархистов", руководимых Марксом и Бакуниным, оба эти сообщества, подобно Первому Интернационалу, от которого они ведут свое происхождение и свой дух, получили (и продолжают получать) внушения от масонских лож. Тайные общества управляли анархистским движением, как и всеми прочими отраслями коллективизма" (с 43). "Сильно ошибаются те, — пишет Клодио Жанне в "Франкмасонстве", — кто думает, что разделение тайных обществ или социалистов ослабляет их: они всегда соединяются, когда нужно будет совместное выступление (как это было, например, в 1917 г — *Б.Б.*). Таким образом, какая бы ни существовала рознь между различными революционными группами, все они одинаково горячо сочувствуют убийству императора Александра II, как сочувствовали покушению Гартмана... Обоими видами социализма: "социализма коллективного" и "социализма социалистического" — управляют масоны" (с. 641).

Вождь мирового анархизма Кропоткин считал, что революционному движению выгодно иметь связь с масонством. Кропоткин сказал однажды большевику Бонч-Бруевичу: "...Революционное движение много теряет оттого, если так или иначе не будет связано с масонством, имеющим свои нити в России в самых разнообразных сферах". Кропоткин, как и Герцен, многие годы жил в Лондоне. Есть веские основания предполагать, что Кропоткин и Бакунин, так же, как и Герцен и Огарев, в той или иной форме были связаны с мировым масонством и русскими масонами и тайными ложами, продолжавшими существовать в России.

"Статуты анархистского сообщества, — сообщает Элло, — были захвачены у одного из членов и опубликованы в марте 1880 г. в берлинском "Рейхсботе", в венском "Фатерланд" и парижском "Универс". Сообщество это имело три степени: 1) "Международные братья", 2) "Национальные братья" и 3) "Братья полутайной организации международной демократии". Поступление в тайные группы сопровождалось различными церемониями, схожими с масонскими" (с. 53, 60). "Вот та огромная организация, которая со второй половины XIX века стала обслуживать масонские интересы, так как само масонство стало уже подозрительным для многих правительств. Ей было предписано волновать христианские страны, начиная с Франции и России" (с. 61).

Все бежавшие за границу русские революционеры и террористы находят мощных защитников в лице масонства. Самое безопасное место для русских революционеров — центр мирового масонства Лондон.

Когда Гартман после неудачного покушения на Александра II скрылся за границу, то выяснилось, что он находится под покровительством какой-то могущественной тайной организации. "Обнаружилось это, — указывает автор книги "Франкмасонство и рабочий" Элло, — когда русское правительство обратилось к французскому с требованием выдачи Гартмана, скрывшегося в Париже под именем Мейера. Едва Гартман по просьбе русского посла был арестован, как французские радикалы подняли невообразимый шум. Депутат-масон Энгельгардт взял на себя его защиту, доказывая, что Мейер и Гартман суть разные лица. Русский посол князь Орлов стал получать угрожающие письма. Наконец, левые депутаты готовились внести запрос и устроить падение министерства. Последнее испугалось и, не дожидаясь прибытия обещанных Орловым документов, могущих установить личность Гартмана-Мейера, поспешно согласилось с заключениями брата Энгельгардта и помогло Гартману бежать в Англию... В Лондоне Гартман торжественно был принят в масонскую ложу "филадельфов" (Элло. "Франкмасонство и рабочий", с. 6).

Масоны Пиа (француз) и Гарибальди (итальянец) обменялись, по случаю требования выдачи Гартмана, следующими многозначительными письмами. "Мой старый друг, — писал Пиа из Лондона 1 марта 1880 г., — последнее покушение на всероссийского деспота подтверждает Вашу легендарную фразу: "Интернационал есть солнце будущего". Все от первого монарха до последнего президента республики должны исчезнуть волей или неволей. Теперь Вам нужно присоединить Ваш голос против выдачи НАШЕГО храброго Гартмана. Французская территория должна быть неприкосновенна для изгнанников, которые, подобно Вам, стремятся силою оружия установить мировую демократическую и социалистическую республику.

Жму Вашу руку, Ваш искренний друг Феликс Пиа".

Гарибальди ответил Пиа еще более многозначительным письмом.

"Дорогой друг, — писал он, — благодарю Вас, популярного героя парижских баррикад, за ласковое письмо... Гартман храбрый молодой человек, и все честные люди должны относиться к нему с уважением и благодарностью. Я твердо убежден, что министр Фрейсине и президент Греви не замарают своего имени честных республиканцев выдачей политического беглеца; такой поступок был бы достоин версальских гиен. Политическое убийство есть секрет благополучного осуществления революции. Монархи называют друзей народа убийцами... Отеро и Гартман суть провозвестники правительства будущего — социалистической республики. Истинные убийцы — это прелаты, которые с помощью лжи убивают совесть людей. Не товарищам Гартмана место в Сибири, а христианскому духовенству.

Жму Вашу руку, преданный Вам Гарибальди".

Когда в августе 1881 г. Гартман прибыл в Нью-Йорк, на международной конференции анархистов его приветствовали восторженной овацией.

Семидесятники тоже исповедуют, что во имя революции "все позволено".

В "Нашей программе" (1873 г.) Лавров отрицает, что ложь может быть средством распространения истины: "Люди, утверждающие, что цель оправдывает средства, должны бы всегда сознавать: кроме тех средств, которые подрывают самую цель" (Соч. Т. II, с. 26). Это "официальная" установка. Установки же, даваемые устно участникам революционных обществ, не совпадали с "официальной". "Я припоминаю, — пишет в своих воспоминаниях один из основателей первого тайного общества "Земля и воля" Л. Пантелеев, что раз в прямой связи с разговорами о наших внутренних делах я высказал Петру Лавровичу (Лаврову. — *Б.Б.*) свое недоумение и сожаление, что сами по себе пустые университетские истории со стороны намеренно разжигаются, и в результате получаются десятки и даже больше выброшенных недоучек, ни к какой серьезной работе не подготовленных". "Что делать, — отвечал Петр Лаврович, — революционная партия так численно слаба, что для увеличения своих рядов она должна пользоваться всяким подходящим случаем, который ей представляется". Скажите, чем это отличается от масонской установки, сформулированной масоном-философом Дидро: "Ложь так мало достойна порицания как таковая, и по существу она стала бы добродетелью, если бы могла быть полезна".

В "Истории моего современника" Короленко описывает следующий, весьма характерный для революционных кругов 70-х гг. эпизод. На большой сходке в частной беседе обсуждались нравственные вопросы в связи с растущим революционным настроением. Поставили вопрос: может ли цель оправдывать средства?.. Между прочим, в тот же раз кто-то поставил вопрос конкретно: предстоит, скажем, украсть "для дела". Можно это или нельзя? После обсуждения вопроса "один за другим, один легко, другие с усилием отвечали:

— Взял бы... Взял бы... Взял бы...

Когда очередь дошла до Гортынского, румянец на его щеках загорелся сильнее. Он подумал еще и сказал:

— Да, вижу: надо бы взять... Но лично про себя скажу: не мог бы. Рука бы не поднялась."

К несчастью России, в семидесятые годы, да и раньше и позже, в силу аморальной деятельности Ордена Р. И. Гортынских было мало.

Клевета и провокация всегда были излюбленным методом членов Ордена. Майор Павленков в изданной им книге ученого астрофизика аббата Секки "Единство физических сил" выбросил все места, в которых аббат говорил о непосредственном влиянии Бога на основные свойства материи. Когда Короленко спросил о причине искажения книги, Павленков, усмехнувшись, ответил:

— Еще бы! Стану я распространять иезуитскую софистику!

А вот масонскую софистику Павленков, как и все члены Ордена, распространял, не считаясь ни с чем. Примеров подобного безнравственного поведения членов Ордена можно привести тысячи.

Орден Р. И. победил русское правительство с помощью своей аморальности. Белинский писал, что "мошенники тем сильны, что они с честными людьми поступают, как с мошенниками, а честные люди с мошенниками, как с честными людьми". Русские интеллигенты были такими мошенниками. Русское правительство поступало с ними как с заблудившимися морально, но еще могущими исправиться нравственно людьми, а члены Ордена поступали с правительством, как мошенники. Вот почему сам бывший революционер Ф. Достоевский, хорошо знавший психологию революционеров, сказал в "Бесах": "Русская революция сделана мошенниками".

"Моральные директивы" Ленина ("С нашей точки зрения нравственно и морально все то, что помогает победе нашего дела и, наоборот, все, что мешает этой победе, — все это мы расцениваем как противное нашей коммунистической морали") ничем не противоречат подобным же "моральным директивам" Чернышевского, Нечаева, Добролюбова, Ткачева, главарей партии эсеров Гоца, Савинкова, Зензинова, Керенского, вождя кадетов П. Милюкова и вождя "октябристов" А. Гучкова. Точно так же, как Ленин, Сталин и Лавров, задолго до большевизма действовали и народовольцы, и эсеры, и кадеты, и октябристы, черпавшие свою революционную мораль и такти-

ку из "Катехизиса революционера", в основу которого положена масонская мораль.

Утилитарная, масонская по существу мораль членов Ордена напоминала циничную поговорку: "А хоть бы и пес, лишь бы яйца нам нес".

Подобная "моральная установка" пронизывает всю историю Ордена от нечаевцев до большевиков. Цель этой "морали" было освобождение членов революционных группировок от всякой морали, создание нового типа человека, вернее "нечеловека", для которого было бы все позволено. И такую породу Ордену удалось создать в лице Нечаевых, Каракозовых, Савинковых, Керенских, Лениных и Сталиных, для которых "преступления нет, потому что они ни через что не переступают. Они свободны от той инфернальной свободы, которая есть свобода во зле. Страшная свобода. Это даже не сатанинская свобода, это внечеловеческая свобода, это — "нет человека". Нет человека, а есть кто-то другой, во всем отличный от того, кого мы до сих пор называли "человек", есть какое-то особое существо, иначе воспринимающее жизнь и иначе понимающее смерть"

Не исчезают после официального масонства и различные мистические учения, насаждавшиеся русскими масонами в пору легального существования масонства. "Княжны Шаховские, — пишет Тютчева в своем дневнике "При дворе двух императоров", — все принадлежат к учению Сведенборга и горячие приверженцы той фантастической религии, которую сами себе создали".

Княжны Шаховские не были отнюдь единственными поклонницами учения Сведенборга. Были и другие поклонники и поклонницы мистиков. Широкое развитие в царствование Александра II в высших кругах общества получил спиритизм. Придворные круги, связанные в прошлом с масонством и учениями европейских мистиков, организовали устройство сеансов известного спирита Юма в царском дворце.

"Между тем Юм, — сообщает Тютчева, — и его духи имели такой огромный успех, что сеанс был повторяем на другой день у великого князя Константина в Стрельне; кроме того, состоялось еще много сеансов, которыми страстно увлекся Государь". Увлечение спиритизмом у Александра II прошло быстро, у "высших же кругов" увлечение спиритизмом осталось вплоть до февральского переворота, то стихая, то усиливаясь. "С точки зрения православия, — пишет Тютчева, — я считаю, что черт при этом ничего не теряет по существу, делая все-таки вид, что интересуется религиозными вопросами. Факты слишком очевидны, чтобы можно было их оспаривать, и так как я верю в дьявола, я говорю, что этот дьявол хочет овладеть доверчивыми людьми, устраивая для них по своему образцу мир невидимый и мистический, грубо материализованный, в который можно проникнуть не очищенными душами, а посредством разного рода манипуляций, магнетических флюидов и лжи..."

Тютчева верно характеризует сущность спиритизма, указывая, что "черт при этом ничего не теряет по существу, делая все-таки вид, что интересуется религиозными вопросами". Видный масон Освальд Вирт в своем докладе "Посвящение в спиритуализм" говорил, что связь масонства с Люцифером, главой восставших ангелов, вполне приемлема. По мнению Вирта, Люцифер восстал против Бога из-за "вопиющих несправедливостей божественной администрации. В сущности ангел Света (Люцифер) представляет собой дух свободы. В этом смысле масонство вполне приемлет люциферианство"*.

Спиритизм, как социализм и марксизм, все разными методами делают одно и то же дело — разрушают религию и религиозную мораль. В своем докладе о масонской морали масон Лермент говорил: "Таким образом я попытался разрушить или расшатать ваши моральные принципы. Это роль сатанинская, и христиане не ошибаются, обвиняя философов и особенно нас (т. е. масонов) в сатанизме"**.

Достоевский в "Дневнике писателя" неоднократно пишет о распространении спиритизма. Менделеев, участвовавший в комиссии по расследованию действий медиумов, написал книгу против спиритизма. Достоевский выступает против лиц, считавших необходимым бороться против распространения спиритизма одними административными методами, доказывая, что одни административные меры не могут искоренить спиритизм. Бюрократическими методами и административными взысканиями спиритизм не побороть, как не удалось искоренить ими революционное движение. "Обособление" ли спириты?" — спрашивает Достоевский и отвечает: "Я думаю, что да. Наш возникающий спиритизм, по-моему, грозит в будущем чрезвычайно опасным и скверным "обособлением". "Обособление" есть ведь разъединение; я в этом смысле и говорю, что в нашем молодом спиритизме заметны сильные элементы к восполнению и без того уже все сильнее и прогрессивнее идущего разъединения русских людей. Ужасно мне нелепо и досадно читать иногда, у некоторых мыслителей наших, о том, что наше общество спит, дремлет, лениво и равнодушно; напротив, никогда не замечалось столько беспокойства, столько метания в разные стороны и столько искания чего-нибудь такого, на что бы можно было нравственно опереться, как теперь. Каждая самая беспутная даже идейка, если только в ней предчувствуется хоть малейшая надежда что-нибудь разрешить, может надеяться на несомненный успех. Успех же всегда ограничивается "обособлением" какой-нибудь новой кучки. Вот так и со спиритизмом".

* Alliance Spiritualiste. 1912.

** Revus internationale des societes secrétes 1913. № 2 P. 438.

В царствование Александра II масонство пускает в обиход новое орудие по разложению существующих религий — теософию. Теософия "уравнивает" все религии, то есть снижает все высшие религии до низших. Основной девиз теософов — "Нет религии выше Истины". Иисуса Христа теософы считают учеником "великих посвященных", научившегося "мудрости" у оккультистов Востока.

Создателями теософии были английский масон Генри С.Олкотт и русская Е. П. Блаватская, основавшие в 1875 г. Теософское общество. Теософия имела большой успех среди отходивших от религии людей. Отделения Теософского общества с 1883 до 1892 г. были созданы во множестве стран Европы, Америки, Азии, Австралии и Африки. Работой всех теософских обществ руководила Е. П. Блаватская, бывшая покорным, слепым орудием масонства.

Между 1887 и 1892 гг. последовательницей Блаватской — А. Каменской были созданы отделения Теософского общества в России: в Петербурге, Киеве, Москве и других городах.

Цель теософии та же, что и у масонства, — оторвать всех колеблющихся и потерявших веру в традиционные религии, заставить их уверовать в нового Мессию индуса Кришнамурти, который будто бы является воплощением Христа в наши дни. Кришнамурти, глава ложи "Звезда Востока", является, по утверждению теософов, "Христом от теософии", "грядущим спасителем мира". Истинная, тайная цель теософии ясно видна из следующего ответа Е. Блаватской г. Геннефельду, написанному ею 25 марта 1884 г.: "Вы спрашиваете, верим ли мы, теософы, в Христа. В Христа безличного — да. Кришна или Айа — тот же Христос... но не в Иисуса Назаретского".

Переселившись в Лондон, Е. Блаватская стала издавать теософский журнал под характерным названием... "Люцифер".

Исповедуя доктрины масонского происхождения, находясь в деятельном общении с созданными масонством политическими организациями, пользуясь различными видами помощи со стороны масонства, исполняя фактически подлую роль идейного лакея мирового масонства, интеллигенция всегда замалчивала подлинную роль масонства по организации революций, всегда отрицала, что масонство является таким же идейным лакеем еврейства, каковым Орден Р. И. является и по отношению к масонству, и по отношению к еврейству. Все попытки разоблачить истинную роль масонства расценивались интеллигенцией как лживые вымыслы взбесившихся реакционеров. И в конце концов в широких кругах бюрократии и образованного общества утвердилось недоверчивое отношение к обвинению масонства в том, что оно ведет планомерную работу по разрушению христианских государств в интересах еврейства, которое является создателем и руководителем масонства.

Попытки немногих дальновидных людей, понимавших какой опасностью грозит России деятельность духовного потомка русского вольтерьянства и масонства — Ордена Р. И., главари которого работали в тесном контакте с мировым масонством и еврейством, обратить внимание царей на эту опасность — не достигали цели. Подаваемые им докладные записки об использовании масонством интеллигенции обычно застревали в недрах министерств и до царей не доходили. Министры самовольно решали, что подобные записки показывать царю не стоит из-за их "тенденциозности" и "пессимизма". Так, после организованного в феврале 1917 г. масонской пятеркой военного переворота в архиве департамента полиции была обнаружена докладная записка, автор которой, охарактеризовав цели, которые преследует масонство и еврейство, писал:

"В России, где монарх одновременно и носитель неограниченной политической власти, и мистический глава Церкви, разрушительные усилия всемирного тайного общества естественно централизуются против престола. Поэтому первая непосредственная задача тайного общества в России — это поднять революционную волну. Политическая революция признана масонством единственным верным ключом, открывающим путь к дальнейшей и главной цели: расхристианизированию Православной Восточной Церкви.

Революционные веяния, присущие русской интеллигенции, несомненно, представляют отправную точку опоры всей масонской тлетворной деятельности в России. Каков бы ни был оттенок возникающего вновь противоправительственного течения — каждое из них охотно поддерживается как отвечающее иудомасонским целям".

Я привожу только крайне незначительную часть фактов, свидетельствующих, что идеологи различных политических "ритуалов" Ордена Р. И. и руководители интеллигентских тайных революционных организаций как в идейном отношении, так и в отношении тактики и методов революционной борьбы зависели от масонства и что они примыкали к международным организациям, созданным масонством. Историки, которые займутся после падения большевизма более детальным изучением идейных и организационных связей Ордена Р. И. с мировым масонством, после изучения русских и иностранных материалов, несомненно, установят более широкие связи руководителей Ордена Р. И. и отдельных тайных революционных организаций с масонством и более сильную зависимость их от политических и социальных теорий, инспирированных масонством.

Владимир Бушин

СТРАННАЯ СУДЬБА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ*

В принадлежности Лермонтову стихотворения "Прощай" заставляют сомневаться не только приведенные выше факты, обстоятельства, соображения, но и сам дух его поэзии, гражданский и творческий облик поэта.

Добролюбов был глубоко прав, когда писал: "Лермонтов, умевший рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе". Могучая и пронзительная любовь Лермонтова к родному народу подтверждается всей сутью его творчества, начиная с отроческих стихов и кончая "Родиной", написанной за несколько месяцев до смерти. И вот родину-то, родиной-то народ объединить в своем гневе, презрении и проклятии с "голубыми мундирами"? Поставить на одну доску с жандармами? Обозвать "немытыми"? Окрестить "рабами"?

Да, слово "рабы" нередко встречается у Лермонтова, но он бросает его не народу, не стране, а прежде всего "жадной толпе", стоящей у трона:

Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов..

Поэт не останавливается иной раз перед тем, чтобы круг своих адресатов значительно расширить, но делает это за счет лишь того высшего слоя общества, к которому принадлежал сам:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властию — презренные рабы.

Да и "господа" имелись тут в виду далеко не все, что были на Руси, а лишь одного с поэтом поколения. Точным указанием адресата и начинается стихотворение:

Печально я гляжу на наше поколенье!

Само собой ясно, что ко многим людям и одного с Лермонтовым круга, и одного с ним поколения клеймо "рабы" не имело никакого отношения. Ярчайший пример того — сам поэт. Между тем, некоторые исследователи в пафосе абсолютизации любого авторского слова и любого факта, в неутолимой жажде резать правду-матку доходят до того, что и в Лермонтове видят "тоже раба"*, объявляют, что он "показал себя презренным рабом перед властью"**. Ну еще бы! Во-первых, Лермонтов сам ведь пишет от лица своего поколения: "мы" (то есть мы и я!) — "презренные рабы". Во вторых, как же иначе, как не рабом, назвать человека, "вынужденного покориться и ехать в ссылку на Кавказ"?

Вот до чего буква может заслонить реальность! Встретив у поэта сочетание слов "мы — рабы", исследователь моментально забывает, что ведь это сказал тот же человек, который написал такие произведения, как "Смерть поэта" и "Бородино", "Парус" и "Поэт", "Дума" и "Мцыри", "Первое января" и "Родина", "Последний сын вольности" и "Песня про купца Калашникова", — да тут едва ли не каждая строка — протест, гнев, мятеж! Не видит исследователь и того, что покориться и ехать на Кавказ поэт вынужден был не как раб, а как военнослужащий, как офицер, для которого приказ обязателен. И разве все, кто ехал в ссылку, были рабами? Ведь так не трудно опорочить очень многих — от протопопа Аввакума до иных наших современников.

Нет, ни себя, ни свой народ Лермонтов не считал рабами. Вспомним еще раз стихотворение "Листок", оно о том, что поэта оторвали от родины. Оно проникнуто горечью, болью, "тоской глубокой", но здесь нет ничего даже отдаленно созвучного тому, что мы видим в восьмистишии "Прощай": гнев, презрение, проклятие.

Первая строфа восьмистишия, в которой все это главным образом и сосредоточено, по сравнению со второй гораздо более стабильна в своем

* Окончание. Начало см. "Кубань" № 10, 1989 г. и № 5, 1990 г.

* Прохоров Е. Источники и анализ текста // Вопросы литературы. 1959. № 5. С. 171.

** Иванова Т. Лермонтов на Кавказе. М.: Детгиз, 1975. С. 24.

столетнем бытовании, разные списки варьируют в ней лишь последнюю строку:

И ты, послушный им народ...
И ты, покорный им народ...
И ты, им преданный народ..

Два первых варианта по смыслу почти равнозначны. Но третий! Одно дело быть послушным или покорным (это, конечно, воспринимается здесь как результат принуждения) и совсем иное — быть преданным. Преданность рождается лишь по внутреннему утверждению, совершенно добровольно. Долгие десятилетия в собраниях сочинений Лермонтова печаталось "послушный им народ", иногда — "покорный", но с 1953 года, с выхода в библиотеке "Огонек", Полного собрания сочинений поэта под наблюдением И. Л. Андроникова почти во всех сборниках и антологиях, во всех академических изданиях, включая Академические собрания сочинений, печатается и объявляется "наиболее вероятной по смыслу и форме" та редакция, где

И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Русский народ, преданный Третьему отделению!.

Сторонники этого варианта с целью отвергнуть все другие тексты, конкурирующие с ним, порой прибегают к аргументам весьма тонким и своеобразным. Например, в той редакции, где не "преданный", а "послушный" народ, есть и другое разночтение с "наиболее вероятным" вариантом: на месте "пашей" стоит "царей", и слово это рифмуется со словом "ушей". И вот чтобы убедить нас в необоснованности данного текста-соперника, один сторонник редакции со словами "им преданный" уверяет: "Рифма "царей — ушей" для Лермонтова не характерна". Другой сторонник усиливает формулировку и пишет об этой рифме уже как о "необычной для Лермонтова". Третий сторонник почтительно именует соображения двух предыдущих "доводами эстетико-стилистического характера" и осуждает тех, кто вздумал бы с ними посчитаться. Такое единодушие возможно, пожалуй, лишь в двух случаях: или аргумент очень убедителен или явно не хватает других аргументов, более веских. Увы, перед нами второй случай.

В самом деле, что в рифме "царей — ушей" нехарактерного для Лермонтова? Что необычного для него? То, что эта рифма слабая, держащаяся лишь на надежном окончании?

Как большинство поэтов его времени Лермонтов не придавал такого важного значения рифме, какое ей стали придавать некоторые стихотворцы с начала нынешнего века. У него пропасть самых банальных и очень слабых рифм — глагольных, надежных и всяких иных. В разные периоды творчества, в том числе в самую зрелую пору он, например, рифмовал: несет-пост, блестит-говорит, бегут-кладут, скрипит-бежит, золотой-ночной, ласкал-молодая, дней-очей, камней-злодей, моей-страстей, страстей-моей, — тут рифма держится лишь на окончании — без опорной согласной.

Но вот рифма еще слабее, где нет и двух полностью совпадающих звуков: спросил-был, идут-бьют, ногой-землей, жен-похорон, перстом-в нем, песок-упрек, голубом-о чем, нельзя-меня, круг-слух, прижму-умру и т. п. Наконец, ничуть не смущали поэта даже такие рифмы, которые перекликаются лишь одним-единственным звуком: друзья-моя, ее-все, уны-прости, смотрю-люблю, склоня-твоя, земли-благослови, мою-люблю, любви-мои и т. д. Строго говоря, это вообще не рифма. Если сказать словами самого Лермонтова, то у него случался "в рифмах часто недочет".

Как видим, рифма "царей — ушей" находится в совершенно подходящей для себя компании. Больше того, без особого труда мы находим этой паре самых близких родственников и с той стороны — "царей-твоей" ("30 июля 1830 года"), и с другой "цепей-ушей" ("Песнь барда").

Только при крайнем недостатке аргументов и слишком уж неодолимом желании отвергнуть неугодный вариант текста можно решиться завести тонкий эстетико-стилистический разговор о нехарактерности и необычности для Лермонтова рифмы "царей-ушей". Но раз уж разговор идет, то позволительно будет и нам прибегнуть к столь же тонкому аргументу: обратим внимание на то, как звучит строка

И ты, им преданный народ..

Разве это не тяжело для произношения? Разве не спотыкается язык на обилии смычных согласных "т...м...п..д...нн...п..д?"

Разве не запинаешься тут на соседстве двух губно-губных "м" и "п"?

Мог ли зрелый Лермонтов написать такую колченогую строчку? Характерна ли она для него?..

Разумеется, вариант текста со строкой "И ты, им преданный народ" коробит не одних нас. Энергично возражает против него, например, В. С. Нечаева. Она резонно указывает сторонникам этого варианта, что в их аргументации в его пользу "нет ни слова о том, как меняется политическое звучание произведения от замены "послушного" жандармам русского народа на "им преданного" и насколько мог быть для Лермонтова "характерен" подобный эпитет в применении к народу". Иные исследователи столь дотошны и проницательны, что не проходят мимо даже таких букашек и козявок ("Ну, право, менее булавочной головки!"), как рифма, и пристально рас-

сматривают ее, но в то же время молча минуют такого слона, как сам смысл и политическое звучание произведения.

Однако других сторонников варианта со словами "им преданный" все же смущает такой оборот дела, при котором получается, что русский народ изображен великим поэтом, преданным Третьему отделению. Они погружаются во "тьму филологии" и извлекают оттуда для нас такое сообщение.

Оказывается, в слове "преданный" совпали две грамматические формы совершенно разного смысла: общеизвестное прилагательное, имеющее значение "проникнутый любовью и верностью к кому-либо, к чему-либо", и причастие страдательного залога прошедшего времени, которое надо понимать как "отданный во власть, предоставленный в распоряжение кого-либо". Причастие это давно вышло из обихода, стало крайним архаизмом, но в стихотворной речи 30—40-х годов прошлого века, оно, как пишет В. В. Виноградов, "было еще употребительно", хотя уже и тогда "носило отпечаток торжественности", "славянской" приподнятости и архаичности". И вот, мол, в причастном значении и употребил слово "преданный" Лермонтов, т. е. он хотел сказать, что народ отдан во власть жандармов.

Если так, то следовало бы при каждой публикации восьмистишия непременно давать в примечаниях соответствующее пояснение к слову "преданный". По многим причинам это гораздо более важно и насущно, чем пояснение, которое обычно дается словам "голубые мундиры", а иногда и "пашей". Хоть о приблизительном смысле "голубых мундиров" читатель из контекста может догадаться и сам, а слово "паша" при необходимости он найдет в словаре. Но где искать ему значение архаизма, давным давно вышедшего из употребления — в ученых трудах по истории языка? В "Словаре русского языка 11—17 веков"? Увы, эти источники недоступны широкому читателю — одни по причине их научной специфичности, другие — из-за лилипутских тиражей: упомянутый "Словарь" издается почти в чисто символическом количестве экземпляров 14—15 тысяч, и с 1975 года добрался только до буквы "Р". Это во-первых. А во-вторых, современному читателю при встрече со словом "преданный" и в голову не придет, что перед ним архаизм, имеющий совсем не то значение, какое ему известно, и что надо пускаться в поиски умершего смысла. В-третьих же, от понимания слова "преданный" зависят не какие-то смысловые частности, поэтические оттенки, а сама основа произведения, его суть.

Несмотря на всю серьезность и очевидность этих соображений никто однако не предложил сопровождать восьмистишие "Прощай, немытая Россия" пояснением к слову "преданный", так его вот уже почти сорок лет везде и печатают многотысячными тиражами — без пояснений! Издатели считают свою задачу выполненной до конца, настойчиво повторяя в примечаниях: "В стихотворении с наибольшей политической остротой выразилось отношение Лермонтова к самодержавно-полицейскому режиму николаевской России". Или: "Резко обличительное стихотворение Лермонтова, направленное против самодержавно-бюрократического режима России" и т. д. Прекрасно! Однако читатель-то видит в стихотворении еще и народ, преданный этому режиму, вызывающий презрение, и думает, что такую картину нарисовал великий Лермонтов.

Научные книги и специальные журналы, выходящие тиражом в десять, а то и в одиннадцать (даже с половиной!) тысяч экземпляров своим могучим голосом убеждают многомиллионного читателя: — Нет, нет! Ничего подобного! Автор употребил архаичное причастие, исполненное сочувствия к народу, а не презрительно-гневное прилагательное.

Но почему мы должны этому верить? Где аргументы, доказывающие, что "ничего подобного"?

Сколько-нибудь реальный аргумент лишь один — уже упоминавшееся указание на то, что причастие "преданный" в стихотворной речи той поры "было еще употребительно". Аргумент выглядел бы несколько весомей, если сопровождался бы примерами такого употребления у Лермонтова.

Но никто примеров из Лермонтова не приводит. Ни единого. Ни из его поэзии, ни хотя бы из прозы. Но без этого помянутый аргумент имеет слишком общий и отвлеченный характер.

А между тем примеров употребления Лермонтовым общепринятого прилагательного "преданный" можно привести немало: оно встречается хотя бы под его письмами. "Вечно тебе преданный" — стоит под письмом С. А. Раевскому, "Остаюсь всей душой преданный вам" — под письмом П. И. Петрову, "За сим остаюсь навсегда преданный и благодарный" — под письмом А. И. Тургеневу и т. д.

Далеким от реальности представляется такой аргумент: "В стихотворении невозможно найти отзвуков и выражения презрения к закрепощенному русскому народу. Ведь стих

Страна рабов, страна господ, —

нельзя понимать иначе, как острую, основанную на контрастном противопоставлении господ и рабов характеристику крепостного, рабовладельческого строя царской России". Право же, "нельзя понимать" здесь выглядит как "запрещено понимать".

Да разве только в одной процитированной строке дело? Разве она существует сама по себе?

Разве у нее нет предшествующих и последующих строк, с которыми она, как это всегда происходит в контексте, соответствующим образом взаимодействует? Если бы стихотворение начиналось, допустим, словами "Прощай, о бедная Россия", или — "родимая Россия", или — "несчастная", или "нищая", как у Блока, тогда, конечно, следующая за этим строка "Страна рабов, страна господ" воспринималась бы лишь как характеристика рабовладельческого строя России, правда, характеристика довольно банальная, плоская, всего лишь констатирующая всем известное положение вещей. Но ведь там стоит не "родимая", не "нищая" и никакое другое слово любви или сочувствия, там, по выражению одного исследователя, "горит ярким блеском эпитет "немытая". Исследователь указывает, что это разговорный эпитет. Конечно, сам по себе он разговорный, но употреблен здесь совсем не в прямом разговорном смысле, иначе это было бы заурядной площадной бранью вроде "немытой хари".

У Маяковского есть такие строки:

Я
пол-отечества
мог бы снести,
а пол —
отстроить,
умыв.

Квалифицировать готовность к сему деянию не входит в задачу данной работы. Сейчас мы обращаем внимание лишь на то, что слово "умыв" тоже употреблено в непрямом смысле, как и "немытая" в восьмистишии "Прощай".

Непрямой смысл слова "немытая", стоящего в самом начале стихотворения, придает всей "характеристике" тоже не прямой, а нравственно-психологический и всеохватывающий смысл: получается, что не только закрепощенные крестьяне названы рабами в порядке констатации их действительного положения — страной духовных рабов окрещена вся Россия да и не на всю ли глубину ее истории.

Немытая страна рабов... Рядом с такой однозначно-уничижительной исходной характеристикой по закону контекста четкий презрительный смысл обретают и последующие ее строки:

И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Если даже допустить, что автор под словом "преданный" понимал "отданный во власть", и потенциально существовала бы возможность колеблющейся двусмысленности восприятия, то и тогда мощное магнитное поле контекста жестко определило бы направление слова и зафиксировало бы в нашем сознании только один и совершенно четкий смысл: преданные рабы.

Основной аргумент у сторонников редакции, содержащей солова "им преданный народ", понимаемые ими, как "подвластный народ", в сущности таков: "Лермонтов не мог сказать о народе дурно, ибо он не мог этого сказать никогда". Сей аргумент убедителен для тех, кто не сомневается в принадлежности восьмистишия лермонтовскому перу, но мы, тоже веря, что поэт не мог сказать о народе дурно, исходим совсем из иного предположения об авторстве этого сочинения. И потому нам опять и опять сомнительно.

Не странно ли, что Лермонтов в таком важном стихотворении, в "шедевре политической лирики" вдруг употребляет слово в такой форме, которая не только выглядела уже в то время редкостью, несла на себе "отпечаток архаичности", но и придавала всему произведению двусмысленность, — разве это признак зрелости великого поэта?

Ну, а как объяснить это. Допустим, автор действительно хотел показать бесправие и закабаленность народа. Но почему изо всех олицетворений гнета он избрал именно "голубые мундиры", т. е. жандармов? Жандармерия — политическая полиция. С ней приходилось иметь дело людям образованного круга, горожанам, а огромное большинство народа, крестьяне, были в ту пору "отданы во власть" прежде всего помещика, потом — старосты, потом — урядника и т. д. А жандармов то большинство крестьян не только в глаза не видывало, но и не подозревало об их существовании. Так с чего бы забыв о главных, ближайших, повседневно-реальных властителях, вдруг выдвинуть на первый план, представить единственными властителей довольно отдаленных? — с каких пор смещение действительных пропорций жизненных явлений стало признаком большого таланта?

Ответом здесь, как и во многих других подобных случаях, видимо, должны быть нам слова М. Г. Ашукиной: "Весь эмоциональный строй восьмистишия, как и обстоятельства, вызвавшие его к жизни (предписание Лермонтову в 48 часов выехать из Петербурга в полк, на Кавказ), дают основание предполагать, что оно было написано "не переводя дыхания", создано без длительных исканий средств выражения". Как деликатно сказано!

Но вспомним опять "Смерть поэта". Вот уж где действительно и обстоятельства, вызвавшие стихотворение к жизни (горе всей России), и весь его эмоциональный строй вроде бы и дают основание предполагать, что оно написано "без длительных исканий". Так нет же! Как свидетельствуют черновики, искания были, и притом многочисленные и упорные. И в результате — какая точность, свежесть и сила языка, какая слитность мысли и чувства, какое поэтическое совершенство! И ни одного ветхого архаизма, ни одного сло-

ва, которое было бы непонятно читателю даже наших дней. А ведь тогда поэту было лишь двадцать два. Почему же, спрашивается, теперь, в обстановке не столь напряженно-драматической повзрослевший поэт вдруг стал бы так взыскателен к своему творчеству, как раньше?

На этот вопрос, как и на множество других, ответа мы не получаем.

Кстати, при той бедности аргументов, которую мы видим у сторонников редакции, содержащей слова "им преданный", весьма загадочно, отчего никому из них не пришла на ум очень простая, но убедительная мысль, состоящая вот в чем. В оригинале, мол, было у Лермонтова не "И ты, им преданный народ", а — "И ты, Им преданный народ". Всякое наименование Бога, в том числе и местоимения, означающее Его, писали в ту пору с прописной буквы. Так, дескать, было и у Лермонтова, т. е. он имел в виду народ преданный, забытый Богом. И все становится на свои места! Никаких страдательных причастий прошедшего времени, никаких архаизмов, никакой тьмы мифологий. А главное — так прогрессивно! Поэт обличает не только самодержавно-полицейский режим, но, оказывается, и самого Вседержателя, да еще одновременно выражает сочувствие обездоленному народу. Ну как же после этого не шедевр политической лирики?

К тому же, так легко объяснить исчезновение прописной буквы "И" в божественном местоимении: в устной передаче, естественно, не улавливалось, что она прописная, а в письменной ею просто пренебрегли последующие поколения базаровых и подобных им безбожников. Тогда и возникла двусмысленность, невнятица, что и вызвало при распространении стихотворения потребность "ясных лексико-семантических синонимических замен" (В. В. Виноградов). Так вместо "им преданный" появились редакции со словами "послушный им", "покорный им". Как все стройно! Надо только восстановить старое написание.

Правда, при чтении вслух остается все-таки возможность такого понимания, что речь в стихотворении будто бы идет о преданности и верности народа Третьему отделению, но этого легко избежать, если довести до сведения тех деклараторов строго научную рекомендацию: при произнесении местоимения "Им" резко повышать голос и высоко вскидывать руку над головой, стараясь попасть пальцем в небо — обиталище Всевышнего.

Ну, и еще остается, конечно, некоторая неясность нравственного порядка: если родной народ предал сам Бог, то хорошо ли в такой беде покидать его, мечтая обрести для себя тихое Монрепо за далеким хребтом Кавказа?

Впрочем, эта неясность существовала и раньше — при том толковании текста, что народ отдан во власть жандармов, ибо что страшнее — божий гнев или жандармская опека — это еще вопрос.

Да, неясность существовала, но все же — почти сорок лет никто ее не замечал. Может быть, не заметят и дальше?..

Надежда, прямо скажем, вполне оправданная. Ведь помянутая неясность-то существовала всегда, при публикации всех вариантов текста, ибо в любом из них Россия предстает "немытой", народ — рабом, а герой лишь клеймит их презрением да мечтает о безопасном убежище за далеким и высоким Кавказом, и за сто лет никто не задумался, достойно ли выглядит этот герой и можно ли отождествлять его с Лермонтовым, поэтом и гражданином, каким он живет в сознании народа.

Больше ста лет нам твердили: "Да, да! Лермонтов так сказал: страна рабов!"

Это Россия-то с ее бесконечной борьбой против иноземных захватчиков от печенегов, половцев и татар до поляков, шведов и французов? Это Россия-то с ее невиданным в других странах размахом крестьянских войн под руководством то Ивана Болотникова, то Разина, то Пугачева? Это Россия-то с ее бесчисленными восстаниями и бунтáми — крестьянскими да посадскими, казачьими да стрелецкими, соляными да медными, холерными да картофельными?

Если от скорбного дня смерти Лермонтова окинуть русскую историю, допустим, на три столетия вглубь, то нельзя не увидеть полыхающие кровью и огнем даты: 1574, 1584, 1587, 1603, 1606—1607, 1648, 1650, еще 1650, 1662, 1666, 1667—1671, 1668—1676, 1682, 1705—1711, 1707—1708, 1772, 1773—1775, 1819, 1825, еще 1825, 1834, 1840... Это даты крестьянских войн и наиболее крупных, оставшихся в истории восстаний да бунтов. Меньше чем за триста лет их было свыше двадцати, в среднем — по одному крупному восстанию каждые пятнадцать лет! Притом некоторые из них продолжались по нескольку лет кряду, охватывали территории, равные большим европейским странам, и вовлекали в свой круговорот великое множество людей.

Приглядимся к пяти последним датам — это пять восстаний, что пришлись на годы жизни Лермонтова, вот уже полтора века ужасающей нас своей краткостью: 1819 год — Чугуевское восстание военных поселян; 1825-й — восстание декабристов, тот же 1825-й — восстание Черниговского полка; 1834-й — картофельный бунт удельных крестьян; 1840-й — начало картофельного бунта государственных крестьян.

Взять хотя бы эти самые картофельные бунты. Они начались в Вятской и Владимирской губерниях, а потом охватили крестьян Пермской, Оренбургской, Тобольской, Казанской, Саратовской и частично Московской, Рязанской, Тамбовской, Вологодской и Олонецкой губерний. Не странно ли было бы предполагать, что все это осталось Лермонтову неведомо

Кстати говоря, в судьбе картофельных бунтов, вернее, в их репутации, что ли, есть некий момент общности с судьбой стихотворения "Прощай, немытая Россия". На первый взгляд, это звучит парадоксально, а по сути здесь перед нами нечто характернейшее: и о том и о другом долгие годы преподносили весьма сомнительные сведения.

О картофельных бунтах десятилетиями было твержено, что они вспыхивали по одной лишь причине: правительство, заботясь о крестьянах, заставляло их для их же пользы сажать картофель, а они, страшась новизны, отказывались. Вот, мол, она наша русская тупость, упрямство, дикость. Ну, и приходилось вводить полезный продукт силой...

На самом деле все обстояло совсем не так. По свидетельству историка В. Н. Татищева, уже в первой половине 18-го века картофель входил в состав оброка, который русские помещики собирали с крестьян. Писатель Н. И. Новиков сообщал, что в 18-м веке крестьяне Восточной Сибири сажали картофель не только в огороде, но и на полях. Академик П. С. Паллас писал в 1782 году, что и на Камчатке возделывание картофеля было у местного населения "в обыкновении". Путешественник Г. И. Шелехов свидетельствовал, что даже в Русской Америке — на Аляске в 18-м веке картофель не был дивом.

Так чего же, спрашивается, многие десятилетия спустя бунтовать из-за картофеля? Однако действительно бунтовали! Но, конечно, не из-за него, не по причине страха перед новизной и отвращения к ней, а просто потому, что крестьян заставляли сажать картофель не так, как они сами считали нужным и как диктовалось здравым смыслом.

А. И. Герцен рассказывает в "Былом и думах", как начался картофельный бунт в Вятской и Казанской губерниях. По распоряжению из Петербурга, из министерства по волостям, для хранения картофеля были устроены "центральные ямы". Но сделали это поздно, когда уже ударили холода, сделали плохо, и картофель в ямах перемерз. Однако весной губернские власти хотели заставить крестьян сажать этот мерзлый картофель, уж так, видно, требовалось по плану, для галочки. Крестьяне, конечно, отказались выполнять несуразный приказ. "Действительно,— пишет Герцен,— не могло быть оскорбления более дерзкого труду, как приказ делать явным образом нелепость".

Разумное возражение было расценено как бунт. Крестьянам стали угрожать, военный губернатор прислал казаков и полицейскую команду, вновь и вновь требовали сажать мерзлый картофель. И вот тут уж многотерпеливая русская душа не выдержала: "Мужики схватились за колья, полицейскую команду прогнали... Соседние волости вступились за своих".

Дело, конечно, кончилось печально. Прибыли войска с пушками, крестьян, ушедших в леса, ловили, заковывали в цепи, отправляли на военно-судную комиссию. "Ну, и следствие пошло обычным русским чередом,— пишет Герцен,— мужиков секли на допросах, секли в наказание, секли для примера, секли из денег и целую толпу сослали в Сибирь".

В 1851 году французский историк Жюль Мишле в отделе фельетонов одной из парижских газет напечатал оскорбительный для русских очерк "Россия и Польша". В том же году Герцен выступил с ответом. Русский писатель уличил французского историка в злобной лжи, в поразительном незнании того, о чем тот писал. Было в ответе и такое, в частности, место: "Бедный крестьянин!.. Вместо того, чтобы заступиться за крестьянина, его обвиняют! Вы не оставляете ему даже последнего убежища, где он еще чувствует себя человеком, где он любит и не боится; вы говорите: "Его община — не община, его семейство — не семейство, его жена — не жена: прежде чем ему, она принадлежит помещику; его дети — не его дети; кто знает, кто их отец?.."

Так вы подвергаете этот несчастный народ не научному разбору, но презрению других народов, которые с доверием внимают вашим легендам..

Но для большей ясности отличим норму от злоупотреблений, права от преступлений. Jus primae noctis (права первой ночи) никогда не существовало в России. Помещик не может законно требовать нарушения супружеской верности. Если б закон исполнялся в России, изнасилование крепостной женщины называлось бы точно так же, как если бы она была вольная, то есть каторжною работой или ссылкою в Сибирь с лишением всех прав. Таков закон...

Я не думаю отвергать, что при власти, данной правительством помещикам, им очень легко насиловать дочерей и жен своих крепостных. Но что касается до крестьян, то они далеко не равнодушно переносят разврат своих господ. Половина помещиков, убиваемых своими крепостными (по статистическим данным министерства внутренних дел, их число простирается от 60-ти до 70-ти в год), погибает вследствие своих эротических подвигов. Процессы по таким поводам редки; крестьянин знает, что суды не уважают его жалоб; но у него есть топор; он им владеет мастерски, и знает это тоже".

Да, слишком часто дело для крестьян кончалось печально, но нет, не рабы, никак не рабы те бесправные люди, что, исчерпав все резоны против дурацкого приказа, как им сажать да сеять, или не стерпев оскорбления хватаются за колья и топоры. И Лермонтов был современником таких дел.

Итак, наше раздумье о восьмистишии "Прощай, немытая Россия" завершено. Мы рассмотре-

ли многие факты и обстоятельства, связанные с отсутствием автографа стихотворения, с источником его текста, с историей первых публикаций; мы постарались осмыслить произведение с точки зрения идейного содержания и некоторых особенностей художественной формы; мы пригляделись, насколько стихотворение соответствует биографическим данным и фактическим обстоятельствам предполагаемого времени его создания; наконец, мы поставили стихотворение в контекст творчества Лермонтова, взглянули, насколько оно соответствует самому духу его поэзии и как гражданскому, так и человеческому облику поэта. Возможно, мы кого-то не убедили в том, что стихотворение написано не Лермонтовым, но все-таки думается, что мы доказали недоказанность его авторства: в свое время стихотворение было объявлено лермонтовским крайне поспешно и безответственно.

За всяким вновь найденным произведением должна быть признана, так сказать, "презумпция безымянности" или "бесхозности", что ли. Имя его автора должно быть доказано. В данном случае этот основополагающий закон публикации, важнейшее условие, при котором новое произведение только и может быть введено в литературный оборот под тем или иным конкретным именем, были отринуты и преданы забвенью.

Исходя из всего сказанного, думаю, что было бы вполне логично в новых изданиях сочинений Лермонтова стихотворение "Прощай, немытая Россия" изъять из основного корпуса произведений и печатать в разделе приложений среди вещей, приписываемых поэту.

Это будет иметь хотя бы то отрадное последствие, что авторов некоторых романов о лермонтовской и близкой к ней поре, в которых живописуется, как "орды тупых немытых студентов" предавались "безобидным для государства шалостям" с ордами таких же, как они, "немытых женщин",— этих авторов иные критики не посмеют уже изображать прямыми продолжателями лермонтовских традиций.

В конце, как видно, нам не обойтись без одного существенного дополнения гипотетического характера.

Наши доказательства не были документальными в строгом смысле этого слова, они основывались главным образом на логических соображениях нетипичности судьбы восьмистишия, нехарактерности его для творчества Лермонтова, для всего облика поэта. Но, как говорится, чего только не случается под этим небом! Люди способны порой на весьма не типичные для себя поступки, крайне нехарактерные выходки, опровергающие всякую логику. Что ж, в горький час, допустим, апреля 1840 года, в минуту острого отчаяния, туманящего разум и сердце, строки эти, положим, и вырвались у Лермонтова:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ...

Вырвалось же как-то у Пушкина: "Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом". Правда, только в письме, да еще к самому близкому человеку, к жене, но — вырвалось же!

И вот теперь предположим, что завтра нашли бы рукопись восьмистишия, принадлежность которой перу великого поэта была бы установлена со всей несомненностью или обнаружились бы иные непререкаемые доказательства лермонтовского авторства. И что тогда? А я думаю, что даже и тогда при всем нашем благоговении перед Лермонтовым зачислять этот стишок в "золотой фонд" русской классики и всячески популяризировать, как делалось до сих пор, представляется ныне совершенно немыслимым.

Сейчас этот стишок до того у нас общеизвестен, что едва ли не каждого русского разбуди среди ночи — и он продекламирует его, да еще с выражением: стишок учили и еще учат до сих пор во многих школах.

В мировой поэзии, в творчестве поэтов разных народов встречаются горькие строки об отечестве, о соплеменниках, о родной земле. Но можно ли себе представить, чтобы английский мальчик зубрил наизусть: "Гуд бай, грязная Британия, страна холуев!.." Чтобы французская девочка, отвечая урок, с грязным презрением прочитала бы: "Адью, вонючая Франция, земля ничтожеств!" Чтобы итальянский школьник получил бы приз на литературном вечере за то, что с чувством продекламировал: "Аревидерчи, пархатая Италия, край подонков!.."? Нет, представить себе такое невозможно. Это немыслимо. Это дико. Подобное возможно только у нас, у русских, где само слово "русофил" сделали едва ли не ругательством. Например, немецкие дети учат стихи "Ade, mein shones Vaterland!.." ("Прощай, моя прекрасная Родина!..").

Едва ли есть на свете народ, который, как мы, столь терпимо относился бы к разного рода экстравагантным характеристикам да аттестациям, кличкам да ярлыкам по своему адресу. Особливо — от иностранцев! Их ярлыки не только терпели, но подхватывали, цитировали устно и письменно, вносили в словари крылатых выражений.

Вот, например, заявился в Россию некто маркиз де Кюстин, по имени Адольф, сын известного политического и военного деятеля Франции — Адама де Кюстина, который в 1793 году по приговору революционного трибунала якобинцев был казнен за предательское бездействие, приведшее к сдаче противнику ранее занятых городов Майнц и Франкфурт. Сын отнюдь не был так бездеятелен: недолго побыв на русской земле, он написал четырехтомное сочинение "Россия в 1839 году", которое в 1843 году издал в Париже.

Герцен находился тогда еще на родине, он прочитал книгу сразу же, и в октябре 1843 года занес в дневник: "Тягостно влияние этой книги на русского, голова склоняется на грудь, и руки опускаются..." Немного позже опять: "Книга эта действует на меня как пытка, как камень, приваленный к груди; я не смотрю на его (автора — В. Б.) промахи, основа воззрения верна..." Основу Герцен видел, конечно, в оценке самодержавно-крепостнического строя как крайне реакционного, и, разумеется, такая "основа" совершенно верна. Нежелание Герцена пристально присмотреться к промахам автора понять легко: помянутый строй был его живым, реальным и могучим врагом. Но может быть теперь, спустя полтора столетия после выхода книги и на восьмом десятке после ликвидации самодержавного строя, настало, наконец, время сказать несколько слов и о промахах? Тем более, в другом месте Герцен опять отмечает, что у Кюстина "есть ошибки, много поверхностного", что в частности о Петре и произведенном им "перевороте" он судит слишком резко, слишком узко, "без глубокого исторического смысла"; царствование Екатерины называет "длинной комедией",— подобные фигуры и явления, предупреждал Герцен, "должно брать шире и общее". Это с одной стороны.

С другой, некоторые суждения Герцена о книге трудно согласовать с конкретным смыслом иных ее страниц. Так, он уверял, что книга "вовсе не враждебна России, напротив, он (автор — В. Б.) более с любовью изучал нас..." С любовью! Но вот мы читаем: "Что за страна! Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина, без красок, без очертаний; вечные болота... и вдоль дороги — серые, точно вросшие в землю лачуги деревень... От рек веет тоской, как от неба, которое отражается в их тусклой глади. Зима и смерть, чудится вам, бессменно царят над этой страной". Если это любовь, то что же такое отвращение!

"Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина..." Не без основания современный исследователь рекомендует сопоставить приведенный отрывок с известным нам лже-веневитиновским стихотворением "Родина":

Природа наша, точно, мерзость:
Смиренно плоские поля.

"Он оскорбительно много видит",— писал Герцен о Кюстине. Если бы это "много" было только правдой, она не оскорбила бы такого человека, как Герцен. Но разве это правда, что наша земля без красок, без очертаний? Разве правда, что от наших рек и от нашего неба веет тоской? "Зима и смерть, чудится вам, бессменно царят над этой страной",— такие слова были бы понятны в устах солдата гибнущей на русской земле наполеоновской армии, но в устах литератора, задавшегося целью написать правдивую книгу о России, они звучат злобной ложью.

Размышляя о книге "Россия в 1839 году", полезно вспомнить и о том, что много лет спустя, одобряя намерения одного ученого немца, который "поехал исследовать Россию немного дальше той мостовой, по которой катилась элегантная коляска маркиза де Кюстина", Герцен, как видим, усмехнулся в сторону маркиза-путешественника.

Действительно, поглядывая на Россию из элегантной коляски, он изрек еще и такое: "Тюрьма народов!"

Хорошо, допустим, "тюрьма". Ну, а какие царства-государства были в 1839 году "санаториями народов" или "домами отдыха" для них? Может, таким "санаторием" назвать Англию или Голландию? Может, "домами отдыха" были Испания или Португалия? А кто же тогда захватывал огромные заморские территории с десятками миллионов населения? Кто во всех концах света уничтожал древние культуры порабощенных народов, грабил их да истреблял? Не англичане ли, например, в эту самую пору, в 1838—1842 годах вели беспощадную колониальную войну против полудикого Афганистана, позже еще две войны, стремясь его завоевать? И одновременно, в 1839—1842 годах,— грабительскую войну против нищего Китая?

Может быть, на "оздоровительный лагерь" для народов была похожа Америка? А кто же тогда прибирал к рукам соседние земли — испанскую Флориду, мексиканский Техас, а потом и еще почти половину всей Мексики? Кто столько времени паразитировал на рабстве негров? — самом позорном и грязном в истории рабстве, ибо, во-первых, оно явилось не исторически закономерным пережитком развития общества в прошлом, а было привозным, купленным за деньги у "флибустьерской сволочи", по выражению Маркса; во-вторых, оно основывалось не только на классовом господстве, но и на гнусной расовой ненависти да еще на оторванности негров от родной земли, от родной природы; в-третьих, американское рабство было самым поздним во всей истории человечества.

Может быть, наконец, чем-то особенным и совершенно исключительным в мировой истории была родина самого де Кюстина? Страна-бессеребряник? Страна-альтруист? Страна-благодетель? А разве не деды-прадеды маркиза тринадцать лет вели изнурительную войну против англичан за испанское наследство, то есть за господство на европейских рынках, за колонии, за морское владычество? Разве не его же более близкие предки-родственники через несколько десятилетий ввязались в такую же длинную семь лет мародерскую войну за австрийское наследство после смерти Карла Шестого? А лет за

двадцать пять-тридцать до памятного путешествия маркиза не он ли сам, не его ли дружки-сверстники поработили всю Европу и с той же веселой целью двинулись на Россию, на эту ужасную "тюрьму", в которой к удивлению они обнаружили несколько избыточную любовь к свободе? Ну, а в том самом 1839 году, когда маркиз, одержимый страстью к путешествиям, отдавал последние распоряжения кучеру и слуге относительно несессера и погребца с винами, пледа и зонтика,— разве в том году не его соотечественники, вероломно нарушив перемирие, возобновили войну против плохо вооруженных алжирцев, бросив в сражение более ста тысяч войск — треть всей французской армии? Разве война против алжирцев не продолжалась с перерывами целых сорок лет?

Ничего этого не желая видеть, кюстины твердят свое: "Россия — тюрьма народов!" А для Англии находится постоянный эпитет "добрая", для Франции — "прекрасная", Америку величают "страной равных возможностей" да еще чтут ей здоровенную "Статую Свободы", словно она и впрямь когда-нибудь, кому-нибудь, хоть одному народу дала или помогла обрести свободу!

Но жизнь, но история идут своим путем. Многие народы, в том числе такой многочисленный и могучий, как украинский, такие древние, как армянский и грузинский, не спросясь заезжих маркизов, добровольно вошли в состав России, то бишь в ту самую "тюрьму". Где же это видано, чтоб в тюрьму — добровольно, да не один человек, у которого нет над головой крыши, как в рассказе О. Генри, а целые народы?

Конечно, как не без основания говорит один классический герой, весь мир — тюрьма. И у народов, что здесь упомянуты и не упомянуты, выбор был широкий: кто мог угодить в тюрьму панскую, кто в султанскую, кто в персиянскую, а кто и в особо надежную — в англичанскую. Но они сами предпочли Россию.

Одним из тех, кто по доброй воле оказался в российской "тюрьме народов", был, например, чувашский народ. И когда близилось к концу четвертое столетие его "тюремного заключения", первопросветитель чувашей Иван Яковлев призывал соплеменников: "Чтите и любите великий русский добрый и умный народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял нас в свою семью как братьев, не обидел и не унизил, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями, и вы приобщитесь к его светлому будущему и грядущему величию". Эти слова в декабре 1990 года на седьмом съезде писателей России повторил чувашский писатель Иван Тимофеев (Вулган).

Маркизов все это ничуть не трогает. Они озабочены другим: не мало ли для России клички "тюрьма"? Поразмыслив решают: мало! И не мешкая присовокупляют: "жандарм Европы!"

И мы сами поддакиваем: — Ну конечно, тюрьма! Ну, разумеется, жандарм! Как может быть иначе, если это сказали в просвещенной Европе?

И пошло-поехало: тюрьма! жандарм! — жандарм! тюрьма!..

Мы не замазываем на скрижалях истории польские и венгерские грехи царизма, но непристойно же забывать и о том, что помянутый "жандарм" по меньшей мере дважды спасал просвещенную Европу: и когда в трехсотлетней борьбе обескровил монголо-татарские орды и когда разметал не знавшие поражений полчища Наполеона. Де Кюстин не знал, но мы-то знаем: через сто лет после выхода его книги о "стране-тюрьме" выпадает нам еще один такой случай, только потруднее, пограндиознее да покровавее.

Ну-ка, проницательные маркизы, где другой народ, который вызволил из беды собратьев по человечеству хотя бы единожды? А-у-у-у!.. Молчание.

И однако же мы все терпим и "тюрьму", и "жандарма", и многое другое.

Этой-то нашей многотерпеливостью и объясняются такие феномены, как превознесение и шедевры стишка "Прощай, немытая..."

Главный редактор В. А. КАНАШКИН

Редакционная коллегия: БОНДАРЧУК С. Ф., ГРОМОВ В. П., ЗНАМЕНСКИЙ А. Д., КНЯЗЕВ А. А., КУЗНЕЦОВ Ю. П., ЛАСТОВКИН Ю. В., ЛИЧУТИН В. В., ПРИДИУС П. Е., СОЛОВЬЕВ Г. М./ответственный секретарь/.

Технический редактор Глова О. В.
Корректор Рубцова В. А.

Сдано в набор 06.12.91 г. Подписано в печать 10.01.92 г. Формат бумаги 70x100/16. Бумага типографская № 2. Уч-изд. л. 13,9. Тираж 20.000. Заказ 1207. Адрес редакции: 350650, Краснодар, а/я 69, ул. Коммунаров, 59. Телефоны: главный редактор — 52-29-44, заместитель главного редактора, секретариат — 59-22-60. Типография издательства "Советская Кубань". 350680, Краснодар, ул. Шаумяна, 106.

Редакция принимает только первые экземпляры не публиковавшихся ранее рукописей, отпечатанных на машинке.

Рукописи объемом меньше печатного листа не возвращаются.
Рукописи, присылаемые членам редколлегии, к рассмотрению не принимаются.